



НЕЗАВИСИМЫЙ  
АЛЪЯНС





Российская академия наук  
Институт славяноведения

Т. А. ПОКИВАЙЛОВА

Судьба  
«румынского  
золота»  
в России

1916–2020 гг.

Очерки истории

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЯ

2021

УДК 94(498)"19/20"

ББК 63.3(4Рум)6-6

П 483

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института славяноведения РАН  
(Протокол № 8 заседания Ученого совета ФБГУН  
Института славяноведения РАН от 29.12.2020)*

**Ответственный редактор:**

доктор исторических наук *Т.В. Волокитина*

**Рецензенты:**

доктор исторических наук, профессор *Г.Ф. Матвеев*

доктор исторических наук *Н.Н. Станков*

**Покивайлова Т. А.**

П483 Судьба «румынского золота» в России 1916–2020. Очерки истории / Т. А. Покивайлова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 268 с.

**ISBN 978-5-00165-289-2**

Судьба румынского золотого запаса, драгоценностей королевы Марии, исторических раритетов и художественных произведений, вывезенных в Россию более ста лет назад, относится к числу проблем, отягощающих в наши дни взаимоотношения двух стран. Тем не менее, до сих пор в российской историографии нет ни одного монографического исследования, посвященного этой теме. Задача данной работы – на базе новых архивных документов восполнить указанный пробел. В работе рассмотрены причины и обстоятельства эвакуации национальных ценностей в Москву, вскрыта тесная взаимосвязь проблемы «румынского золота» с оккупацией румынскими войсками Бессарабии в начале 1918 г., показаны перемещение золотого запаса в годы Гражданской войны по территории России, обсуждение статуса Бессарабии и вопроса о «румынском золоте» на международных конференциях межвоенного периода. Подробно освещена передача Румынии архивных коллекций в 1935 г. и историко-художественных ценностей в 1956 г. Особое внимание уделено проблеме взаиморасчетов между странами, изучение которой показало, что ущерб, нанесенный Румынией нашей стране в ходе двух мировых войн, намного превосходил стоимость «румынского золота», оказавшегося в России. Представлены материалы двусторонней Общественной комиссии по истории российско-румынских отношений, включая «румынское золото», начавшей работу в 2004 г.

Для историков, политологов, специалистов-международников и широкого круга читателей, интересующихся историей российско/советско-румынских отношений.

*На обложке – фотография золотого блюда  
изклада Петроасы (1837 г.), возвращенного в Румынию в 1956 г.*

ISBN 978-5-00165-289-2



9 785001 652892

УДК 94(498)"19/20"

ББК 63.3(4Рум)6-6

© Т. А. Покивайлова, 2021

© Институт славяноведения РАН, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## **«Румынское золото» в России – гордиев узел двусторонних отношений**

*(Вместо предисловия)*

< 7–23 >

### **Глава 1**

#### **С чего всё началось?**

*Перемещение «румынского золота» из Бухареста в Москву*

*1916–1917 гг.*

< 24–40 >

### **Глава 2**

#### **Возникновение вопроса о румынском долге.**

*Российское военное имущество в Румынии*

< 41–53 >

### **Глава 3**

#### **«Румынское золото» и большевики.**

*1918 г.*

< 54–74 >

### **Глава 4**

#### **Вопросы о Бессарабии и «румынском золоте».**

*За кулисами подготовки переговоров РСФСР с Румынией  
о заключении мирного договора 1919–1920 гг.*

< 75–87 >

### **Глава 5**

#### **Кто кому должен?**

< 88–100 >

### **Глава 6**

#### **Спорные вопросы о статусе Бессарабии и «румынском золоте».**

##### **Проблема взаиморасчетов.**

*Советско-румынская прелиминарная конференция 1921 г.*

< 101–117 >

### **Глава 7**

#### **Золото Советской Республики и загадка исчезновения «румынского золота»**

< 118–132 >

**Глава 8**  
**Проблема румынских ценностей**  
**на международных конференциях.**  
*1922–1934 гг.*  
< 133–142 >

**Глава 9**  
**Румынские ценности**  
**в кладовых Кремля.**  
*Первые инвентаризации. 1921–1924 гг.*  
< 143–167 >

**Глава 10**  
**Национальные ценности**  
**начинают возвращаться в Румынию.**  
*Установление дипломатических отношений*  
*между Румынией и СССР. 1934–1935 гг.*  
< 168–180 >

**Глава 11**  
**Проблема репараций,**  
**или еще раз о том, кто кому должен**  
< 181–198 >

**Глава 12**  
**Возвращение в Румынию национальных сокровищ.**  
*1955–1956 гг.*  
< 199–212 >

**Глава 13**  
**Проблемы «румынского золота» на переговорах в Москве.**  
**1965 г., сентябрь**  
< 213–228 >

**Глава 14**  
**Дискуссии продолжаются**  
< 229–242 >

**Заключение**  
**Проблемы остаются...**  
< 243–253 >

*Именной указатель*  
< 254–261 >

**«Румынское золото» в России –  
гордиев узел двусторонних отношений**  
(Вместо предисловия)

История «румынского золота», вывезенного в Россию в годы Первой мировой войны, насчитывает более ста лет и полна загадок, тайн и мифов. В отношениях двух стран вопрос о его судьбе является одним из ключевых, но в силу разных причин всё ещё не получил своего окончательного разрешения.

Несмотря на интерес исследователей, признающих важность и актуальность изучения истории золотого запаса Румынии, в отечественной историографии вплоть до настоящего времени нет монографических исследований по данной теме. Неоднократно являясь предметом двусторонних дискуссий на протяжении межвоенного периода, вопрос о национальном золотом запасе оставался в подвешенном состоянии. В первую очередь это объяснялось политической конъюнктурой. Ситуация мало изменилась и по окончании Второй мировой войны, в результате которой Румыния оказалась в советской сфере влияния, и особенно после установления в Румынии в 1948 г. властной монополии коммунистов. Советская сторона, а под ее давлением и румынская, старательно обходили спорные и болезненные вопросы, могущие осложнить отношения между союзниками по «социалистическому лагерю». В нашей стране такой подход определял и порядок строго регламентированного предоставления исследователям архивных материалов, находившихся на особом режиме хранения. Вплоть до «архивной революции», развернувшейся в конце 1990-х годов, многие важные документы по истории России/СССР, в том числе способные пролить свет на судьбу «румынского золота», оставались недоступными. «Открытие» архивов, безусловно, существенно изменило положение: в научный оборот были введены многие оригинальные документы, активно шел процесс формирования новой источниковой базы

по многим направлениям исторических исследований. Сделано в этом плане было немало, но, к сожалению, к началу 2000-х гг. «архивная революция» сошла на нет, процесс рассекречивания архивных коллекций застопорился, блокируя исследовательские возможности учёных. Более того, новые ограничения доступа к архивным коллекциям, фактически сравнимые с «вторичным» засекречиванием, вновь сделали недостижимыми некоторые материалы, которые в период «архивной революции» дошли до исследователей. Коснулось это и «румынского золота».

История национального золотого запаса, оказавшегося в России, восходит ко времени Первой мировой войны, в которой Румыния выступала на стороне Антанты. В 1916–1917 гг., когда положение на фронтах создало для страны реальную угрозу оккупации странами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией и Болгарией, в Бухаресте было принято решение передать союзной царской России золотой запас Национального банка, драгоценности королевы Марии, фонды музеев и Румынской православной церкви, документальные коллекции Румынской академии и государственных архивов и некоторые ценности частных лиц. При этом оказавшийся в Москве золотой запас («золото»), как указывалось позднее в Отчете по золотому запасу, составленном специальной комиссией Совета Труда и Оборона (СТО), оценивался «приблизительно» в 117 млн рублей<sup>1</sup>. После вступления румынских войск в Бессарабию дипломатические отношения Советской России и Румынии в январе 1918 г. были разорваны, а на находящиеся в Москве ценности наложен арест. В постановлении Совета Народных Комиссаров от 13(26) января 1918 г. в связи с этим указывалось: «Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа»<sup>2</sup>. В годы Гражданской войны находившееся в кремлев-

---

<sup>1</sup> См., например: Золотой запас Российской империи – [ru.wikipedia.org/wiki/Золотой\\_запас\\_Российской\\_империи](http://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_запас_Российской_империи); *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. Торгсин. М., 2009. С. 363, 524.

<sup>2</sup> Внешняя политика СССР. Сборник документов (1917–1944 гг.) / Сост. А.С. Тисминец. Т. I (1917–1920 гг.). М., 1944. С. 46.



ских кладовых «румынское золото» было вывезено из Москвы, неоднократно перевозилось с места на место. В этой круговерти его следы затерялись. Существует версия, правда, неподтвержденная, что они скрывались намеренно<sup>1</sup>.

На наш взгляд, воссоздать историю румынского золотого запаса в России значит ответить, опираясь на документы, на ряд важных вопросов: Почему именно Россия была выбрана румынским правительством в качестве партнёра, которому были доверены золотой запас, драгоценности Короны и историко-художественные ценности? Каковы были условия транспортировки ценностей в Россию? Как отразились на судьбе «румынского золота» разрыв дипломатических отношений между Советской Россией и Румынией в январе 1918 г. и их восстановление в 1934 г.? Что происходило с румынским золотым запасом в период Гражданской войны – был ли он захвачен чехословацкими легионерами, а затем Колчаком? Как и в каком объеме «румынское золото» вернулось в Москву? Стало ли оно частью «золота Коминтерна», и в какой мере использовалось при финансировании «мировой революции» и, в частности, деятельности румынских коммунистов? Как подготавливалась и осуществлялась передача Румынии архивов в 1935 г. и историко-художественных ценностей в 1956 г.? И главное – эквивалентна ли стоимость «румынского золота» тому ущербу, который был нанесён России и Советскому Союзу королевской Румынией в ходе мировых войн? Иными словами – кто кому должен?

Ответ на эти вопросы важен не только с научной точки зрения. После распада Советского Союза вопрос о золоте постоянно звучит в румынских средствах массовой информации, превратился в проблему межгосударственных отношений, ставится на официальном уровне с привлечением к нему внимания международных организаций. Учитывая претензии современной Румынии, настаивающей на возвращении ей золотого запаса или его денежного эквивалента, восстановление исторической истины может способствовать уточнению контраргументов российской стороны.

---

<sup>1</sup> См., например: *Селиванова И.* Вирази румыно-российских отношений // Современная Европа. 2002. № 4. С. 87.

Трудности поиска адекватных ответов на вопрос о судьбе «румынского золота» в России во многом обусловлены тем обстоятельством, что он оказался включённым в широкий исторический контекст: две мировые войны, Февральская революция и приход к власти в России большевиков в октябре 1917 г., события в Бессарабии и на Румынском фронте в 1918 г., трудные переговоры по территориальным и другим спорным вопросам на дипломатическом уровне и на международных конференциях межвоенного периода, а, начиная с середины 1960-х годов, также и на встречах руководителей двух стран, и пр. От исследователей требуется объективный, лишенный политических пристрастий подход и учет разнообразных факторов, в том числе и остающихся в числе дискуссионных. Задача исключительно трудная, поскольку в коллективной памяти нескольких поколений румын судьба национального золотого запаса и других ценностей является преданием, в которое верит народ и которое слабо поддаётся какой-либо корректировке.

Отмеченные выше вопросы, которые автор намерена осветить в монографии, до сих пор оставались недостаточно и неравномерно изученными. В современной российской историографии история «румынского золота» в России традиционно и правомерно рассматривается в контексте «бессарабского вопроса» – территориального спора между Советской Россией/СССР и Румынией за Бессарабию. Вопрос о возвращении золотого запаса советская сторона напрямую связывала с прекращением длительной (на протяжении 22 лет) румынской «оккупации» (по советской терминологии) края. Румынские власти не принимали этого условия советского правительства, рассматривая ввод своих войск в Бессарабию в 1918 г. и последовавшую за ним аннексию края как его «освобождение». Оппозиция «оккупация–освобождение», отражавшая не столько терминологическое разночтение, сколько скрывающийся за ней политический подтекст, явилась отправной точкой в дискуссиях, морально-правовым обоснованием позиций сторон. Актуальна она и в наши дни.

Документально обоснованная точка зрения российских исследователей по этому и другим ключевым вопросам исторического прошлого Бессарабии впервые была изложена в подготовленном сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН

сборнике «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы», увидевшем свет в 1996 г.<sup>1</sup> Это ценное издание является важнейшим рубежом в исследовании истории края, начиная со Средневековья и до вступления Румынии в войну против СССР на стороне нацистской Германии в 1941 г. Четко сформулированная исследовательская задача – проанализировать повороты в судьбе Бессарабии с точки зрения их международно-правового значения, сознательно отказавшись от социально-партийного подхода, обусловила внимательный подход авторов и к отбору публикуемых как приложение документов, исходя из понимания их «большой убедительной силы» и принципа «разумной достаточности». В контексте рассмотрения обоснований и перемен территориальной принадлежности Бессарабии – ввода на ее территорию румынских войск в 1918 г. и возвращения края в состав СССР в 1940 г. в результате военно-политического давления советской стороны – были освещены и сюжеты, связанные с золотым запасом Румынии. Авторы соответствующих разделов В.Н. Виноградов и М.Д. Ерещенко, помимо прочего, тщательно учли все известные на то время подсчеты стоимости российского военного имущества, захваченного румынской стороной в Бессарабии в годы Гражданской войны и военной интервенции, и задолженности румын за военные поставки в период Первой мировой войны, в том числе и за российский счет. Приведенные цифры убедительно свидетельствовали о правомерности постановки вопроса «кто кому должен?», который, как подчеркивали авторы, старательно обходится румынской стороной. В документальной подборке впервые были представлены некоторые материалы о «румынском золоте», в основном, из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Таким образом, российские историки без малого четверть века назад, опираясь на документы, сформулировали научную позицию, которая легла в основу современного обоснования контрпретензий российской стороны при рассмотрении вопроса о национальном золотом запасе Румынии.

---

<sup>1</sup> Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996.

Некоторые новые материалы по бессарабскому вопросу вошли в совместное издание Министерствами иностранных дел Российской Федерации и Румынии двухтомника документов о советско-румынских отношениях на протяжении 1917–1941 гг.<sup>1</sup> Составители также впервые опубликовали протокол от 31 мая 1935 г. о передаче румынской стороне национальных архивов, эвакуированных в Россию в 1916 г., чем было положено начало возвращению Румынии национальных ценностей.

В ряду исследований по истории Бессарабии заметное место занимает монография авторитетного специалиста по истории международных отношений межвоенного периода М.И. Мельтюхова «Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940», вышедшая в серии «Актуальная история»<sup>2</sup>. Всестороннее изучение «самой первой и самой долгой интервенции в истории советского государства» позволило автору доказательно представить позиции сторон по территориальным и финансовым вопросам, отражавшим взаимный интерес, их фактическую готовность к компромиссному решению на основе взаимовыгодного обмена, при котором на одной чаше весов оказывалось «румынское золото», а на другой – признание Бессарабии частью Румынии. Бухарест склонялся к отказу от требования вернуть «ценности и драгоценности Короны» в обмен на приращение территории, на перспективу реализации идеи «великой Румынии», претендовавшей на роль регионального лидера.

В последние годы отечественную историографию пополнил ряд статей о судьбе «румынского золота» в России, вышедших из-под пера автора настоящей монографии. При этом впервые в научный оборот были введены документы из федеральных архивов России, полученные в ходе работы совместной Общественной комиссии по изучению двусторонних отношений между Россией и Румынией, включая вопрос о «румынском золоте»<sup>3</sup>. Решение

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Документы и материалы: в 2-х т. /А.А. Авдеев, М-Р. Унгуриану (Гл. ред.). Т. 1. 1917–1934; Т. 2. 1935–1941. М., 2000.

<sup>2</sup> Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010.

<sup>3</sup> Покивайлова Т.А. Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблема взаиморасчётов // Первая мировая война и судьбы народов

о создании комиссии было принято в 2003 г. по договоренности между Президентами В.В. Путиным и И. Илиеску с целью научного исследования указанных проблем. В декабре 2003 г. была сформирована российская часть совместной комиссии в составе историков-международников и ведущих российских румынистов (акад. А.О. Чубарьян, доктора исторических наук В.Н. Виноградов, Л.Е. Семёнова, А.А. Язькова, И.И. Орлик, кандидаты исторических наук Т.А. Покивайлова, В.В. Ищенко). Работа комиссии, хотя и испытывала влияние политической конъюнктуры и шла неравномерно, сопровождаясь острыми дискуссиями, способствовала выявлению и введению в научный оборот значительного корпуса первоисточников, уточнению конкретных фактов, связанных с судьбой румынских ценностей. Дело, однако, заключается в том, насколько документальная оснастка спорного вопроса способна повлиять на его решение. Замысел отдать проблему «румынского золота» «на откуп» специалистам-историкам для детального изучения, безусловно, свидетельствует о политическом реализме сторон: каких-либо конкретных вариантов выхода из тупиковой ситуации на сегодняшний день нет.

---

Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 602–919; *Она же*. Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещённого в Россию в годы Первой мировой войны // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 358–370; *Она же*. Из истории советско-румынских отношений. Прелиминарная конференция (Варшава, сентябрь–октябрь 1921 г.) // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы – [http://www.perspektivy.info/history/iz\\_istorii\\_sovetsko-rumynskih\\_otnoshenij\\_preliminarnaja\\_konferencija\\_1921\\_g\\_v\\_varshave\\_2019-05-16.htm](http://www.perspektivy.info/history/iz_istorii_sovetsko-rumynskih_otnoshenij_preliminarnaja_konferencija_1921_g_v_varshave_2019-05-16.htm); *Она же*. Первая мировая война и судьба румынского золота в контексте российско-румынских отношений // *Rusia și România În timpul primului război mondial. 1918–2018* // Coordinatori: Hlihor C., Shkundin G.D., Soare V., Stikalin A.S. București, 2018. С. 301–311; *Idem*. Aurul românesc. Taina cheilor de la depozitele Kremlinului de la Moscova // *In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credințe / Ingrijire de ed.: Laurențiu Constantiniu. București, 2013. P. 506–515; Idem*. Relații sovieto-româno în anii Primul Război Mondial și probleme decontărilor reciproce // *Relații româno-ruse/sovietice din secolul al XIX – lea până în prezent / Coordinatori Ana Maria Cătănuș. București, 2020. P. 66–76.*

Для осмысления проблемы правопреемства СССР/Российской Федерации в отношении Российской империи важное значение имеют работы отечественных исследователей, посвященных золотому фонду, доставшемуся большевикам после революции, и выплате долгов царской России и Временного правительства<sup>1</sup>. Заметим, что в работах 1990–х гг. представлены документы, подвергшиеся впоследствии «вторичному» засекречиванию, о чем говорилось выше, что придает им сегодня особую ценность.

Немало сведений о «румынском золоте» сегодня можно найти «на просторах» интернета. Их авторы, как правило, сосредотачиваются на наиболее обсуждаемых вопросах: излагают историю эвакуации национальных ценностей, приводят румынскую и российскую точки зрения, рассматривают проблему взаиморасчетов и пр.<sup>2</sup>. Однако публикуемые материалы требуют строгой критической оценки, поскольку нередко грешат неточностями и ошибками, иногда весьма серьезными.

Особо следует отметить, что авторы не обходят вниманием и спорный вопрос о том, сколько «весили» золотой запас и цен-

<sup>1</sup> См., например: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008; *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994; *Сапоговская Л.В.* Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 21–47; *Сироткин В.Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. М., 1997; *Он же.* Зарубежное золото России. М., 1999; *Он же.* Зарубежные клондайки России. М., 2003; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1944–1920: Документы и материалы в 2–х т. Том 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. (Вступительная статья д.и.н. *Сератионовой Е.П.*). М., 2018. С. 5–28; *Латышев А.* Ленин и румынское золото // Российская газета. 1993. 24 апреля; *Луняшин П.Д.* Золотые резервы царской России перед Октябрьской революцией – [news.mysledon.com/ru/news/index/230245636](http://news.mysledon.com/ru/news/index/230245636) (дата обращения – 18.06.2020).

<sup>2</sup> См., например: *Чичкин А.* Румынское золото в России: Кто кому должен? – [ruspred.ru/arh/tn1/5rr.html](http://ruspred.ru/arh/tn1/5rr.html); Румынское золото – [mywebs.su/blog/coin/11008](http://mywebs.su/blog/coin/11008); Золотой запас Румынии: Почему от России требуют его вернуть – [myhistory.mirtesen.ru/blog/43307404071/Zolotoy-zapas-Rumunii-pochemu-ot-Rossii-trebuyut-ego-vernut](http://myhistory.mirtesen.ru/blog/43307404071/Zolotoy-zapas-Rumunii-pochemu-ot-Rossii-trebuyut-ego-vernut); *Лукьянов Ф.* Манящий свет золотых «Плеяд». Румыния продолжает ждать золота из России – [kurier.ru/item/1757-1819-390-manyashchij-svet-zolotykh-pleyad](http://kurier.ru/item/1757-1819-390-manyashchij-svet-zolotykh-pleyad); Куда исчезло золото Румынии, которое отдали на хранение России перед революцией – [sport.gambler.ru/other/41326003-kuda-ischezlo-zoloto-rumunii-kotoroe-otdali-na-hranenie-rossii-pered-revolyutsiey](http://sport.gambler.ru/other/41326003-kuda-ischezlo-zoloto-rumunii-kotoroe-otdali-na-hranenie-rossii-pered-revolyutsiey); *Костыркин Н.* Исчезнувшие сокровища – [aif.md/ischeznuvshie-sokrovishha/](http://aif.md/ischeznuvshie-sokrovishha/).

ности, прибывшие в Москву? Разброс данных на этот счет весьма велик. Наиболее часто встречающаяся цифра – 91–93 с лишним тонны, что соответствует оценкам румынской стороны. Из последних сведений обращаю внимание читателя на статью в интернете «Золотой запас Российской империи» (версия датирована мартом 2020 г.), где фигурирует цифра 91,3 тонны<sup>1</sup>, и информацию российского геолога, эксперта по золотодобыче и журналиста П.Д. Луняшина: в 2020 г. на интернет-сайте «Золотодобыча» он привел материалы Наркомата финансов СССР, согласно которым эвакуированный в Россию румынский золотой запас равнялся 91,28 тонны<sup>2</sup>. Сам Луняшин, однако, считает эту цифру изрядно завышенной, сводит ее к 70,4 тонн. При этом он учитывает, что в 1915 г. весь золотой запас Национального банка Румынии, по данным Всемирного совета по золоту (World Gold Council), составлял 64,1 тонны<sup>3</sup>, а впоследствии постоянно сокращался (в 1920 г., например, составлял 1,96 тонны. Позитивная динамика отмечена позднее: в 1925 г. – 72,98 тонн, 1930 г. – 84 тонны и пр.). Таким образом, вопрос об объеме «румынского золота», оказавшегося в России, остается на сегодняшний день дискуссионным.

В современной Румынии первой работой по интересующей нас теме, опубликованной в 1993 г., стал сборник документов «Румынские сокровища в Москве (1916–1917 гг.)», посвященный истории отправки ценного груза. Составителями, авторами аннотаций и комментариев выступили историки В. Мойсук, И. Калафетяну и К. Боторан<sup>4</sup>. Появление широко разрекламированного сборника не осталось незамеченным румынской общественностью, вызвав не только закономерный интерес, но и критические настроения в отношении России, «лишившей» Румынию национального богатства. Иными словами, основную задачу исследователей – обоснование финансовых претензий к России –

---

<sup>1</sup> Золотой запас Российской империи – [ru.wikipedia.org/wiki/Золотой\\_запас\\_Российской\\_империи](https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_запас_Российской_империи).

<sup>2</sup> Луняшин П.Д. Золото королевской Румынии в России – [zolotodb/article/12334](https://zolotodb/article/12334) (дата обращения 7.06.2020).

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Tezaurul României la Moscova. Documente (1916–1917) selectate, anotate și comentate de V. Moisuc, I. Calafeteanu, C. Botoran. București, 1993.



можно считать выполненной. При игнорировании российских контрпретензий работа неизбежно приобрела односторонность и очевидную политическую направленность.

В 2000 г. на книжном рынке появилось (в переиздании) исследование Михаила Гр. Ромашкану «Румынское золото в Москве», впервые опубликованное в Бухаресте в 1934 г.<sup>1</sup> После установления в Румынии народной власти книга Ромашкану находилась в спецхране и оказалась востребованной в наши дни. Автор – не только экономист, крупный чиновник Национального банка Румынии, но и писатель, известный несколькими сочинениями именно о «румынском золоте». Его интересное исследование основано на большом фактическом материале и документальных источниках. Ромашкану изучил причины передачи золотого запаса в Россию, охарактеризовал условия, в которых осуществлялась его эвакуация, показал, каким образом обострение отношений Румынии с Советской Россией повлияло на вопрос о возвращении в страну национальных ценностей. Он также проанализировал позицию румынской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г., на которой румынские представители выдвинули перед союзниками, в частности Францией и Англией, требование подтвердить гарантии, данные Бухаресту в 1918 г., о сохранении в неприкосновенности золотого фонда Румынии. Как отметил Ромашкану, румыны, видимо, надеялись получить хотя бы часть российского золота, доставшегося Франции по Брест-Литовскому мирному договору после капитуляции Германии. Однако добиться в Париже положительного решения румынской делегации не удалось.

Не обошел вопрос о национальных сокровищах и известный румынский писатель межвоенного периода Думитру Д. Пэтрэшкану. Его интересовала судьба историко-художественных ценностей, отправленных в Москву летом 1917 г. Выдержки из его работы не так давно опубликовала Виорика Мойсук в сборнике статей и документов, посвященных истории румынских сокровищ, хранившихся в Москве<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Romașcanu Mihail Gr.* Tezaurului Român de la Moscova. București, 2000 (reeditare a ediției originale de la 1934).

<sup>2</sup> *Pătrășcanu D.D.* despre Tezaurul românesc aflat la Moscova (extrase)//



Свержение в конце декабря 1989 г. Чаушеску и падение коммунистического режима положили начало активной и систематической работе румынских историков по выявлению и публикации документов о судьбе национальных сокровищ. Диапазон публикаций «по золоту» многообразен. Свет увидели многочисленные научные статьи, документальные подборки, включая новые документы из румынских архивов, мемуары политических деятелей, журналистские эссе и др.<sup>1</sup>. Заметно внимание к судьбе национальных сокровищ со стороны популярных исторических журналов «*Dosarele istoriei*» («Архивы истории») и «*Magazin istoric*» («Исторический журнал»). Предоставляя свои страницы для материалов по актуальным темам, они активно участвуют в реализации «исторической политики» румынского государства<sup>2</sup>.

Важную информацию о ситуации в стране, взаимоотношениях внутри руководства Коммунистической партии Румынии

---

*Moisuc V.* România și politica rusească. Un secol din istoria Tezaurului românesc «păstrat» la Moscova (Studii și documente). București, 2013. P. 319–323.

<sup>1</sup> *Betea L.* Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. Convorbiri. București., 1997; *Idem.* Partea lor de adevări. Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. Convorbiri. Maurer și lumea de ieri. Mărturii despre stalinizare României. Convorbiri neterminate cu Corneliu Mănescu. București, 2008; *Anton M., Chiper I.* Instaurarea regimului Ceaușescu. Continuitate și ruptură în relații româno-sovietice. București, 2003; *Medieval and Early Modern Romanian Art.* The National Museum of Romania. București, 2008; *Moisuc V.* România și politica rusească. Un secol din istoria Tezaurului românesc «păstrat» la Moscova (Studii și documente). București, 2013; *Păunescu Cr., Ștefan M.* Tezaurul Băncii Naționale României la Moscova. București, 2011; *Scurtu I.* Tezaurul României de la Moscova. București, 2014; *Buga V.* Pe muchie de chușit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989. București, 2013; *Voicu M.* Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016.

<sup>2</sup> *Moisuc V.* Tezaurul României evacuat la Moscova, confiscat de soviete // *Dosarele istoriei.* 2001. № 11. P. 2–13; *Păunescu Cr.* Sovieticii despre aurul românesc // *Magazin istoric.* 2003. № 6. P. 95–97; *Țugui P.* Hrușciov, Gheorghiu-Dej și Tezaurul României de la Moscova // *Dosarele istoriei.* 2003. № 6. P. 55–61; *Păunescu Cr., Ștefan M.* Misterioase personaje în jurul tezaurului B.N.R. // *Magazin istoric.* 2004. № 12. P. 50–53; *Bistreanu I.* În ianuarie fierbinte... // *Magazin istoric.* 2012. № 8. P. 51–56, № 9. P. 58–61; *Idem.* Tezaur de la Moscova, între legendă și adevăr // *Magazin istoric.* 2013. № 6. P. 98–100.

и другим вопросам, в том числе и о «румынском золоте», можно получить, анализируя источники личного происхождения – мемуары политических деятелей 40-х – 80-х гг. XX в.<sup>1</sup>. Обобщая подобного рода материалы, румынский историк Л. Бетя опубликовала в 2008 г. книгу, в которую вошли её интервью и записи бесед с бывшими партийными и государственными деятелями Ал. Бырлэдяну, И.Г. Маурером и К. Мэнеску<sup>2</sup>.

В целом, однако, большое количество публикаций румынских авторов обратно пропорционально вариантам авторской интерпретации. Последняя, в основном, схожа, поскольку подчинена единой задаче: доказать права Румынии на золото и обосновать требования его возвращения. Контрпретензии российской стороны при этом игнорируются. Как, впрочем, и тот факт, что территориальные потери Румынии по итогам Второй мировой войны (Бессарабия и Северная Буковина) были в свое время компенсированы передачей ей Северной Трансильвании при решающей роли Советского Союза.

В последние годы в Румынии продолжались выявление и публикации новых документов, касающихся «румынского золота». Прежде всего, нужно отметить работу Кр. Пэунеску, руководителя одного из отделов Национального банка, и историка М. Штефана. В томе, подготовленном ими, содержатся документы из архива Национального банка Румынии за 1916–1918 гг. Публикации коллекции документов предшествует обширный исторический очерк. Предисловие к тому написано директором банка М. Исэреску<sup>3</sup>. В сборнике документов, посвящённом развитию румыно-советских отношений в 1965–1966 гг., впервые была опубликована стенограмма встречи советской и румынской делегаций в Москве в сентябре 1965 г. (авторы – сотрудники Института истории

<sup>1</sup> *Apostol Gh. Eu și Gh. Dej. București, 1998. Brucan S. Generația irosită. București, 1992. Sfetcu P. 13 an în anticamera lui Dej. București, 2000. Țugui P. 1956. Hruscov, Gheorghiu Dej și tezaurului României de la Moscova // Dosarele istoriei 2003. P. 55–61.*

<sup>2</sup> *Betea L. Partea lor de adevăr. Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. Convorbiri; Maurer și Lumea de ieri Mărturi despre stalinizarea României; Convorbiri neterminate cu Corneliu Mănăscu. București, 2008.*

<sup>3</sup> *Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale a României la Moscova/ Documente. Ediția a II. – revăzută și adaugită. București, 2011.*

имени Н. Йорги М. Антон и И. Кипер) <sup>1</sup>. К сожалению, российский альтернат записи исследователям недоступен, поэтому сопоставить обе версии изложения дискуссии, развернувшейся на этой встрече, пока не представляется возможным. Одна из глав книги румынского историка, крупного специалиста в области исследования румыно-советских отношений В. Буги посвящена рассмотрению проблем «румынского золота» в контексте румыно-советских отношений в эпоху Н. Чаушеску (1965–1989) <sup>2</sup>.

За последние годы румынская историография пополнилась ещё несколькими интересными работами. Столетие истории «румынского золота», перемещённого в Россию в 1916 г., ознаменовалось выходом в свет книги журналиста и историка М. Войку, предпринявшего попытку пройти по следам национальных сокровищ за столетний период. Автор использовал новые документы из румынских архивов, изучил эмигрантскую прессу, рассмотрел различные версии исчезновения драгоценностей королевы Марии, опубликовал в приложении интервью (в том числе и взятые им лично) с румынскими и российскими историками, руководителями и сотрудниками научных, культурных и других учреждений о перспективах решения этой проблемы <sup>3</sup>. Книга известного румынского историка И. Скурту рассматривает проблемы, связанные с состоянием изучения проблемы «румынского золота» на современном этапе. Возглавляя в 2004–2012 гг. румынскую часть двусторонней комиссии, о которой сказано выше, Скурту подробно описал историю создания комиссии, тщательно проанализировал дискуссии по основным вопросам российско-румынских отношений, связанных с историей «румынского золота», и позиции сторон <sup>4</sup>.

Интересная информация о судьбе румынских драгоценностей содержится в воспоминаниях кадрового британского раз-

---

<sup>1</sup> *Anton M., Chiper I.* Înstaurarea regimului Ceaușescu. Continuitatea și ruptură în relații româno-sovietice. București, 2003. P. 128–224.

<sup>2</sup> *Buga V.* Pe muchie de cuțit. Relațiile le româno-sovietice. 1965–1989. București, 2013. P. 373–382.

<sup>3</sup> *Voicu V.* Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016.

<sup>4</sup> *Scurtu I.* Tezaurul României de la Moscova. București, 2014.

ведчика, сотрудника знаменитой СИС (Secret Intelligence Service) Джорджа Хилла, изданных во Франции (1931 г.) и Великобритании (1932 г.) и переведённых в Москве в 2000 г. с обширным предисловием и комментариями военных историков В.А. Авдеева и В.В. Марковчина<sup>1</sup>. Автор – непосредственный участник событий 1917–1918 гг. в России, встречавшийся с Лениным и Троцким, имевший отношение к «заговору послов», истории с «золотом кайзера» и пр. Воспоминания Хилла исследователи-профессионалы считают не особенно надежным источником, требующим серьезной верификации, но, тем не менее, игнорировать приведенные им сведения было бы неправильно. Для изучения проблемы «румынского золота» полезна информация Хилла о том, как по просьбе румынского посланника в России К. Диаманди ему вместе с канадским подполковником Дж. Бойлем удалось переправить из Москвы в Яссы часть драгоценностей Короны, бумажных банкнот, печатавшихся для румынского правительства в России, и архивов, возвращенных советским правительством.

Написанию настоящей монографии предшествовала продолжительная работа автора по выявлению документов в центральных российских и зарубежных архивах – Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном архиве социально-политических исследований (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Выявленные документы сопоставлялись с ранее уже опубликованными документами. Кроме того, автор имела возможность ознакомиться с материалами румынских и французского хранилищ: Архива МИД Румынии (Arhiva Ministerului Afacerilor Externe al României – А.М.А.Е.), Центрального национального исторического архива (Arhivele Naționale Istorice Centrale – А.Н.И.С.), Архива МИД Франции (Les Archives du Ministère des Affaires Étrangères – АЕ) – в фонде «Trésor Roumain à Moscou» («Румынское сокровище в Москве»), насчитывающем около ста документов.

Документы АВП РФ (референтура по Румынии; российское/советское посольство в Румынии; фонды наркомов по иностран-

---

<sup>1</sup> Хилл Дж. Моя шпионская жизнь (Перевод с фр.). М., 2000.

ным делам Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова, политика, дипломата и государственного деятеля Х.Г. Раковского и др.) позволили проанализировать международные условия, в которых в 1916 г. решался вопрос об эвакуации в Москву румынских ценностей под гарантии царского правительства, форс-мажорные обстоятельства, возникшие для Советской России в первые годы после прихода большевиков к власти (Гражданская война, ввод в 1918 г. румынских войск на территорию Бессарабии, находившейся с 1812 г. в составе Российской империи, экономическая блокада Советской России и военная интервенция западных держав и т. д.). Сложности и подвижки в развитии советско-румынских отношений непосредственно отражались и на позиции советской власти в вопросе о судьбе «румынского золота».

В АВП РФ автором были выявлены ценные материалы об обсуждении «бессарабского вопроса» на международных конференциях 1920-х – начала 1930-х гг. и о двусторонних российско-румынских переговорах с рассмотрением вопроса о золотом запасе. Особо большое значение имеют документы о слабоизученной проблеме взаиморасчётов России и Румынии по накопившимся за годы Первой мировой войны румынским долгам и возмещению ущерба, нанесенного румынами в Бессарабии. В конечном итоге, как было установлено Комиссией НКВД во главе с М.М. Литвиновым, созданной специально для подсчёта долгов Румынии России, задолженность Румынии, включая «румынское золото», превышала ее финансовые претензии к России.

При изучении фондов РГАСПИ основное внимание было обращено на документы Политбюро ЦК РКП(б) и материалы, характеризующие деятельность В.И. Ленина как председателя Совнаркома. Часть их, например, постановление Совета Народных Комиссаров от 15(28) января 1918 г. о «финансировании румынской революции» и румынских революционеров из национального золотого фонда, уже была введена ранее в научный оборот. Нами были проанализированы также постановления высших государственных органов и Политбюро ЦК РКП(б), касающиеся инвентаризации и сохранности румынских ценностей, в частности, решения от 14 мая 1921 г. и 12 июля 1923 г.

Оценить состояние российского золотого фонда позволяют документы, сохраняемые в фонде первого заместителя (с 1921 г.),

а затем, с 1922 г., наркома финансов Г.Я. Сокольников. Ценные сведения на этот счёт содержатся в переписке Сокольников с Политбюро ЦК РКП(б), Наркоматом внешней торговли и другими советскими учреждениями. Документы свидетельствуют о том, что Ленин осуществлял личный контроль за состоянием золотого запаса России и его расходом. Именно руководителю советского государства адресовалась справка Наркомата финансов от 3 февраля 1922 г. о наличии в стране золота, его расходе и поступлении.

В выявленном в ГА РФ отчёте зам. начальника Управления валютного фонда Наркомата финансов, представленном в Рабоче-крестьянскую инспекцию (Р.К.И.), среди данных о состоянии золото-валютного фонда на август 1924 г., а также его расходах и доходах в период с 1918 по 1924 г. и о статьях расходов отдельной строкой, что особенно важно, выделены сведения о наличии на тот момент «румынского золота». Кроме того, в Р.К.И. из Управления были направлены выписки о румынских ценностях, эвакуированных в Россию летом 1917 г. (в выписках отражены размещение ценностей в помещении Ссудной казны, оценка состояния на тот момент, акты первой инвентаризации 1922 г. и наличие румынских ценностей к 1924 г. в Государственном хранилище ценностей Советской России – Гохране).

Материалы ГА РФ о месте хранения румынских ценностей подтверждаются документами РГАЭ. Справка о деятельности Московской ссудной казны за период с 20 октября 1916 г. по август 1918 г. подтверждает, что поступившие из Румынии летом 1917 г. ценности находились в помещении казны, а золото размещено в кладовых Московского Кремля.

Определённый интерес представляют документы о «румынском золоте», обнаруженные автором монографии во Франции. Переписка французского посольства в Петрограде и Бухаресте и Генерального консульства в Москве о взаимоотношениях с большевиками после октября 1917 г., о находившемся в Москве «румынском золоте» раскрывают позицию французских властей и дипломатических служб относительно перемещённых в Россию ценностей. В том числе рассматривается вопрос и о предоставленных румынскому правительству державами Антанты

гарантиях сохранности и неприкосновенности золотого запаса, находившегося в Советской России.

Предложенный автором краткий обзор исследований и документов по истории золотого запаса и других румынских ценностей в России не претендует на исчерпывающее освещение вопроса. Он призван сформировать у читателя лишь общее представление о степени его изученности, направлениях и возможных перспективах исследования. Исходя из политических реалий наших дней, следует признать, что история, точнее, апелляция к прошлому, используется политиками в соответствии с субъективными трактовками национально-государственных интересов, поэтому для того, чтобы развязать или разрубить gordiev узел запутанного вопроса, потребуется, прежде всего, политическая воля сторон.

## Глава 1

### *С чего всё началось?*

# **Перемещение «румынского золота» из Бухареста в Москву.**

*1916–1917 гг.*

Вступив летом 1916 г. после долгих колебаний в войну на стороне Антанты, Румыния вскоре начала терпеть военные поражения. Германские войска и их союзники по Четверному союзу (Австро-Венгрия, Болгария, Турция), разгромив румынскую армию, оккупировали большую часть территории страны. В связи с наступлением неприятеля центральные учреждения страны, Национальный банк, парламент, правительство, королевская семья и частные фирмы переехали в г. Яссы, расположенный на северо-востоке страны на границе с Бессарабией. Сюда же был переправлен и золотой запас Румынии. В Яссах также размещалось командование Румынским фронтом (так с декабря 1916 г. называлось оперативно-стратегическое объединение русской и румынской армий на южном фланге русско-германского фронта) во главе с Августейшим Главнокомандующим – королем Фердинандом. (Реальные бразды правления, однако, держал в своих руках его официальный помощник генерал Д.Г. Щербачёв). Находилась в Яссах и российская миссия.

23 ноября (6 декабря) 1916 г. \* Бухарест был сдан немцам. Румынская армия как организованная сила перестала существовать. Из 700 тыс. человек, насчитывавшихся в ее рядах в августе 1916 г., под ружьем осталось 70 тыс. <sup>2</sup>, т. е. численность армии сократилась в 10 раз. Но дело было не только в цифрах. Российский

---

\* Двойная датировка событий здесь и далее обусловлена изменениями в системе летоисчисления. В России (с февраля 1918 г.) и Румынии (с апреля 1919 г.) был введен новый стиль, соответствовавший григорианскому календарю. Даты по новому стилю указаны в скобках. Старый стиль соответствовал прежнему, юлианскому, календарю.

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н.* Расчёты и просчёты румынских правителей в годы Первой мировой войны // *Славяноведение*. 2014. № 1. С. 86.



посланник в Румынии А.А. Мосолов, временно заменивший на этом посту выехавшего в Петроград С.А. Поклевского-Козелла, так описал отступавшие румынские части: «Я увидел толпы беглецов, представлявших остатки румынской армии. Это были не регулярные части, а насильственно собранные сборища избегнувших гибели людей, в большинстве босых, оборванных, с драпьем, накинутом на плечи поверх грязного белья»<sup>1</sup>.

Начавшееся вскоре пополнение румынской армии означало, по сути, формирование новой. (Решить эту задачу удалось только к лету 1917 г., доведя численность армии до 458 тыс. чел.<sup>2</sup>). А пока на спасение союзника была направлена 500-тысячная русская группировка в составе 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий.

«Наши войска прибывали с опозданием, – вспоминал позднее командующий 8-ым армейским корпусом генерал А.И. Деникин. – Маленькая страна при полном напряжении железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашьям шагом, по суткам простаивая на маленьких станциях. К тому же хаотические беспорядки, бездеятельность, иногда, вероятно, продажность румынской администрации...»<sup>3</sup>. В результате выгрузка прибывших частей нередко проходила за сотни верст от места боев, и после изнурительного марша по зимнему бездорожью, без отдыха и горячей пищи, полки с ходу вступали в бой. Ценой невероятных усилий до лета 1917 г. русским войскам удавалось удерживать Румынский фронт. «Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. За два с половиной года войны бывали трудные положения, но таких... запутанных еще не было», – писал А.И. Деникин жене<sup>4</sup>. На Румынском фронте в конце 1916 г. находились около 1 млн солдат и офицеров, а к сентябрю 1917 г. русская группировка (три армии)

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. С. 168.

<sup>2</sup> *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между двумя мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 20.

<sup>3</sup> Из писем А.И. Деникина к Асе Чиж – [ruguard.ru/forum/index.php/topic, 129.10.html/](http://ruguard.ru/forum/index.php/topic,129.10.html/)

<sup>4</sup> Из писем А.И. Деникина к Асе Чиж...

насчитывала уже до 2 млн человек, включая тыловые и этапные части в Молдавии и Бессарабии <sup>1</sup>.

Февральская революция 1917 г., начавшаяся в Петрограде, докатилась до окраин России и оказала непосредственное влияние на обстановку на фронтах. Воевавшие на Румынском фронте русские части также подверглись разложению, однако нахождение на чужой территории и удаленность от революционных центров замедлили этот процесс. Вместе с румынами русские войска успешно провели летнюю кампанию 1917 г., отмеченную победой под Марештами в конце июля. Однако в августе-сентябре революционное брожение в частях усилилось. Солдаты стали покидать окопы, устремлялись на восток, по домам. Воспользовавшись этим, румынские власти начали разоружать русских солдат, чинить над ними расправу, прежде всего по политическим мотивам, захватывать склады с оружием и продовольствием. Процветали грабежи и мародёрство. В таких неблагоприятных условиях и готовилась эвакуация «румынского золота», ценностей и другого имущества в безопасное место. Решение об этом было принято раньше – в декабре 1916 г. Выбор правительством и правлением Национального банка Румынии пал на Россию, хотя имелись и другие варианты. Так, румынский финансист Морис (Мауричиу) Бланк предлагал отправить румынский золотой запас в Англию – более надежному партнёру, нежели находившаяся на пороге революционной смуты Россия <sup>2</sup>. Однако в румынских «верхах» посчитали, что в военных условиях отправка ценного груза на Британские острова будет крайне рискованной: коммуникации с северными странами были прерваны, а на морских путях хозяйничали германские подводные лодки.

Заметим в связи с этим, что в октябре 1914 г., когда Россия отправила в Англию свой первый транспорт с золотым запасом, оценивавшимся в 75 млн рублей, информация об этом, несмотря на меры предосторожности, стала известна противнику. Исход был плачевным: транспорт был атакован в Балтийском море не-

---

<sup>1</sup> Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между двумя мировыми войнами. С. 15, 20.

<sup>2</sup> Romaşcanu M.Gr. Tezaurului Român de la Moscova. Bucureşti, 2000 (reeditare a ediţiei originale de la 1934). P. 24.

мецкими подводными лодками и потоплен<sup>1</sup>. Поэтому впоследствии золото из России переправлялось в Англию через Владивосток и Архангельск. Но и транзит через Владивосток не был гарантированно безопасным. Подтверждением может служить история «царского золота». По распоряжению Николая II через Владивосток предполагалось вывезти в Англию для размещения в одном из старейших в Великобритании банке братьев Бэринг (Barings Bank) личных ценностей императорской семьи, в том числе 5,5 тонн золота\*. Находившаяся в ссылке в Царском Селе императрица Александра Фёдоровна уже после отречения своего венценосного супруга говорила в близком окружении, что «золота и ценных бумаг», которыми царская семья располагает за границей, будет достаточно для безбедной жизни. Однако до Лондона «царское золото» не дошло: было захвачено японцами и вывезено в порт Майдзуру<sup>3</sup>.

В конечном счете, решение Национального банка и румынского правительства было принято в пользу России: национальный золотой запас отправлялся туда. Вероятно, сказались при этом и русские корни королевы Марии Румынской – внучки Александра II по матери и кузины Николая II.

Между тем положение в Румынии зимой 1916 г., когда на повестке дня оказался вопрос об эвакуации, становилось всё более драматичным. Оно как бы сфокусировалось в описании обстановки в Яссах находившимся там сотрудником английских спецслужб Дж. Хиллом, который вспоминал позднее: «Обстановка в Яссах была ужасающей. Небольшой провинциальный город внезапно превратился в столицу и был вынужден принять не только двор, правительство и тысячи беженцев, но и румынский Генштаб и административные службы армии. Кроме того, здесь же расположились иностранные посольства и дипломатические миссии. В результате получился неопишуемый хаос. В городе

<sup>1</sup> Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М., 1945. С. 42.

\* «Царское золото» – дань давней традиции, берущей начало с первых Романовых: Николаю II на правах личной собственности принадлежали золотые шахты в Забайкалье и на Алтае.

<sup>3</sup> Кирсанов В. Собирается ли Токио возвращать долг? // Независимая газета. 5 августа 1998 г.; Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. М., 2000. С. 21–23, 394–395.

каждый день люди умирали от голода, среди детей смертность приняла ужасающие размеры. Для лошадей, мулов и быков не хватало фуража. Было страшно смотреть, как рёбра животных выступают наружу...»<sup>4</sup>.

В поисках выхода королевская семья начала переговоры с царским правительством о возможном переезде в Россию. В Бухаресте в кулуарах парламента и кабинета министров обсуждались также планы возможной эвакуации в Петроград государственных учреждений, военных учебных заведений, промышленных предприятий оборонного значения и пр.<sup>5</sup>. 9(22) декабря 1916 г. российское правительство приняло решение о создании в Петрограде Межведомственного совещания по координации всех мероприятий, касающихся возможной эвакуации из Румынии. Его возглавил сенатор Д.И. Засядко. Именно эта государственная структура, наделенная определенными полномочиями, организовала эвакуацию в Москву румынских ценностей, а также – на юг России – военных грузов и некоторых румынских промышленных предприятий. Российский исследователь М.В. Оськин отмечает, что подсчёт стоимости всего поступавшего имущества в тех условиях был практически невозможен, однако большая часть грузов и услуг всё-таки подлежала учёту с последующей оплатой. Поначалу эта задача возлагалась на Главное интендантское управление Военного министерства<sup>6</sup>.

Некоторые современные румынские историки считают, что «румынское золото» было вывезено в Россию *под давлением «русских»* (здесь и далее курсив мой. – Т.П.)<sup>7</sup>. Однако, это противоречит историческим фактам. Оценивая положение страны

---

<sup>4</sup> Хилл Дж. Моя шпионская жизнь (Перевод с фр.). М., 2000. С. 172–173.

<sup>5</sup> *Schipor I. Planificarea evacuării în Rusia autorităților centrale române (1916–1917) // România și Rusia în timpul primului război mondial. București, 2018. P. 128–132; Voicu M. Tezaurului României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 37.*

<sup>6</sup> *Оськин М.В. Русско-румынское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны (продовольствие, снабжение, инфраструктура) // Россия и Румыния во время Первой мировой войны / Редколлегия: К. Хлихор, Г.Д. Шкундин, В. Соаре, А.С. Стыкалин. Бухарест, 2018. С. 360–361.*

<sup>7</sup> *Scurtu I. Tezaur României de la Moscova. București, 2014. P. 230; Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale a României la Moscova. București, 2014. P. 26.*

осенью 1916 г. как безнадёжное в связи с наступлением войск Четверного союза, министр финансов России П.Л. Барк в письме начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу М.В. Алексееву от 28 октября (10 ноября) 1916 г. отмечал: «Ввиду происходящих событий на Румынском театре военных действий и возможной в связи с ними, в более или менее близком будущем, эвакуации Бухареста, не признали ли бы Ваше Высокопревосходительство своевременным принять соответствующие меры в смысле охраны золотого запаса Румынского национального банка. В случае если Ваше Высокопревосходительство разделите эту точку зрения, я покорнейше просил бы Вас не отказать, при посредстве военных властей в Румынии, предложить Румынскому Правительству наши услуги в отношении перевозки золота в одно из отделений Государственного банка, где таковое могло бы храниться впредь до более благоприятных событий»<sup>1</sup>. Однако, прежде чем ответить Барку, генерал Алексеев направил 30 октября (12 ноября) шифртелеграмму представителю русского командования при румынской Главной квартире генералу М.А. Беляеву с просьбой сообщить своё мнение по данному вопросу. «Министр финансов, – писал Алексеев, – возбудил вопрос о том, не признается ли своевременным, на случай возможности эвакуации Бухареста, принять соответствующие меры в смысле охраны золотого запаса румынского Национального банка. В утвердительном случае желательно предложить румынскому правительству наши услуги в отношении перевозки золота в одно из отделений Государственного банка, где таковое могло бы храниться до более благоприятного времени. Благоволите запросить по сему деликатному в высокой степени вопросу мнение румынского правительства, согласно ли оно теперь же приступить к приготовлению этой меры»<sup>2</sup>. В тот же день Алексеев сообщил Барку, что только по получении ответа от генерала Беляева он сможет дать своё заключение министру финансов<sup>3</sup>. 6(19) ноября

<sup>1</sup> Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1474. Л. 221–221об. Автор приносит свою искреннюю благодарность сотруднику Института славяноведения РАН к.и.н. В.Б. Каширину за предоставленные документы из фондов РГВИА.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Л. 225.

генерал Алексеев информировал Барка, что, по сообщению председателя Совета министров Румынии, золотой запас румынского Национального банка вывезен из Бухареста в Яссы <sup>1</sup>.

Согласовав позиции, российское правительство через генерала А.А. Мосолова предложило румынскому союзнику отправить свой золотой запас в Россию. Генеральный совет Национального банка Румынии 2 (15) декабря 1916 г. рассмотрел это предложение и принял по нему положительное решение. При этом в постановлении банка отмечалось, что золотой запас будет находиться в России вплоть до окончания войны. Особо подчеркивалось, что румынское имущество передается *на хранение* правительству России, но остаётся собственностью Национального банка, который может самостоятельно ей распоряжаться. Также было решено отправить в Россию ценные бумаги Министерства финансов. Впоследствии эвакуированное в Россию имущество пополнилось за счёт других государственных и частных учреждений. Для контроля за ним была создана специальная комиссия, состоявшая из представителей Национального банка – председателя, контролёра и кассира. 8 (21) декабря 1916 г. руководство банка обратилось к правительству с просьбой дать разрешение на вывоз золотого запаса в Россию. 12 (25) декабря постановление Национального банка было утверждено Советом министров Румынии <sup>2</sup>.

Одновременно начались переговоры с царским правительством об организации эвакуации. Интересы сторон представляли А.А. Мосолов и сотрудники Национального банка. Российская сторона обязывалась предоставить для транспортировки золотого запаса и других ценностей вагоны и организовать их охрану. В письме новому министру финансов Румынии Виктору Антонеску от 11 (24) декабря 1916 г. Мосолов заверил, что царское правительство России гарантирует Румынии сохранность ценностей <sup>3</sup>. Он также сообщил, что доставленный груз будет храниться в отдельном помещении (кладовой) с двумя замками, ключи от

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1474. Л. 225.

<sup>2</sup> *Romașcanu M.Gr. Tezaurului Român de la Moscova*. P. 24–25.

<sup>3</sup> *Ibid.* P. 27–28. См. также: *Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale a României la Moscova. Documente*. București, 2011. P. 20–26; *Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova*. P. 32–38; *Voicu M Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani*. P. 42.

которых будут переданы соответственно румынскому и российскому представителям. Благодаря такой мере предосторожности, попасть в помещение можно будет только в присутствии представителей обеих сторон.

14 (27) декабря 1916 г. протокол об отправке золотого запаса и драгоценностей королевы Марии в Россию подписали – от имени российского правительства посланник А.А. Мосолов, от имени Румынии – министр финансов В. Антонеску, а также члены румынской делегации, направлявшиеся в Москву: Т. Капитанович (глава делегации), А. Салиньи (контролёр) и М. Деметреску (кассир). Ценности отправлялись в Москву незастрахованными. Упомянутый выше М. Бланк предлагал премьер-министру Ионелу Брэтиану застраховать груз в одной из нейтральных стран и даже обещал добиться поддержки британского правительства, но предложение осталось без ответа <sup>1</sup>.

Основной груз составляли золотые слитки (2,4 тонны) и монеты, как румынские, так и иностранные, стоимость всего груза оценивалась в золотых ляхах <sup>2</sup>. Слитки и упакованные в мешки монеты и другие изделия из золота были уложены в ящики, размещавшиеся в 17 вагонах по 100 ящиков в каждом, за исключением одного вагона, в котором находились 140 ящиков, в том числе два особых – с драгоценностями королевы Марии.

Итак, 14(27) декабря, вечером, поезд с румынским золотом направился из Ясс в Москву. В телеграмме Мосолова от 16 (29 декабря) 1916 г. в Петроград подтверждалось, что в Москву отправлены 1738 ящиков золота и 2 ящика драгоценностей королевы Марии. По тогдашнему курсу лья золотой запас оценивался, по американским источникам, в 69 млн долларов <sup>3</sup>. (Цифра

---

<sup>1</sup> *Scurtu I. Tezaur României de la Moscova. P. 40; Румынский золотой запас как «ядерное оружие» русофобии – ru.sputnik.md/world\_politics/20161127/10090824/zolotoi-zapas-rumunia-rossia.html*

<sup>2</sup> *Алексей Гэине. Встреча в верхах или воспоминания переводчика – proza.ru/2008/11/16/457; Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova. P. 40.*

<sup>3</sup> *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 258. (Авторы раздела В.Н. Виноградов и М.Д. Ерещенко, приводя эту цифру, ссылаются на сведения из коллекции Национального управления архивов и документации (США) – National Archives and Records Administration. Microf. Publ, microcopy 340, roll 8).*

спорная: исходя из привязки, начиная с 1914 г., обменного курса лея к доллару США – 1 доллар = 167,2 лея, – российский исследователь П.Д. Луняшин оценивает стоимость «румынского золота» в 46,8 млн долларов)<sup>1</sup>.

Подготовка эвакуации проходила в спешке, что позволяет допустить вероятность ошибок и погрешностей при оценке стоимости золота. Подробности процесса транспортировки также неподлинно неизвестны. Однако исходя из обстановки на фронтах, нельзя с уверенностью говорить о полной сохранности в пути ценного румынского груза.

21 декабря 1916 г. (3 января 1917 г.) «золотой эшелон» прибыл в Москву, где в присутствии румынского консула Пьера Г. Герена вагоны были разгружены, и золото перевезено в Московский Кремль. 16 февраля (1 марта) 1917 г. российскими и румынскими представителями был подписан протокол о приемке ценного груза российской стороной. В протоколе, приведенном в книге М.Гр. Ромашкану, значились:<sup>2</sup>

Число ящиков	Содержимое	Сумма	Курс (золотой лей)	Стоимость в золотых леях
111	Английские фунты стерлингов	886 482,00	25,22	22 357 076,04
550	Австрийские кроны	87 798 560,00	1,05	92 188 488,00
726	Немецкие марки	116 050 000,00	1,235	143 321 750,00
48	Турецкие лиры	379 074,75	22,70	8 604 996,82
7	Румынские кароли*	1 065 705,00	1,00	1 065 705,00

<sup>1</sup> Луняшин П.Д. Золото королевской Румынии в России – [zolotodb/article/12334](http://zolotodb/article/12334).

\* Имеются в виду румынские серебряные монеты с изображением Кароля I номиналом 5 лей, выпущавшиеся Государственным монетным двором в 1881–1901 гг., и «золотой Наполеон», или наполеондор (Napoléon d'or) – золотая монета достоинством 20 франков, чеканившаяся во Франции в 1803–1914 гг. При массе 6,45 г содержала 5,8 г чистого золота 900-й пробы.



Число ящиков	Содержимое	Сумма	Курс (золотой лей)	Стоимость в золотых леях
288	Наполеоне*	46 117 140,00	1,00	46 117 140,00
3	Русские монеты (новые и старые)	177 212,10	2,66	471 384,20
1	Другие монеты различной стоимости	103 605,12	1,00	103 605,12
3	Золотые слитки	337 247,80	1,00	337 247,80
1	Другие ценности	13 063,86	1	13 063,86
2	Драгоценности королевы Марии	7 000 000	00,00	7 000 000

ВСЕГО: 1740 ящиков общей стоимостью 321 580 456,84 золотых лей<sup>1</sup>.

Аналогичные итоговые данные приводит румынский автор М. Войку с той лишь разницей, что не учитывает королевские драгоценности (соответственно число ящиков у него равно 1738, а общая стоимость груза оценена в 314 580 456,84 золотых лей). Совпадает у обоих авторов стоимость золотых слитков, помещенных в 3 ящика (337 247,80 золотых лей), но Войку указывает на преобладание в золотом запасе монет при малом количестве слитков (на долю последних приходилось всего 0,1% общей стоимости золотого запаса)<sup>2</sup>. Уточняет он и сведения Ромашкану о таинственном ящике с «другими ценностями», оцененными в 13 063,86 золотых лей. Войку пишет о «железном ящике» этой

<sup>1</sup> *Romaşcanu M.Gr.* Tezaurului Român de la Moscova. P. 29–30.

<sup>2</sup> *Voicu M.* Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. Anexa III. P. 401.

же стоимости, который, кстати, при приемке груза не был вскрыт и проверен. Войку, что важно, называет, в отличие от Ромашкану, не только общее количество мешков в ящиках (13823), но и приводит их подробный перечень: например, в 550 ящиках находились 4387 мешков австрийских крон, в 288 ящиках – 2304 мешка с наполеондорами, в 726 ящиках – 5801 мешок с немецкими марками и т. п.).

Хотя при транспортировке каждый вагон был закрыт на два замка и опломбирован печатью Национального банка Румынии, при приемке груза в Кремле обнаружилось, что почти с половины ящиков (770 шт.) были сорваны пломбы, на многих имелись повреждения. Однако это не стало поводом для тщательной инвентаризации груза. Ящики вскрывались выборочно, их содержимое взвешивалось, вес суммировался<sup>1</sup>. Ромашкану сообщает, что проверены были 3565 мешков, то есть каждый четвертый. Стоимость фиксировалась со слов румынских представителей.

Особо следует сказать о драгоценностях Короны. Ящики с украшениями королевы Марии не вскрывались. Существуют сомнения и относительно их размещения в Кремле. По неподтвержденной версии, появившейся в парижской эмигрантской газете «Новости» 5 июня 1933 г., драгоценности были сначала помещены в кладовые Государственного банка Российской империи, а впоследствии якобы переданы румынскому посланнику в России К. Диаманди<sup>2</sup>. Подробнее мы вернемся к этой версии ниже. Однако большинство румынских историков относятся к ней скептически.

В самой Румынии тем временем напряжённость всё более нарастала. На Румынском фронте по-прежнему активно действовали австро-германские войска. Румынские власти располагали информацией о готовящемся наступлении неприятеля с целью захвата всей территории страны. Отмечаемые в румынской историографии дезорганизация русских частей и якобы имевшее в эти месяцы место массовое дезертирство опровергаются сведениями об упорных боях на Фокшанском направлении и стабилизации Румфронта к середине августа 1917 г. В этих условиях

---

<sup>1</sup> Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. Anexa III. P. 401–403.

<sup>2</sup> Ibid. P. 137.

румынское правительство приняло решение отправить в Россию очередную партию ценностей. К тому времени генерал Мосолов покинул Яссы, и туда вернулся посланник С.А. Поклевский-Козелл. Именно он и новый министр финансов Николае Титулеску подписали протокол о транспортировке второй партии ценного груза в Москву. Под протоколом стояли также подписи сотрудников Национального банка Румынии.

Вечером 27 июля (9 августа) 1917 г. спецпоезд покинул Яссы и взял курс на Москву. Эшелон состоял из 24 вагонов, в которых размещались груз и охрана. Сопровождали эшелон русские солдаты и офицеры, которые впоследствии были награждены румынскими орденами и медалями.

Три вагона занимали ценности Национального банка, его архивы, депозиты, акции и пр. Они находились в 188 ящиках. Согласно протоколам, подписанным в Яссах при отправлении поезда в Россию 27 июля (9 августа) и при приемке груза в Москве 5 (18) августа, он оценивался (по объявленной румынами стоимости) в 1 593 762 197,52 золотых лей<sup>1</sup>. На долю золотых монет, по данным М.Гр. Ромашкану, приходилось 574 523,57 золотых лей<sup>2</sup>. Кроме того, со вторым эшелонном в Москву были отправлены ценные бумаги и архивы частных банков, организаций и фондов (кредитных, страховых, пенсионных и пр.), ювелирные изделия частных лиц. Также эвакуировались музейные коллекции картин румынских и зарубежных художников, архивы и нумизматическая коллекция Румынской академии, редкие книги, рукописи, иконы, принадлежавшие Румынской Православной церкви и монастырям, а также личное имущество священнослужителей, в том числе одежда, обувь, предметы повседневного быта. Ценный груз включал и личные архивы некоторых политических деятелей, представителей науки и культуры, например, архив выдающегося румынского композитора-классика Джордже Энеску. В двух вагонах находились ящики с имуществом частных лиц (вероятно, акционеров Национального банка): ковры, одежда, посуда.

---

<sup>1</sup> *Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale a României la Moscova. Documente. București, 2011. P. 280. 287.*

<sup>2</sup> *Romașcanu M.Gr. Tezaurului Român de la Moscova. P. 43.*

Эшелон прибыл в Москву 3 (16) августа 1917 г. По распоряжению Временного правительства ценности Национального банка были размещены в Оружейной палате Московского Кремля, а остальная часть груза – в здании Ссудной казны, в центре Москвы по адресу: Настасьинский переулок, 3. В течение августа 1917 г. сотрудники казны приняли от представителей Румынии 1622 ящика с объявленной ценностью на сумму 6 500 000 000 лей, что составляло 2 405 000 000 рублей<sup>1</sup>. Ящики были размещены в кладовой первого этажа (366 ящиков) и в двух кладовых третьего этажа (263 и 992 ящика). Еще один ящик с неизвестным содержимым был сдан в отдел Ссудной казны под расписку. Прием производился без вскрытия ящиков, стоимость их, по договоренности Поклевского-Козелла с румынским правительством, оценивалась на основе устного заявления представителя Национального банка. Весь груз, включая картины, иконы, старинные книги, рассчитывался в золотых леях. В дальнейшем российская сторона давала оценку румынского имущества в российских золотых рублях\*. Позднее в кладовые Ссудной казны были доставлены еще 16 ящиков с напечатанными в России румынскими банкнотами.

Напомним, что история второго эшелона совпала по времени с глубочайшим политическим кризисом в России, разрешившимся сменой власти в октябре 1917 г. Об истории «румынского золота» и ценностей при Временном правительстве имеются лишь отдельные сведения. Так, из отчета Ссудной казны известно, что за период с 27 февраля (12 марта) по 25 октября (7 ноября) 1917 г. стоимость находившихся в ее кладовых ценностей уменьшилась на 444 тыс. золотых рублей<sup>2</sup>, что соответствовало

---

<sup>1</sup> По курсу 1916–1917 гг. 1 румынский золотой лей соответствовал 1 франку золотом или 37 коп. русского золотого рубля. 1 золотой рубль приравнивался к 2,667 франкам (ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 43).

\* Золотой рубль – введен в качестве условной расчетной единицы во время денежной реформы 1897 г. в России. Соответствовал 0,774325 гр. чистого золота. Во внутренних расчетах перестал использоваться в октябре 1922 г., а в валютных расчетах как условная единица советской статистики применялся до 1936 г.

<sup>2</sup> РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

1 181 040 золотым леям. Документы позволяют уточнить «движение» ценностей: 9(22) октября 1917 г. румынской стороне были выданы 14 ящиков, содержимое которых оценивалось в 370 тыс. золотых руб., а 14 октября – ценности еще на 74 тыс. золотых руб. (количество ящиков не указывалось). Передача ценностей продолжалась и непосредственно после прихода к власти большевиков. По статистическим сведениям Наркомфина РСФСР (со ссылкой на данные Ссудной казны), 7, 9 ноября и 5 декабря 1917 г. из Ссудной казны румынам было «выдано обратно» 86 ящиков на сумму 751 100 золотых рублей (1 997 926 золотых лей), причем основная по стоимости часть (в 740 тыс. золотых руб.) была передана 5 декабря<sup>1</sup>. Всего с 1 октября по 4 декабря 1917 г., то есть в переходный период российской политической истории, румынской стороне был возвращен 101 ящик, содержимое которых оценивалось в 1 195 100 золотых руб.<sup>2</sup> При этом большая часть ценностей была передана румынам после прихода большевиков к власти – 86 ящиков из 101.

Что находилось в этих ящиках? Было ли это «румынское золото»? Какова судьба возвращенных ценностей? – выяснить точно пока не представилось возможным. Отмечая острую нехватку надежных источников, все же попытаемся реконструировать события. К тому времени история румынского золотого запаса получила неожиданный поворот. В конце сентября 1917 г. обозначился глубокий кризис буржуазных партий и Временного правительства. Борьба за власть вступала в решающую фазу. Согласно румынским авторам, в этих условиях некий «московский военачальник»<sup>\*</sup> 6(19) октября 1917 г. заявил представителю румынского Национального банка в Москве Т. Капитановичу, что не может гарантировать сохранность «румынского золота», и предложил вывезти его в другое место, может быть, за пределы

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 40, 43.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 861. Оп. 5. Д. 652. Л. 43.

<sup>\*</sup> Возможно, речь шла о Николае Ивановиче Муралове (1877–1937), являвшемся в октябре 1917 г. членом Московского военно-революционного комитета и военно-оперативного Революционного штаба. Со 2 ноября 1917 г. по февраль 1919 г. Муралов – комиссар Московского военного округа с правами командующего войсками.

России. О возникшей альтернативе было уведомлено румынское правительство<sup>1</sup>. Консульство королевской Румынии в Москве начало переговоры с американским посольством о возможной транспортировке румынского золотого запаса через Владивосток в Соединенные Штаты. Одновременно шли переговоры с Союзными державами о предоставлении ими гарантий безопасности подобной транспортировки. Однако, в конечном итоге, союзники отказались брать на себя ответственность за сохранность румынских сокровищ<sup>2</sup>. После прихода к власти большевиков такую же позицию заняла советская сторона: не отрицая возможности эвакуации, учитывала сложную военно-политическую ситуацию на территории России и огромный риск утраты ценного груза на пути в Америку. На это прямо указал заместитель наркома иностранных дел Г.В. Чичерин, отказавшись гарантировать целостность румынских ценностей<sup>3</sup>.

Предстояло искать другие возможности для спасения национального богатства. В дело включился румынский посланник в Петрограде К. Диаманди, который в начале декабря 1917 г. занялся организацией эвакуации. Еще 5 декабря 1917 г. он пригласил к себе подполковника канадской милиции Дж. Бойля (в некоторых работах он упомянут как полковник английских спецслужб) и капитана английской разведки Дж. Хилла. Им и предстояло стать главными действующими лицами будущих событий.

Судя по имеющимся в литературе сведениям, советское руководство поначалу не препятствовало румынским инициативам. «В курсе» готовившейся эвакуации был сотрудник НКВД А.А. Иоффе. При содействии комиссара Московского военного округа Н.И. Муралова была организована отправка из Москвы в Яссы прицепленных к почтовому поезду трех вагонов бумажных денег, имущества румынского Красного Креста и иных грузов. Но вспомним, что 5 декабря румынской стороне была «выдана обратно» очередная, самая значительная по стоимости, часть ценностей (на 740 тыс. золотых руб.), а ящики передавались непосредственно из кремлевских кладовых. Есть над чем

---

<sup>1</sup> *Lapedatu Al.* Amintiri. P. 131; *Voicu M.* Tezaurul României de la Moscova. P. 79.

<sup>2</sup> *Romaşcanu M.* Tezaurului Român de la Moscova. P. 61–64.

<sup>3</sup> *Voicu M.* Tezaurul României de la Moscova. P. 79–81.

подумать. Хилл вспоминал, что 3–4 купе в их вагоне от пола до потолка были забиты багажом. Для маскировки часть румынских ценностей была упакована в плетеные корзины<sup>1</sup>. Сколько ценностей и каких удалось вывезти, не известно. Бойль и Хилл утверждали позднее, что речь шла о драгоценностях королевской семьи и банковских билетах, оцененных в 100 миллионов золотых лей<sup>2</sup>. «Бесценные сокровища, – вспоминал Хилл, мы без эскорта перевезли по всей Московской железной дороге через край, где не существовало никаких законов и где полыхала гражданская война»<sup>3</sup>. Некоторые румынские историки относят это утверждение английского разведчика и описанные им приключения по пути следования в Румынию к области мифотворчества, о чем мы упомянули выше. «Данная книга, переизданная во многих странах, переведённая на несколько языков и ставшая популярной, – пишет румынская исследовательница В. Мойсук, – способствовала дезинформации общественного мнения настолько сильно, что румынское правительство в течение длительного времени не смогло разоблачить вымысел, распространенный этой книгой и ей подобными»<sup>4</sup>. Вместе с тем Мойсук признаёт, что поезду, на котором направлялись в Румынию Хилл и Бойль, удалось прорваться через Россию и Украину в Румынию и что на вокзале в Яссах их встречали высокие должностные лица Румынии, в том числе министры иностранных дел и путей сообщения. Принимал их у себя и премьер-министр И. Брэтиану. Впоследствии оба офицера были награждены высшими румынскими орденами и удостоены аудиенции королевы Марии в её дворце в Котрочени<sup>5</sup>. К сожалению, подтвердить документально факт транспортировки в Румынию части золотого запаса, в частности драгоценностей Короны, не представляется возможным. В. Мойсук утверждает, что в Яссы было доставлено 23 пакета денежных знаков по 100 лей (на сумму 68 тыс. лей), 14 пакетов по 2 лея (1 064 736 лей), 5 ящиков по 1 лею (896 225 лея) и 5 пакетов специальной бумаги для

<sup>1</sup> Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 148–151.

<sup>2</sup> Там же. С. 147.

<sup>3</sup> Там же. С. 149.

<sup>4</sup> *Moisuc V. România și politica externă rusească. Un secol din istoria tezaurului românesc păstrat la Moscova. (Studii și documente).* Iași, 2013. P. 99.

<sup>5</sup> Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. С. 147–150, 172, 175.

печатания денежных знаков<sup>1</sup>. И всё. Как бы ни относиться к миссии Бойля – Хилла, нельзя не признать, что она, по меньшей мере, неоднозначна и рождает много вопросов. На наш взгляд, миссия была обусловлена конкретной обстановкой осени – зимы 1917 г., когда шанс вернуть национальный золотой запас в Румынию оказался упущенным из-за отказа США и союзных Румынии держав и Советской России гарантировать сохранность ценного груза.

---

<sup>1</sup> *Moisuc V. România și politica externă rusească. P. 99.*



## Глава 2

### **Возникновение вопроса о румынском долге.**

#### *Российское военное имущество в Румынии*

Со времени вступления Румынии в войну на стороне держав Антанты в августе 1916 г. российское правительство оказывало балканскому союзнику огромную помощь: поставляло оружие, снабжало румынскую армию продовольствием и обмундированием, медикаментами, строило и ремонтировало железные и грунтовые дороги. Главным органом по обеспечению Румынского фронта являлся Снабрум (Управление снабжения). В тех случаях, когда запросы румынского Военного министерства не могли быть удовлетворены собственными силами Снабрума, они передавались в Ставку, которая и принимала решения. Ставка или сама удовлетворяла заявки румынской стороны или, если не отклоняла их, передавала для исполнения соответствующим ведомствам: Главному артиллерийскому управлению (ГАУ), Главному военно-интендантскому управлению (ГИНУ), Главному военно-санитарному управлению (ГВСанУ) и пр. В случае отказа об этом сообщалось Снабруму и Главзагран<sup>\*</sup> – ведомству, занимающемуся заграничными поставками. Главзагран обеспечивал снабжение населения и работу промышленности Румынии, решал также общие вопросы политического и экономического характера. К снабжению румынской армии привлекались и специальные ведомства: Министерство торговли и промышленности занималось снабжением углём, чугуном, железом и т. д., свой вклад вносили также Министерства почт и телеграфа, земледелия, продовольствия, а также службы российского Красного Креста. Россия поставила в Румынию значительное количество боеприпасов, снаряжения, санитарных принадлежностей и пр. Только в декабре 1916 г. в Румынию было направлено 1800 вагонов с грузами<sup>2</sup>. 25 апреля 1917 г. между российским и румынским

<sup>\*</sup> В 1918 г. эти два ведомства были объединены в Главзагранснаб.

<sup>2</sup> *Оськин М.В.* Продовольственное снабжение Румынского фронта. 1916–1917 г.: трудное взаимодействие союзников по Антанте // Первая мировая война и судь-

правительствами было подписано соглашение и создана двусторонняя комиссия под председательством А.А. Поливанова, в бытность которого военным министром (сентябрь 1915 – март 1916) был преодолен острый кризис в снабжении русской армии. В соответствии с этим соглашением русское интендантство для пополнения складов, находившихся на территории Румынии, единовременно передало к 15 июня 1917 г. два миллиона банок консервов, а затем, с 5 июля, поставки стали регулярными – по 1 миллиону банок ежемесячно. На склады поступило также пять вагонов чая, десять вагонов хлопкового масла для замены сала и жир в количестве, необходимом для изготовления 40 вагонов мыла. Три румынских склада в городах Бакэу, Тыргу-Фрумос и Бырлад предстояло пополнить со складов русской армии или выделив дополнительно необходимые продукты пропорционально численности обеих армий. Кроме того, русское интендантство обязалось выделить: 1) 100 тыс. палаток и 100 тыс. шинелей для срочной отправки румынам; 2) 250 тыс. рублей; 250 тыс. кальсон, 200 тыс. пар обуви и 5 вагонов жира для ухода за обувью, а также сбруи, которые следовало доставить в Яссы в течение 2-х месяцев; 3) с русских складов срочно передавались румынам 8 тыс. седел, 500 походных кухонь кавалерийского образца. Интендантские службы согласились предоставить кавалерии и другим частям 5 тыс. лошадей для конной тяги и дополнительно ещё 2400 лошадей для конницы. При этом пришлось отложить некоторые поставки по запросу румынской стороны, а именно: 1) 33 тыс. лошадей по заявке Генерального штаба; 2) лошади и упряжь для походных кухонь; 3) упряжь для артиллерии на конной тяге; 4) повозки для нужд румынской армии; 5) 200 грузовых автомобилей для перевозки продовольствия; 6) поставки для румынских железных дорог и т. д.<sup>1</sup> Особое внимание российским командованием уделялось снабжению Румынского фронта хлебом. Эту проблему подробно рассматривает в своих работах российский исследователь М.В. Оськин<sup>2</sup>. *Нельзя обойти вниманием*

---

бы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 207–228.

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 36–36об.

<sup>2</sup> См., например: *Оськин М.В.* Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции

и такой весомый факт, как, например, строительство в Румынии железных дорог силами российского союзника. После поражения румынской армии в 1916–1917 гг. и её стремительного отступления на северо-восток страны проблема коммуникаций приобрела катастрофический характер. Железнодорожное сообщение в Румынии и до войны было развито слабо, не хватало и обычных хороших дорог, грунтовые превращались осенью в непролазную грязь. Для обеспечения снабжения фронта привлекались воинские части, причем в значительном объеме: треть румынской армии (!) была вынуждена заниматься перевозками и иными тыловыми работами<sup>1</sup>. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что вместе с армией отступало также большое число беженцев. В этих условиях российские службы снабжения вынуждены были взять на себя и их обеспечение. Всё это также требовало немалых материальных затрат.

Решая проблему военных поставок, русская сторона, по некоторым свидетельствам, не делала различий между своей и румынской армиями. Военный министр генерал Д.С. Шуваев подчеркивал, что российская сторона рассматривала румынскую армию «не только как... союзную армию, но и как выполняющую с [русскими] армиями общие задачи, успешное разрешение которых в настоящее время приобретает первостепенное значение». Поэтому, указывал генерал, «своевременное удовлетворение заявлений \* румынского правительства об отпуске предметов снабжения должно быть поставлено на один уровень с удовлетворениями наших армий»<sup>3</sup>. Безусловно, румынская сторона также оказывала помощь союзнику. Так, русские раненые из Добруджи отправлялись в бухарестские госпитали вплоть

---

(июль 1914 – октябрь 1917 г.) Тула, 2018; *Он же*. Русско-румынское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны (продовольствие, снабжение, инфраструктура) // Россия и Румыния во время Первой мировой войны / Редколлегия: К. Хлихор, Г.Д. Шкундин, В. Соаре, А.С. Стыкалин. Бухарест, 2018 и др.

<sup>1</sup> Румынская ноша. Самый бесполезный союзник России в Первой мировой [войне] – [livejournal.com/media/680308.html](https://livejournal.com/media/680308.html) (дата обращения 13.06.2020).

\* Так в тексте. Следует читать: заявок.

<sup>3</sup> Цит. по: *Оськин М.В.* Русско-румынское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны. С. 361.

до сдачи румынской столицы немцам. Румыны поставляли продовольствие и фураж Добруджанской армии генерала А.М. Зайончковского<sup>1</sup>. Однако размеры поставок и помощи сторон были несопоставимыми.

Снабжение румынской армии осуществлялось в кредит: румынскому правительству Россией предоставлялась беспроцентная ссуда. Сумма, выделенная с этой целью Государственным банком России, исчислялась в 75 млн рублей. В свою очередь, Национальный банк Румынии открыл счёт русскому правительству в 200 млн лей. К октябрю 1917 г. кредиты были уже исчерпаны, и оказалось, что к этому времени румынская сторона, по весьма приблизительным подсчётам, была должна русскому правительству за уже произведённые поставки вооружения более 100 млн рублей, а общая задолженность Румынии (также по приблизительным подсчётам) за снабжение армии и гражданского населения, а также за обеспечение промышленного производства составляла 300 млн руб. При этом не учитывались долги Румынии за перевозку и хранение грузов<sup>2</sup>. А это были немалые суммы. Так, из Архангельска было вывезено 1538 вагонов (1 959 706 пудов) груза, поставленного для румынской армии державами Антанты, прежде всего Англией. Для перевозки грузов из Мурманска было использовано 450 вагонов, из Владивостока – в сентябре 1917 г. – 213 вагонов, в октябре и ноябре – ещё 54 вагона, а в декабре предоставлялось ежедневно по 8 вагонов. Кроме того, начиная с октября 1917 г, груз шел в Румынию транзитом через Манчжурию с интенсивностью 1 вагон в сутки. Точных сведений о том, какие именно грузы и в каком количестве перевозились, не имеется<sup>3</sup>. Какая-то часть румынских грузов застряла в Архангельске, и за их хранение также полагалась оплата. Заметим, что речь идет о периоде или до октября 1917 г., или непосредственно после прихода большевиков к власти, ког-

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Оськин М.В.* Добруджанская армия генерала А.М. Зайончковского на Румынском фронте осенью 1916 года – <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/253507> (дата обращения 12.06.2020).

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. Приложение к разделу V. Док. № 16. С. 281.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 71.

да «триумфальное шествие советской власти» на указанных территориях еще не началось.

Между тем положение в самой русской армии на Румынском фронте было чрезвычайно сложным. Революционные настроения перекинулись из центра на окраины России, охватили армию. Ширилось неподчинение солдат старшим офицерам, участились расправы с командирами, началось избрание Советов солдатских депутатов и комиссаров. С каждым днем усиливались антивоенные настроения. Солдаты отказывались воевать, предпочитая братание с солдатами неприятельских армий.

Приход к власти большевиков, создание большевистского правительства, ликвидация старой Ставки Верховного Главнокомандующего, гибель исполнявшего обязанности главковерха генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина обострили противостояние различных политических сил в русской армии. Совет Народных Комиссаров (СНК), предполагая выход России из Первой мировой войны, объявил в качестве первоочередной задачи заключение перемирия на фронтах и скорейшую демобилизацию войск.

2 (15) декабря 1917 г. на совместном заседании большевистского комитета Румынского фронта и солдатского комитета IV армии было принято решение признать власть Советов. Избранный большевистский Военно-революционный комитет (ВРК) Румынского фронта становится высшим органом управления<sup>1</sup>. Штаб фронта, руководимый помощником Главнокомандующего генералом Д.Г. Щербачёвым, формально подчинялся СНК, но под давлением румынского правительства, действовавшего в тесной связи с Центральной Радой, Щербачёв начал постепенно выходить из-под влияния советского правительства. Ситуация на Румынском фронте все больше запутывалась<sup>2</sup>.

Перед Штабом Румынского фронта стояла трудная задача: удержать линию фронта до заключения мира и одновременно организовать демобилизацию русских войск. Последняя

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 1. 1917–1934. М., 2000. С. 11–12.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Оськин М.В.* Распад и демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 гг.: между красными, белыми и интервентами // Русин. (Международный исторический журнал). Кишинев, 2018. № 53. С. 66–68.

включала в себя не только вывод частей и поддержание правопорядка в тыловых районах, но и обеспечение сохранности войскового имущества.

Воспользовавшись напряженной обстановкой, румыны развернули бурную деятельность. На основании постановления правительства от 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) о разоружении российских войск на румынской территории вчерашние «союзники» блокировали передвижение русских полков, разоружали воинские части, захватывали их имущество<sup>1</sup>. Так, командир 49-ой дивизии сообщал: «Румынские власти [не только] не хотят вступать в контакт с избранными начальниками и председателями комитетов, но и захватывают фуражные запасы нашей армии... Лошади 49 дивизии остались без фуража. Передвижение полков задерживается силой оружия. Один из полков 49 революционной дивизии был окружён, разоружён румынами и отведён в тыл, подвоз провианта отрезан. Румынские власти арестовали избранный комитет 195 полка и австрийских офицеров, приглашенных в качестве гостей в штаб 195 полка»<sup>2</sup>.

24 января (6 февраля) 1918 г. приказом заместителя командующего Румынским фронтом была образована Демобилизационная комиссия русских армий Румынского фронта под руководством генерала Н.А. Монкевица. В задачи Комиссии, помимо демобилизации личного состава, входили сбор, инвентаризация и обеспечение сохранности имущества русских армий, а также подготовка статистических сведений о нём. 7(20) февраля 1918 г. в развитие предыдущего приказа в каждой армии были созданы армейские демобилизационные комиссии, а на местах и в тыловых частях – местные демобилизационные комиссии. В их обязанности входило принятие срочных мер по выявлению, сбору, сортировке, учёту, хранению и вывозу материальных ценностей и прочего имущества. 1 марта 1918 г. по приказу Щербачёва помимо армейских демобилизационных комиссий были созданы временные летучие комиссии. Этим комиссиям вменялось в обязанность выявлять собранное румынами военное имущество

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 1.

<sup>2</sup> Там же. Д. 16/2. Т. 1. Л. 67об.

в местах дислокации русских армий, а также собирать в штабах Румынского фронта, румынских военных учреждениях и французской военной миссии сведения о наличии русского имущества и проверять эти сведения на местах. Подобные комиссии были созданы и на территории Бессарабии. 25 марта 1918 г. генерал Щербачёв и его штаб сложили свои полномочия. По всей вероятности, ликвидационные органы продолжали существовать, хотя сведениями об их деятельности мы не располагаем. Работу по ликвидации российского имущества на территории Румынии и Бессарабии продолжал выполнять аппарат Главного начальника по ликвидации Румынского фронта. 25 апреля 1918 г. комиссии были преобразованы в армейские и тыловые демобилизационные отделы, а местные демобилизационные комиссии – в их подотделы. В записке Главзагрна подчеркивалось, что оставшееся на территории Румынии и Бессарабии имущество русской армии не вывозилось ни в Германию, ни в Австрию, ни на Украину, а оставалось на территории Румынии и Бессарабии. Румынское правительство также не отказывалось признавать, что это имущество принадлежало русским и подлежало возвращению в Россию, а в случае его использования Румынией – оплате за счет румынской казны<sup>1</sup>. В то же время с имуществом, предназначенным Румынии и оставленным на Украине, дела обстояли не столь благополучно: оно постепенно «таяло», так как немцы вывозили его в Германию, а австрийцы в Австро-Венгрию. Да и украинцы были склонны рассматривать его как свою собственность. Более того, украинская сторона обратилась к румынскому правительству с просьбой признать за ней право на всё имущество русской армии на территории Румынии и Бессарабии, и дать возможность Украине вывезти из Румынии продовольствие и обмундирование, оставленное там после отхода русской армии с Румынского фронта<sup>2</sup>. Представители Антанты (Англии, Франции, Италии и США) в письмах к румынскому правительству от 16 марта и 8 июня 1918 г. считали румынское правительство «окончательно связанным обязательствами пре-

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 5.

<sup>2</sup> Там же.



дыдущих кабинетов в вопросе о военном имуществе, оставленном в Румынии» и признавали за Румынией право лишь на временное хранение этого имущества, которое рассматривалось ими в качестве залога за румынское имущество, находившееся в России. Союзные державы выступили с предложением создать Межсоюзническую комиссию, призванную защищать законные права России как собственницы этого имущества, обеспечивать возможность его учета и описания и гарантировать сохранность. Румыния при этом рассматривалась как «складчик» (хранительница) этого имущества, а союзники выступали гарантами. При этом союзные державы считали указанное имущество собственностью Российской империи, а не отдельных независимых государств, возникших на ее территории в результате революции. Имущественные претензии последних, по мнению союзников, не подлежали удовлетворению. В то же время державы Антанты подтвердили свою прежнюю позицию относительно права Румынии на свое имущество, оставленное в России. «Это условие никаким образом не влечёт за собой права свободного пользования для нужд Румынии не принадлежащим ей русским имуществом. После заключения мира румынское правительство также не сможет распоряжаться русским имуществом без разрешения России и союзников – кредиторов»<sup>1</sup>.

Все имущество российской армии на Румынском фронте сосредоточивалось в крупных городах и центрах Болград, Батошань, Бельцы, Роман, Сороки и др. Генералом Щербачёвым были сданы на хранение румынам склады русского военного имущества, содержащие огромные запасы оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия, предназначавшиеся для снабжения русской армии. Как отмечал генерал Монкевиц, по согласованию и в сотрудничестве с румынским командованием была начата инвентаризация снаряжения российских войск. Однако вскоре она была сорвана румынской стороной, что позволило лишь приблизительно оценить стоимость русского военного имущества. Позднее в вышедшей в Париже в 1919 г. книге Монкевиц констатировал, что «по самым скромным подсчетам» она составляла 3–4 млрд

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 8–8об.



франков<sup>1</sup>. Российский исследователь П.Д. Лунышин приравнивает эту сумму к 800–1100 тоннам золота<sup>2</sup>.

Однако несмотря на значительные организационные усилия со стороны командования русской армии, на практике действия ликвидационных комиссий сталкивались с огромными трудностями. Ситуация ещё более обострилась в связи с вводом на территорию Бессарабии в январе 1918 г. румынских войск, о чём свидетельствуют донесения и рапорты командованию и руководителям ликвидационных комиссий. Так, в рапорте, поступившем в апреле 1918 г. от командиров 6-ой армии, находившейся на Румынском фронте, и представителей общественных организаций – Всероссийского Земского собора, Всероссийского Союза городов, Российского общества Красного Креста и т. д., сообщалось, что «в силу обстоятельств персонал этих организаций должен был ещё на какое-то время остаться в пределах Бессарабии. Они вели сбор и размещение в складах имущества русской армии огромной ценности и предпринимают меры для сохранения его до решения соответствующих компетентных органов о его дальнейшей судьбе. Однако эта работа не могла протекать нормально. Политическая ситуация крайне запутана и сложна. Российское государство разделено на отдельные части. На войсковое имущество претендуют многие. Ежедневно в разных местах лица, в ведении которых находится имущество демобилизованной русской армии, получают требования и приказы в самой категоричной форме о выдаче и полной передаче имущества румынам, а также властям Молдавской и Украинской Республик. Подобные требования, особенно со стороны Молдавской и Украинской Республик представителями 6-й армии отклонялись, поскольку они считают, что все войсковое имущество принадлежит Российской державе, а не какой-либо её части и что оно должно быть зарегистрировано с целью сохранения. Оно не может быть кому-нибудь передано лицами, охраняющими его». Подробно в рапорте характеризовалось и поведение румынских

<sup>1</sup> *Monkewitz N. La décomposition de l'armée russe. Paris, 1919. P. 180; Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 259.*

<sup>2</sup> *Лунышин П.Д. Золото королевской Румынии в России – [zolotodb/article/12334](http://zolotodb/article/12334).*

войск: «С первых же дней прихода их на территорию Бессарабии под разными предлогами начался захват силой русского военного имущества. Попутно шло открытое, самое беззастенчивое и позорное его расхищение «союзными» румынскими войсками без всяких актов и оправдательных документов. При этом в средствах «союзники» не стеснялись. Отбирали насильственно». Характерно, что румынские власти вели себя двойственно: официально разрешали смешанным караулам осуществлять сбор и охрану русского имущества, а на практике попустительствовали действиям вопреки своим же официальным заявлениям. В некоторых случаях румынские власти чинили беззакония под видом исполнения распоряжений правительства Молдавской Республики. «Дело дошло до того, – отмечалось в рапорте, – что грубо и цинично нарушалась неприкосновенность оставшихся на своём посту русских представителей. Так, 26-го марта без всякого повода болгарской милицией с участием румынской команды были арестованы члены Всероссийского Земского союза, причем один из сотрудников был избит. При этом издевательства над русскими офицерами и солдатами порой принимали садистские формы». В рапорте особо подчеркивалось, что «хотя румынским властям было хорошо известно, что по политическим причинам значительной части нелояльных советской власти царских офицеров нельзя было появляться на родине без риска быть арестованным или даже лишиться жизни», тем не менее, только в течение апреля 1918 г. дважды румынские власти издавали приказы, запрещающие пребывание бывших «союзников» на территории Бессарабии. В одном из приказов, приведенном в рапорте, предписывалось: «1. Все офицеры, военные чиновники, врачи и солдаты бывшей русской армии, не родившиеся в Бессарабии или до войны не проживавшие там, должны будут выехать за пределы Бессарабии к утру 10 апреля 1918 г. Все, кто не выполнит надлежащего распоряжения к указанному сроку, будут арестованы и высланы силой». (Показательно, что это распоряжение касалось даже зарегистрированных в местной полиции лиц). «2. Тем, кто не выехал в течение этого срока по политическим мотивам, можно будет выехать только в один город Бессарабии – Оргеев, расположенный вдали от железной дороги, и находиться здесь на положении как бы военнопленных,

помещенных в концентрационный лагерь». «Так как насилия и издевательства над представителями великой русской армии, оказавшимися теперь в безвыходном положении, производятся вооруженной и организованной силой, – говорилось далее в рапорте, – то демобилизационная комиссия 6-ой армии выражает резкий протест в отношении целого ряда нарушений против личности и даже международных договоров, в частности Женевской конвенции<sup>\*</sup>, и неприкосновенности почтовой корреспонденции. Демобилизационная комиссия 6-ой армии обращается к представителям иностранных держав в Яссах с огромной просьбой защитить представителей русской армии на территории Бессарабии и довести до сведения своих правительств о чинимых насилиях»<sup>2</sup>. Суммировав подобные протестные заявления, демобилизационная комиссия 6-ой армии обратилась к российскому консулу в Яссах. Подобное обращение она адресовала и действовавшему тогда в Бессарабии органу молдавской государственной власти Сфатул Цэрий (Совет страны), находившемуся в Кишинёве, сообщив о фактах захвата имущества русской армии отдельными чиновниками молдавского правительства совместно с румынскими войсками. При этом, как особо подчеркивалось в рапорте, никакие оправдательные документы не выдавались<sup>3</sup>. И подобные свидетельства не были единичными. Так, начальник распределительного пункта в г. Бендеры сообщал 5 мая председателю ликвидационной комиссии при Управлении военных сообщений Румынского фронта: «Распределительный пункт всё время исполнял свои обязанности и исправно нес службу по сохранению имущества. Никакие эксцессы со стороны солдат и большевиков не нарушали порядка и не наносили ущерба»<sup>4</sup>. Обстановка, однако, резко изменилось после ввода румынских войск в Бессарабию. Начиная с 20 января (2 февраля), как говорилось далее в донесении, после вступления на рассвете

---

<sup>\*</sup> Имелась в виду Женевская конвенция 1906 г., закрепившая в своих статьях не только гуманное отношение к раненым и военнопленным действующих армий, но и неприкосновенность на правах частной собственности имущества благотворительных организаций, связанных с реализацией конвенции.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 18, 18об, 19, 19об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 19об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 55.

в город румын «распределительный пункт начал уничтожаться. Штатная команда убежала неизвестно куда. Бегут люди, захватив с собой скот, лошадей и обоз. Тем не менее, имущество пункта с помощью офицеров, писарей и оставшегося караула удалось сохранить». «В 12 часов 20 января, – информировал далее начальник пункта, – мне донесли, что на Павловской улице, где размещался околоток и вещевого цейхгауз вверенного мне пункта, румыны выставили караул. В 16 часов 21 января мне сообщили, что околоток грабит румынский караул. Осматриваю и устанавливаю факты хищения там вещей. Докладываю румынскому полковнику Мелеку, который приказывает своему адъютанту капитану Зенеску расследовать это дело. Однако к 22 января всё имущество околотка исчезает, хотя имущество цейхгауза, находящееся в том же дворе, по-видимому, к этому времени всё же уцелело, хотя замков на дверях и печатей на них нет»<sup>1</sup>. Далее из донесения следует, что с 25 января (7 февраля) румыны начали растаскивать оставшееся имущество. «Объезжая занимаемые пунктом помещения, – сообщал начальник пункта, – я констатирую следующее: в канцелярии беспорядок, все бумаги перерыты, ящики с секретными документами взломаны, касса раскрыта (деньги ночью, согласно моему приказанию, кассиром были вынуты), и все дела смешаны в кучу и разорваны. В продуктовом цейхгаузе растаскивается всё: чай, сахар, зерно и прочие продукты. В вещевом цейхгаузе румынские солдаты и офицеры выносят обмундирование, сукно и прочие вещи»<sup>2</sup>. Обращение к румынскому военному коменданту и молдавским властям не возымели никакого положительного действия. Румынский майор Изворану, прибывший к вещевому цейхгаузу, заявил, что «всё имущество принадлежит румынам». В ответ на настойчивое требование оформить прием имущества официально и составить акт Изворану повторил, что «всё принадлежит румынам и никакой расписки он... не даст». Составлять акты пришлось начальнику распределительного пункта и его подчиненным. Впоследствии эти документы – опись разграбленного румынами имущества, акт передачи имущества на

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 55.

<sup>2</sup> Там же. Л. 55об.

хранение румынам, акт о разграблении румынами вещевого цейхгауза, акт о разграблении румынами продуктового цейхгауза, акт о разграблении румынами канцелярии, акт о разграблении румынами околотка, дознание об исчезновении кожи, рапорт об исчезнувшей муке, квитанции о сдаче румынами лошадей и повозок, дознание об убийстве румынами солдата Дмитрия Пименова – были приложены к донесению, отправленному русскому командованию<sup>1</sup>. Аналогичные рапорты и акты, проливающие свет на судьбу русского имущества, разграбленного или переданного на хранение румынским властям, поступали в демобилизационное ведомство русского командования и из других румынских и бессарабских городов и населенных пунктов – Тирасполя, Кишинева, Бакэу, а также от различных ведомств: санитарного, интендантского, артиллерийского и др. Документально подтверждено, что были захвачены и опустошены склады Всероссийского союза городов, Российского общества Красного Креста в Измаиле, проданы с молотка 200 пароходов, буксиров, барж на Дунае, в руки румын попало 500 паровозов и более 7 тыс. вагонов, исчезли сбережения солдат, хранившиеся в полевых сберегательных кассах, и т. д. По неполным подсчетам материальный ущерб российской стороны, понесенный из-за бесчинств румын в период ликвидации Румынского фронта, превысил 1 млрд руб. золотом<sup>2</sup>. Советское правительство потребовало прекращения издевательств над русскими солдатами на Румынском фронте и возвращения русского имущества, оставленного на территории Румынии, или его компенсации румынскими властями.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 55об., 56, 56об., 57.

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 261. Приложение к разделу V. Док. № 23. С. 287.

## Глава 3

### «Румынское золото» и большевики.

1918 г.

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. советское правительство обратилось к воюющим государствам с призывом о мире и взяло четкий курс на выход России из войны. Оказавшись один на один с Центральными державами, Румыния начала в конце ноября 1917 г. переговоры с их представителями о перемирии, завершившиеся его подписанием в Фокшанах 26 ноября (9 декабря) 1917 г.

После заключения сепаратного Брест-Литовского мира между Советской Россией и державами Четверного союза 18 февраля (3 марта) 1918 г. военная ситуация для Бухареста стала безнадежной, поскольку ее союзник вышел из войны и Румыния осталась один на один с противником. В расчете на относительно благоприятную развязку в Яссах было сформировано правительство во главе с А. Маргиломаном, прогермански настроенным лидером партии консерваторов. Однако расчет не оправдался: условия заключенного 7 мая 1918 г. в румынской столице сепаратного мира Румынии с Центральными державами были жесткими. Румыния отказывалась в пользу Австро-Венгрии от карпатских перевалов, уступала всю Добруджу, включая северную, румынскую, часть, признала сохранение оккупационного режима на большей части своей территории. Экономические соглашения, приложенные к договору, превращали Румынию в сельскохозяйственный придаток Германии. Однако по Бухарестскому мирному договору подписанты не возражали против вхождения Бессарабии в состав Румынии.

К тому времени Румыния, как и другие страны Антанты, вступила в борьбу против советской власти. Отступавшие с румынской территории русские войска подвергались нападением румынских частей. Как потом стало ясно, это явилось прологом к вторжению румын в Бессарабию<sup>1</sup>. Заключение перемирия

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Виноградов В.Н.* Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // *Славяноведение*. 2014. № 1. С. 86–87.

с Германией развязало румынам руки: по соглашению со штабом генерала Д.Г. Щербачёва, находившимся в Яссах, и представителями Антанты румынские войска приступили к захвату Бессарабии, входившей в состав Российской империи с 1812 г. В середине декабря 1917 г. в Петроград поступили сведения о появлении в начале месяца в Бессарабии отдельных румынских отрядов. Начав с занятия приграничных бессарабских сел, румыны 6 (19) декабря 1917 г. перешли р. Прут и захватили часть территории края. На подконтрольных землях развернулся процесс румынизации. Бесчинства и расстрелы гражданского населения стали обычным явлением. Продолжались притеснения и расправа над солдатами и офицерами русской армии на Румынском фронте. Советское правительство неоднократно заявляло посланнику Румынии в России Константину Диаманди протест против бесчинств в отношении российских военнослужащих<sup>1</sup>. Хотя румынский дипломат опровергал эту информацию, с фронта продолжали поступать все новые сообщения о расправах, творимых румынами. 2 (15) декабря 1917 г. в г. Яссы состоялось совместное заседание большевистского комитета Румынского фронта и солдатского комитета IV армии, заявившее о признании власти Советов и избравшее Военно-революционный комитет Румынского фронта. 8 (21) декабря при поддержке генерала Щербачёва и украинской Центральной рады румынские власти арестовали членов ВРК и заключили их в тюрьму. Председатель комитета петроградский эмиссар большевик С.Г. Рoshаль, обвиненный в подготовке покушения на румынского короля Фердинанда, был убит<sup>2</sup>. Жизнь остальных членов ВРК, также приговоренных к расстрелу, спасло вмешательство русских солдат.

Расценив эти действия румынских властей как фактическое объявление войны, советское руководство отреагировало жестко. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) в очередной ноте румынскому правительству за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина, Верховного Главнокоман-

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. Приложение к разделу IV. Док. № 1. С. 194.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 1. 1917–1934. М., 2000. С. 12.

дующего Красной Армии Н.В. Крыленко и Народного комиссара по военным делам Н.И. Подвойского советская сторона потребовала освободить арестованных на Румынском фронте, наказать производивших аресты лиц, «прекратить преступные действия румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившихся поднять руку на Русскую революцию», и предоставить гарантии, что подобные действия больше не повторятся<sup>1</sup>. Диаманди был предупрежден, что «в случае продолжения провокаций будут приняты самые суровые ответные меры по отношению к контрреволюционным румынским заговорщикам, независимо от того, какое место в румынской иерархии они занимают»<sup>2</sup>. Не дожидаясь ответной реакции, Ленин направил в Наркомат по военным делам предписание о немедленном аресте всех находящихся на подконтрольной советской власти территории членов румынского правительства, румынской миссии, а также всего состава румынских учреждений.

В тот же день в Петрограде были арестованы посланник Диаманди и сотрудники миссии. Накануне нового (1918) года, поздно вечером, когда Диаманди и его гости сидели за праздничным столом, в здании миссии появились вооруженные красноармейцы во главе с комиссаром Г.В. Благонравовым, заявившим, что он имеет приказ на арест Диаманди. На просьбу подождать окончания ужина посланник получил отказ и был препровожден в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Здание румынской миссии было опечатано, документы и архивы изъяты.

Известие об аресте румынского посланника быстро распространилось по Петрограду. Представители стран Антанты во главе с американским послом, дуайеном дипкорпуса Д.Р. Френсисом, возмущенные нарушением дипломатического иммунитета, обратились к Ленину с требованием освободить Диаманди и его сотрудников. Ответ Ленина был резким: «Предпринятые советским правительством меры в отношении Диаманди законны уже потому, что Румыния, формально не объявив войны России, начала в то же время боевые действия против русских войск с целью их

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 195.

<sup>2</sup> Там же. Приложение к разделу IV. Док. № 1. С. 194–195.



разоружения». Советский руководитель подчеркнул, что «никакого нарушения дипломатических норм не произошло, так как со страной, которую представляет Диаманди, нет никаких отношений, они не установлены. Диаманди был арестован в силу чрезвычайных обстоятельств, никакими дипломатическими трактатами и дипломатическими обязательствами не предусмотренными»<sup>1</sup>. Со своей стороны, американский посол заверил Ленина, что он немедленно встретится с Диаманди и выразит ему протест по поводу нападения румын на русские войска и сделает через американское посольство соответствующее заявление румынскому правительству<sup>2</sup>. Ленин тоже сделал шаг навстречу: пообещал Френсису оперативно рассмотреть поступивший протест на заседании Совнаркома. И уже на следующий день Диаманди и другие румынские дипломаты были освобождены. От них потребовали принять «все меры для освобождения окружённых и арестованных русских войск на фронте»<sup>3</sup>. Спустя несколько дней румыны были высланы из России через границу с Финляндией. В историю «казус Диаманди» вошел как первое нарушение большевиками неприкосновенности дипломатического представителя.

Высылка дипломатов, однако, не разрядила обстановку. 4 (17) января 1918 г. румынское правительство с согласия Антанты отдало войскам приказ вступить в Бессарабию. Оккупация края стала, таким образом, фактом. В ответ советское правительство 13(26) января заявило о разрыве дипломатических отношений с Румынией. Румынская миссия в Петрограде была распущена, а её здание занято советской администрацией. Интересы Румынии в России стало представлять посольство Франции.

Естественно при этом встал вопрос и о румынских сокровищах. 1 февраля 1918 г. посол Франции Жозеф Нуланс направил в Совет Народных Комиссаров декларацию, в которой говорилось, что

---

<sup>1</sup> Цит по: *Труш М.И.* Мы оптимисты: о встречах В.И. Ленина с зарубежными политическими деятелями, дипломатами, журналистами и представителями деловых кругов. М., 1985. С. 69.

<sup>2</sup> Там же. С. 74.

<sup>3</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 196; *Bistreanu I.* În ianuarie fierbinte. Arestarea ministrului României la Petersburg. 1918. // *Magazin istoric.* 2012. № 8. P. 51–56.

румунское золото, находившееся в Москве, должно быть полностью сохранено. О содержании декларации было поставлено в известность Генеральное консульство Франции в Москве. 4 февраля сотрудник французского консульства Э. Лабонн писал из Москвы послу в Петроград: «...Я встретился в Генеральными консулами Америки, Англии и Японии для определения общей линии поведения и уточнения текста декларации... До того, как начать дискуссию и выступить и начать демарш, необходимо уточнить некоторые ценные дополнения». «По моему мнению, – отмечал Лабонн, – это касается четкого определения некоторых терминов, таких как “возвращение имущества” и “собственность”, которые четыре Великие державы применяют в отношении золота как аванса гарантий за возвращение долга, предоставленного ими Румынии. Если это так, то мы должны потребовать от Народного Комиссара [иностраннх дел] права на свободу действий, которые из этого вытекают, а именно: инвентаризации, проверки, опечатывания, охраны. Консулы высоко оценивают представленную Советам декларацию с требованиями, определяющими направления и цели действий. Я всё же имею честь просить Вас официально подтвердить нашу декларацию. Вместе с тем, я хотел бы знать, одобряют ли они (консулы. – Т.П.) вышеупомянутые меры по сохранению всего золота. Если это так, то мы должны потребовать от Народного Комиссара права на свободу действий, которые из этого вытекают, а именно: инвентаризации, проверки, опечатывания, охраны»<sup>1</sup>.

2(15) февраля 1918 г. румынский консул в Москве П.Г. Герен передал Э. Лабонну в присутствии представителей румынского Национального банка Т. Капитановича и К. Ионеску следующие материалы и предметы:

1. Документы о транспортировке в Кремль «румынского золота».
2. Ключи от кладовых, где хранилось «румынское золото».
3. Документы о содержимом сейфов Сберегательной кассы.
4. Ключи от сейфов Сберегательной кассы и помещения с типографским имуществом Национального банка Румынии и прочими банковскими принадлежностями.

<sup>1</sup> Les Archives du Ministère des Affaires Étrangères (AE). Serie Z. Europe. Carton 582. Dossier 9. Roumanie. Trésor Roumain à Moscou, f. 2.

В то же время посол Нуланс поручил французскому консулу в Москве Ж.-Ф. Гренару заявить представителю НКВД, комиссару по иностранным делам Мосгубсовета В.М. Фриче, что державы Антанты, и в частности Франция, выступают гарантами сохранения «румынского золота», находящегося в Москве, и рассматривают его в качестве аванса за тот долг, который румынское правительство должно будет вернуть союзникам. После этого французский и английский консулы, согласовав свои действия, направили 14 февраля 1918 г. совместную вербальную ноту комиссару Фриче <sup>1</sup>. 25 января (7 февраля) 1918 г. Фриче доставил в кладовые Кремля 16 ящиков с румынскими денежными знаками. 27 февраля он обратился к французскому консулу с просьбой передать ему ключи от кладовых Кремля, где хранились румынские ценности. «Имею честь, – писал Фриче, – просить Вас передать мне ключи от запертой кладовой, в которой находятся ценности румынского правительства, чтобы изъять оттуда несколько ящиков, находящихся там же и принадлежащих Комиссариату Иностранных Дел. В связи с этим я хотел бы подтвердить, что все ценности, принадлежащие румынскому правительству, находящиеся в этой комнате, будут в целости сохранены в соответствии с актами, которыми Вы располагаете» <sup>2</sup>. В ответ французский консул напомнил, что он не может передать ключи кому-либо другому, так как официальные представители Румынии доверили Франции сохранность своих ценностей. В свою очередь, Фриче указал, что «ценности, принадлежащие румынскому правительству, по решению Народного Комиссариата в Петрограде могут быть конфискованы в связи с тем, что государства находятся в состоянии войны \* и что он будет вынужден силой забрать ключи». Французский консул после формального протеста заявил, что он вынужден уступить силе и отдать ключи. При этом он попросил английского и американского консулов присутствовать при передаче ключей и составил соответствующий акт. После переговоров с генеральными консулами Фриче, ознакомившись с содержанием акта, пошёл на уступки.

---

<sup>1</sup> Ibid. f. 9–10.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 861. Оп. 5. Д. 652. Л. 43.

\* Официально Румыния и Советская Россия не находились в состоянии войны, что неоднократно подчеркивали правительства двух стран.

Он заявил, что «если из акта будет убрано выражение “отдать силой”, то он предлагает следующие условия: 1. Передать ему ключи во временное пользование. 2. Допустить присутствие французского консула при открытии дверей и посещении кладовой». В связи с заявлением Фриче французский консул обратился за соответствующими инструкциями в посольство Франции в Петрограде. Получив ответ, консул заявил о нежелательности своего присутствия при вскрытии кладовой и потребовал от Фриче письменных гарантий неприкосновенности румынских ценностей. Он поручил своему секретарю М. Хуллегату присутствовать при вскрытии дверей. 2 марта Фриче в присутствии Хуллегату изъял 6 ящиков под номерами 5–10 (включительно), ранее доставленных в кремлевскую кладовую из типографии, в которой до прихода к власти большевиков, по договорённости с российским правительством, печатались румынские денежные знаки, и 8 ящиков под номерами 51–58 (включительно) с банковскими бумагами <sup>1</sup>.

Через несколько дней Фриче вновь понадобились ключи от кладовых Кремля. Не желая напрямую обращаться к французскому консулу, он решил действовать через посредников и обратился за содействием к находившемуся в Москве представителю Национального банка Румынии К. Ионеску. Но на сей раз возмущенный французский консул направил протест в НКВД РСФСР, заявив, что считает действия комиссара прямым давлением на Ионеску, и отказался передать ключи Фриче <sup>2</sup>. Однако, в конечном счете, настойчивость Фриче возымела результат: получив все-таки ключи, он изъял несколько ящиков, которые, по его словам, принадлежали НКВД. На самом деле речь шла о собственности румын: в ящиках находилось около 2 млн румынских бумажных денег купюрами по 2 лея. Золота или ценных вещей среди изъятого не было.

Явный интерес советской стороны к румынским денежным знакам и специальному типографскому оборудованию отчасти проясняет записка представителя Национального банка Румы-

---

<sup>1</sup> AE. Serie Z. Europe. Carton 582. Dossier 9. Roumanie. Le Trésor Romain à Moscou, f. 6–8.

<sup>2</sup> Ibid. F. 11, 12.

нии в Москве Т. Капитановича, адресованная находившемуся в Яссах управляющему банка. Капитанович сообщал, что часть типографского оборудования, находившегося в Москве, удалось продать, а вырученные деньги в сумме 160 тыс. руб. переправить через Бойля в страну<sup>1</sup>.

Однако, судя по всему, имелись и другие, более важные, причины настойчивости комиссара Фриче. Учитывая, что 22 января (4 февраля) 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о приостановке выдачи румынскому правительству кредитных знаков, напечатанных в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), уместно предположить, что советская сторона имела свои планы в отношении румынских денег. Вполне возможно, что она намеревалась переправить их в Румынию для поддержки румынских революционеров. Не исключено, что и типографское оборудование предполагалось использовать для печатания новых купюр.

27 марта 1918 г. всё принадлежащее румынам типографское имущество было инвентаризировано и перевезено в специальное помещение, предоставленное советским правительством для его хранения. Вопрос об изъятии ящиков был снят с повестки дня.

11(24) января 1918 г. министр финансов Румынии Н. Титулеску поручил послу Румынии в Париже В. Антонеску обратиться к правительству Франции с просьбой, чтобы союзные державы взяли на себя гарантии на случай, если «румынское золото», находящееся в Москве, будет конфисковано, расхищено или уничтожено большевиками. В первых числах февраля 1918 г. Антонеску, выполняя поручение, обратился к главе кабинета и военному министру Франции Ж. Клемансо, который ответил, что союзники «согласны гарантировать Румынии 310 миллионов золота Национального банка, которые находятся в Москве, но не предоставляют гарантии депозитам Национального банка, вкладам в Сберегательную кассу и другие банки и учреждения, которые содержат ценные бумаги государственного займа, облигации и акции различных обществ, номера которых известны и поэтому могут быть

---

<sup>1</sup> Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale României la Moscova. București, 2011. P. 303.

аннулированы и заменены дубликатами» (курсив мой. – Т.П.)<sup>1</sup>. Высказанное Клемансо предположение о возможности манипулирования большевиками ценными румынскими бумагами и изготовления подложных весьма важно и заставляет вспомнить о настойчивости комиссара Фриче по изъятию румынской денежной массы и типографского имущества.

В августе 1918 г. органами ВЧК был раскрыт «заговор послов», целью которого по официальной версии было свержение советской власти при опоре на красноармейские части и провозглашение «военной диктатуры». Генеральный консул Франции Ж.-Ф. Гренар и глава британской миссии в Советской России Р.Б. Локкарт были арестованы. В октябре Гренар был выслан из Советской России, и ключи от кремлевской кладовой, которые до того времени хранились в Генеральном консульстве Франции, были переданы в консульство Дании, защищавшее отныне интересы Румынии в РСФСР. Впоследствии это обязательство взяла на себя Норвегия<sup>2</sup>.

Богатый политическими событиями 1918 год актуализировал также проблему собственно «румынского золота», оказавшуюся

---

<sup>1</sup> АЕ. Serie Z. Europe. Carton 582g. Dosier 9. Roumanie. Le trésor Romain à Moscou, f. 31–33. 21 января (3 февраля) 1918 г. Антонеску сообщил главе кабинета и министру иностранных дел И. Брэтиану об обещаниях Клемансо гарантировать передачу Румынии золота. Позднее, в ходе Парижской мирной конференции (1919 г.) Клемансо отказался от своих обещаний, сообщив Брэтиану, что «никогда не беседовал на эту тему с г-ном Антонеску и, следовательно, не мог брать каких-либо обязательств по отношению к нему относительно гарантий, связанных с сохранением румынского золота, находящегося в кладовых Кремля». Вряд ли Клемансо забыл о своих обещаниях. Однако, спустя более чем полтора года, когда надежды на скорое падение советской власти рухнули, а в сохранности румынского золотого запаса можно было усомниться, Клемансо, вероятно, не хотел подтверждать гарантии. Тем более что румыны рассчитывали использовать заявление Клемансо таким образом, чтобы именно Франция предоставила им гарантии, и именно с неё они получили бы компенсацию. 29 августа 1919 г. МИД Франции, отвечая на ноты румынского правительства, подтвердил, что, действительно, «правительства союзных держав согласились в феврале 1918 г. предоставить Румынии гарантии на 310 миллионов золота Национального банка Румынии. Эти гарантии нашли своё отражение в декларации, сделанной Клемансо Антонеску...» (Ibid. F. 33inv.).

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Т. 1. 1917–1934. С. 179–180.

именно в то время включенной в «бессарабский вопрос» и ставшей отныне его неразрывной частью.

Точкой отсчета стал ввод румынских войск в Бессарабию в январе 1918 г., объявлявшийся во всех официальных правительственных заявлениях как временная мера, обусловленная необходимостью удержать Румынский фронт. При этом официозная печать не уставала твердить о триумфальном появлении на территории края румынских солдат, умалчивая о терроре, развязанном оккупационными властями. Жестoko подавлялись любые проявления протеста против ввода войск. Так, 22 января (14 февраля) был разогнан 3-й бессарабский губернский съезд крестьянских депутатов, осудивший румынскую интервенцию. Председатель съезда В. Рудьев и делегаты В. Прахницкий, И. Панцырь, Т. Которос, П. Чумаченко были арестованы и на следующий день расстреляны как «враги румынизма».

Занятие Бессарабии румынскими войсками сопровождалось захватом громадного российского военного имущества.

В сложившихся условиях вопрос о «румынском золоте» обрел новое звучание. В постановлении советского правительства о разрыве дипотношений с Румынией от 13(26) января 1918 г. говорилось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия, открыла военные действия против Российской республики... Преступлениям румынских военных и гражданских властей нет числа...». В связи с этим СНК постановил: «1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём. 2. *Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берёт на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа* (курсив мой. – Т.П.). 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта Щербачёв объявляется врагом народа и ставится вне закона»<sup>1</sup>. Заметим, что

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу IV. Док. № 6. С. 198–199.



в середине 1960-х гг. в румынском руководстве и национальной исторической науке пункт второй постановления стал главным аргументом, на основе которого румынская сторона настаивала на возвращении золотого запаса, поскольку в 1948 г. власть перешла в руки трудящихся и в стране была провозглашена Народная республика <sup>1</sup>. Однако подобная интерпретация вызывает возражения. Документы, в частности, опубликованные протоколы заседаний Совнаркома, свидетельствуют, что на рубеже 1917–1918 гг. советское правительство не оставляло надежд на возвращение Бессарабии силой и формирование в крае нового правительства под видом «местной фирмы» <sup>2</sup>. После установления в крае советской власти именно правительству Советской Бессарабии, действовавшему от имени народа, советское правительство намеревалось передать румынский золотой запас, о чем будет сказано ниже.

В это время советское руководство предприняло ряд организационных мер, призванных способствовать развитию революционной ситуации в Румынии и Бессарабии. 11(24) января 1918 г. на заседании Совнаркома было заслушано сообщение Л.Д. Троцкого «о положении в Румынии в связи с неслыханными насилиями по отношению к нашим войскам», и по его предложению была создана специальная комиссия «по ликвидации румынской контрреволюции». 15(28) января с подачи этой комиссии Совнарком принял решение о создании в Кишиневе Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам из представителей местных советских организаций и некоторых политических партий. Председателем коллегии в ранге особоуполномоченного по решению Совнаркома был назначен Христиан Раковский. Помимо Раковского, в состав Верховной коллегии были включены Михаил Бужор, Михаил Брашеван, Вильям Спиро, Александр Воронский, Фёдор Куль (Полярный) и Анатолий Железняков (Железняк). Они наделялись полномочиями комиссаров-организаторов по русско-румынским делам на Юге России. В виду занятия Кишинева румынскими частями местом пребывания комиссии

---

<sup>1</sup> Scurtu I. Tezaurul de la Moscova. București, 2014. P. 57–58.

<sup>2</sup> Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 203.



была определена Одесса, где к тому времени уже была установлена власть Советов. Коллегии было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений с Румынией.

На следующем заседании СНК 18(31) января вновь обсуждался вопрос о Румынии, в частности, о перспективе создания в Бессарабии румынско-бессарабского правительства и советизации этой территории. Докладчиком по этому вопросу выступил Г.В. Чичерин. Он представил Совнаркому проект декрета о признании будущего румынского (бессарабского) советского правительства. В документе, в частности, говорилось: «...3. Рабоче-крестьянское правительство Российской Социалистической Республики приветствует первое Румынско-бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт. ... Выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником, Российское социалистическое правительство *передает в полное его распоряжение весь наличный золотой фонд и всё имущество бывшего румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов*» (курсив мой. – Т.П.)<sup>1</sup>.

Трудно с определенностью сказать, было ли положение проекта о золотом запасе конкретизацией соответствующего пункта постановления Совнаркома от 13(26) января, согласно которому советская власть обязывалась сохранить золотой фонд и передать его в руки румынского народа, что соответствовало ленинской концепции европейской революции, якобы неизбежной в воюющих странах, следовательно, и в Румынии, или авторы проекта исходили из реальной надежды на освобождение Бессарабии Красной Армией зимой 1918 г.? Очевидно одно: проект ясно отразил расчеты на оптимистический вариант развития событий в Бессарабии. Для нас, исходя из задач исследования, важно констатировать не только готовность большевиков вернуть «румынское золото» и иные ценности «новому социалистическому союзнику», но и факт их наличия к тому времени «в пределах» Советской республики.

---

<sup>1</sup> Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Протокол № 50, пункт 3. С. 230, 232, 244. Выражаю благодарность коллеге д.и.н. И.В. Михутиной, которая обратила моё внимание на этот и некоторые другие документы.

Однако принятие решения по проекту, доложенному Чичериным, членами Совнаркома было отложено, поскольку к тому времени Советы контролировали лишь несколько изолированных друг от друга бессарабских городов и местечек, а румынская армия уверенно наступала. Тем не менее, имеющиеся документы свидетельствуют, что румынские ценности, в частности, золотой запас, рассматривались советским руководством через призму возможности их использования для нужд революции в Румынии (Бессарабии). Это была принципиальная позиция.

В подтверждение приведем несколько фактов. В постановлении Совнаркома от 15(28) января 1918 г., о мероприятиях создававшейся Комиссии по подавлению румынской контрреволюции говорилось: «Утвердить предложенные комиссией мероприятия и ассигновать русско-румынской коллегии по румынско-бессарабским делам \* пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег». На документе имелась следующая резолюция: «Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич»<sup>2</sup>. В соответствии с этим постановлением Совнаркома в Департамент Государственного казначейства на имя Д.П. Боголепова было направлено письмо следующего содержания: «Уважаемый товарищ, Совет Народных Комиссаров на своём заседании постановил ассигновать из средств Государственного казначейства румынской коллегии по румынским и бессарабским делам пять мил. руб. с покрытием этой суммы из арестованного в Москве румынского фонда. Сообщая об этом постановлении Совета, просим Вас принять меры к скорейшему проведению этой ассигновки, причём один миллион выдать румынскими знаками»<sup>3</sup>. Помимо этого постановления Ленин также подписал распоряжение СНК о выдаче удостоверений М.Г. Бужору, М.М. Брашовану, Б.Б. Спиру, А.К. Воронскому, Ф.И. Кулю (По-

---

\* Так в тексте. Здесь и далее правильно: Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам.

<sup>2</sup> Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Протокол № 47 от 15 января 1918 г., пункт 11. С. 118–119.

<sup>3</sup> Там же. С. 219.

лярному), А.Г. Железнякову, назначенным, как уже говорилось, комиссарами-организаторами по русско-румынским делам на Юге России <sup>1</sup>.

21 декабря 1917 г. (3 февраля 1918 г.) заведующий Румынским отделом НКВД В.И. Шеншев сообщил Хр. Раковскому: «Всё Вами порученное о Верховной [автономной] коллегии [по русско-румынским делам] исполнено». И далее: «Попович (румынский революционер. – Т.П.) сдал все дела. Уезжает в Румынию. Очень важно было бы послать с ним немного денег для нашей партии» <sup>2</sup>. Это письмо сотрудника НКВД подтверждает не только тот факт, что румынские деньги частично были переданы Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам, но что они также «участвовали» в финансировании компартии Румынии.

19 января (1 февраля) 1918 г. по ходатайству Хр. Раковского и румынского революционера М. Бужора в Совнаркоме был рассмотрен вопрос о финансировании «румынской революции» в сумме 10 млн руб. (золотом). К протоколу приложен лист исполнения с пометой: «Передано лично Менжинскому» <sup>\*</sup>. Было ли выполнено это постановление Совнаркома, не известно, и документами на этот счёт автор не располагает.

«Денежный» след, так или иначе связанный с эвакуацией румынских ценностей, неожиданно обнаружился в Бухаресте. Об этом свидетельствуют материалы Архива МИД Франции. Приведенные в них факты единичные, но представляют определённый интерес. Так, по сообщению французского посольства из Бухареста в МИД Франции от 17 июля 1920 г., в одном из социалистических клубов румынской столицы были обнаружены мелкие бумажные банковские купюры Национального банка Румынии из числа вывезенных в Россию вместе с «румынским золотом». Сотрудники посольства предположили, что деньги были доставлены в Румынию связными Раковского контрабандой через Бессарабию вместе с нелегальной литературой и другой корреспонденцией

---

<sup>1</sup> Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: в 12 томах. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1974. С. 209.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 19.

<sup>\*</sup> Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – в то время (30 октября 1917 г. – 2 февраля 1918 г.) народный комиссар финансов РСФСР.

для «экстремистского» (т. е. революционного.– Т.П.) движения <sup>1</sup>. Резон в этом предположении имеется и немалый: вспомним хотя бы приведенное выше пожелание нкидовца Шеншева «послать немного денег» для партии с уезжавшим в Румынию Поповичем и оценку им этого шага – «Очень важно».

В середине февраля 1918 г. вооруженное сопротивление бесарабского населения румынским войскам, наступление Красной Армии на Украине, а также её продвижение в направлении Бессарабии заставило румынское правительство вступить в переговоры с представителями советской власти. Советское правительство было также заинтересовано в разрешении конфликта с Румынией. При посредничестве представителя военных миссий Англии и Франции подполковника канадской армии Дж. Бойля (такое звание указано в документе по переговорам, но также в документах примерно того же времени он значится как полковник), а также румынских парламентариев, задержанных в Одессе, были налажены контакты с румынским правительством. 24 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров Одесской области, возглавляемый председателем Румчерода В.Г. Юдовским, в ответ на предложение военных миссий Англии и Франции о переговорах с Румынией сформулировал требования российской стороны для предстоящего обсуждения, которые были переданы в Бухарест. Они сводились к следующему: «Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации из Бессарабии оккупационной румынской армии. В первую очередь эвакуации Бендер и Жебриян \*. Оккупационная армия в течение двух месяцев должна быть сокращена до размера отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения» ...Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации

---

<sup>1</sup> АЕ. Serie Z. Europe. Carton 582. Dossier 9. Roumanie. Trésor Romain à Moscou, f. 57.

\* Так в тексте. Имелось в виду с. Жебрияны (рум. Jibrieni) (ныне с. Приморское Килийского района Одесской области), расположенное в 2-х км юго-восточнее имевшей определенное стратегическое значение Жебриянской бухты в северной части дельты Дуная.

румынской армии русские военные силы займут эвакуированные места для поддержания порядка. Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Оно не может производить аресты и не может исполнять функции, принадлежащие местным выборным властям. Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов». В случае, если румынская армия будет вынуждена отступить на русскую территорию, «она найдёт там прибежище и продовольствие». «В случае военных параллельных действий против Центральных держав и их союзников устанавливается непосредственный контакт между Высшим военным командованием русской советской армии и румынским командованием». В случае возникновения спорных вопросов между русскими и румынами, для улаживания «всевозможных недоразумений» роль арбитра предстояло взять на себя комиссии из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соединенных Штатов <sup>1</sup>.

Напомним, что в 1918 г. Англия, Франция и США рассматривали ввод румынских войск в Бессарабию как временную, сугубо военную меру, вызванную потребностями войны. Подтверждение этому – телеграмма, направленная 5(18) января 1918 г. французским посланником в Яссах графом Огюстом Ф.-Ш. де Сент-Олером французскому консулу в Кишинёве М. Сарре, в которой вступление румынских войск в Бессарабию объявлялось «чисто военной мерой с целью обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта в соответствии с правилами, существующими во всех воюющих государствах». «По этой причине, – подчеркивал посланник, – вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияние ни на существующую политическую обстановку в Бессарабии, ни на будущую судьбу этой страны» <sup>2</sup>. Предполагалось, что эта позиция будет доведена до сведения правительства Молдавской народной республики (МНР).

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу IV. Док. № 19. С. 212–213.

<sup>2</sup> Там же. Док. № 14. С. 206–207.

Премьер-министр Румынии А. Авереску в целом согласился с требованиями российской стороны, добавив в соглашение пункт о немедленном освобождении пленных и обмене русских пленных в Румынии на румын, находившихся в России. 5 марта 1918 г. в Одессе была подписана декларация, в которой говорилось: «С момента подписания Румынским Правительством настоящего документа мы будем считать, что мир между Россией и Румынией восстановлен». 5–9 марта 1918 г. между Советской Россией и Румынией был подписан полноценный документ, официально именованный Соглашением об очищении Румынией Бессарабии, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска с территории края. Документ подписали с румынской стороны глава кабинета министров и министр иностранных дел Румынии генерал А. Авереску, а с российской – председатель Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам Хр. Раковский, его заместитель М. Брашеван, председатель Румчерода В.Г. Юдовский, председатель исполкома Совета депутатов Одесской области А. Воронский и главнокомандующий революционной армией, созданной большевиками на южном участке русского фронта Красной Армии М.А. Муравьёв<sup>1</sup>. После подписания соглашения генерал Авереску заявил, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным»<sup>2</sup>.

Румынские учёные долгое время замалчивали или категорически отрицали факт подписания договора Раковского–Авереску. Первый в румынской историографии всесторонний анализ этого документа принадлежит акад. Ф. Константиу, тщательно изучившему материалы румынских архивов. Отвечая на критику действий Авереску, как со стороны современников событий, так и румынских историков, за соглашение с большевиками, Константиу пишет: «Думается, Авереску подписал соглашение с большевиками, чтобы спасти [румынских] заложников и выиграть время, исходя из перспективы заключения мира с Цент-

---

<sup>1</sup> Там же. Док. № 23, 24. С. 215–217.

<sup>2</sup> АЕ. Serie Z. Europe. Carton 582. Dossier 9. Roumanie. Trésor Romain à Moscou, f. 57. *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу IV. Док. № 22. С. 215.

ральными державами и их союзниками и создания благоприятных условий для включения Бессарабии в состав Румынии»<sup>1</sup>.

Таким образом, на переговорах весной 1918 г. советской стороне при посредничестве западных держав удалось добиться главного – договоренности о выводе румынских войск с территории Бессарабии. Румынское руководство рассчитывало на встречный шаг Советов, рассматривая сложившуюся ситуацию как шанс положительно решить вопрос о возвращении в Румынию соотечественников, интернированных в Одессе, среди которых находились родственники весьма высокопоставленных чиновников<sup>2</sup>.

В соглашении от 5–9 марта 1918 г. предусматривалось создание международных комиссий из представителей России, Румынии, Англии, Франции и США для «улаживания возможных недоразумений» между подписавшими сторонами, Создание подобных комиссий предоставляло определенные гарантии для выполнения соглашения 27 марта Нарком иностранных дел Чичерин уведомил румынского консула в Москве П. Герена, что для окончательного разрешения российско-румынского конфликта необходимо немедленно приступить к формированию комиссий. Вопрос о передаче всех румынских ценностей предстояло включить в программу их работы<sup>3</sup>. Казалось, что вопрос о «румынском золоте» сдвинулся, наконец, с мертвой точки. В связи с этим французский консул отмечал, что эта долгая и трудная дискуссия находится в стадии счастливого завершения<sup>4</sup>. Однако оптимистичный прогноз француза не подтвердился. Советско-румынское соглашение было сорвано стремительным ходом событий. 5 (18) марта румынское правительство заключило в расположенном в 20 км от Бухареста селе Буфтя прелиминарный мир с державами Четверного союза и пропустило австро-германские войска на территорию Украины и левобережной

<sup>1</sup> *Константину Ф. Х.Г. Раковский и бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1918)* // *Славяноведение*. 2018. № 5. С. 29

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> *Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы в 2-х тт. Т. 1. 1917–1934. М., 2000. С. 27–28, 32–33..*

<sup>4</sup> *AE. Serie Z. Europe. Carton 582g. Dossier 9. Roumanie. Le trésor Romain à Moscou, f. 12, 13.*



Молдавии. Используя присутствие румынских войск в Бессарабии, Сфатул Цэрий (Совет страны) \* своим решением от 27 марта (9 апреля) 1918 г. присоединил Бессарабию к Румынии, сначала на правах автономии, а в декабре 1918 г. как часть национальной румынской территории. Правительство Советской России считало, что Сфатул Цэрий не имел полномочий решать вопрос о присоединении Бессарабии, так как его постановление было принято под прямым давлением военных властей, в условиях административного террора. 18 апреля 1918 г. Советское правительство направило ноту протеста румынскому правительству против присоединения Бессарабии к Румынии и провозглашения края «неотъемлемой частью Румынского королевства». Эти действия Бухареста советская сторона расценила как прямой вызов Советской Республике и вопиющее нарушение заключённого с Россией соглашения об «очищении» Румынией территории Бессарабии <sup>2</sup>.

После срыва договора Раковского–Авереску советское правительство закрыло вопрос о возвращении «румынского золота». 8 апреля 1918 г. в Румынский отдел НКВД поступило письмо из Главного управления пограничному снабжению НКВД, в котором подчёркивалось: «Советская республика должна себя гарантировать в отношении возмещения нам этого долга» (имеется в виду долг Румынии России, образовавшийся за годы Первой мировой войны. – *Т.П.*). Конкретизируя эту установку в связи с обращением румын о возвращении им румынских продовольственных складов, авторы письма рекомендовали «издать распоряжение о том, чтобы из предметов, заказанных у нас до настоящего времени, ничего не было вывезено в Румынию без

---

\* Сфатул Цэрий состоял из представителей некоторых общественных организаций (военных, кооперативных, крестьянских) и, в силу этого, не являлся органом, выражавшим волю всего населения Бессарабии. Политический деятель и дипломат К. Арджетоюну писал, что «Сфатул Цэрий был, на самом деле, ни чем иным, как самозванным политическим образованием. Созданный в результате фиктивных выборов, он ничего и никого не представлял. Вообще-то, его члены сами себя уполномочили» (*Argetoianu C. Memorii. Vol. 5. Bucureşti, 1995. P. 54*).

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 184; приложение к разделу IV. Док. № 34. С. 225–226.



соответствующего разрешения отдела по ликвидации снабжения Румынии при Главзагране \*. Вместе с тем *впредь до выяснения финансовых отношений и взаиморасчетов между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства, выдачу которого временно задержать в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга»* (курсив мой. – Т.П.)<sup>2</sup>. 25 мая 1919 г. в радиограмме, направленной правительством РСФСР и правительством УССР румынским властям, говорилось: «С момента упразднения русского фронта в Румынии румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и краснокрестское имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойнического захвата Бессарабии румынское правительство так же поступило с военными продовольственными базисными складами Бессарабии. Часть имущества, принадлежащая России, была использована самим румынским правительством, часть оно предоставило в распоряжение белогвардейских банд, сражавшихся против Советской власти на юге России и Украины и, наконец, остальное, в особенности предметы первой необходимости, как-то: обмундирование, бельё, сахар, консервы расхищались проворовавшими румынскими чиновниками и офицерами. Они спускали народное добро за бесценок спекулянтам, а потом, чтобы замести следы своих преступлений, поджигали склады и архивы... Сохраняя за собой право предать своевременно суду революционного трибунала прямых и косвенных виновников вышеперечисленных преступлений, как бы высоко они ни стояли, рабоче-крестьянское правительство России и Украины снимает с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезённых во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому Национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским по-

<sup>1</sup> Главзагран – Главное управление пограничному снабжению при Наркомате по военным делам РСФСР.

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу V. Док. № 16. С. 280–281.

мещикам и капиталистам»<sup>1</sup>. 25 июля 1918 г. из НКИД в Народный банк поступило следующее распоряжение, касающееся румынских ценностей: «Сообщаем, что все румынские государственные вклады секвестрированы впредь до выяснения многочисленных денежных и других обязательств Румынии по отношению к России. Исходя из этого, никакие выдачи по приказам представителей Румынского Правительства производиться не могут»<sup>2</sup>. 14 сентября подобное указание поступило в особую канцелярию по кредитной части [Наркомата финансов]: «По распоряжению Уполномоченного Совнаркома по русско-румынским делам тов. Раковского сообщая, что, если не имеется особых препятствий, желательного, чтобы находящиеся в Московской ссудной казне ценности румынских банков никуда из Москвы не увозились до приезда тов. Раковского»<sup>3</sup>.

Впоследствии проблема возвращения румынского золотого фонда и драгоценностей Короны испытывала на себе мощное давление одного из основных вопросов международных отношений межвоенного периода – бессарабского. Взаиморасчеты между советской и румынской сторонами, касавшиеся российского военного имущества на территории Румынии и румынского долга России, становились важным аргументом сторон в территориальном споре.

---

<sup>1</sup> Документы внешней политики СССР: в 24 томах / Отв. ред. А.А. Громыко. Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М., 1958. С. 171–172.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 104. Д. 59486. Л. 41.

<sup>3</sup> Там же. Л. 40.

## Глава 4

### Вопросы о Бессарабии и «румынском золоте».

*За кулисами подготовки переговоров РСФСР с Румынией о заключении мирного договора 1919–1920 гг.*

Советское правительство рассматривало возвращение «румынского золота» в зависимости от решения вопроса о Бессарабии, находившейся, как подчеркивалось в нотах, направленных румынскому правительству, «во временной фактической оккупации Румынии»<sup>1</sup>. Румыния, в свою очередь, пыталась добиться международного признания присоединения Бессарабии. Вопрос о статусе Бессарабии был вынесен на обсуждение Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), на которой представители РСФСР отсутствовали. Молдавский учёный И.Э. Левит, ныне проживающий в США, подчеркивает, что неблагоприятные международные условия, в которых к тому времени находилась Советская Россия, стали причиной решения «бессарабского вопроса» в пользу Румынии<sup>2</sup>. Западные державы, напуганные ростом революционного движения в своих странах, прилагали огромные усилия, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчлнить территорию бывшей Российской империи. В марте 1918 г. в Мурманске высадился английский десант, к которому присоединились французы и американцы. На Дальнем Востоке хозяйничали англичане и американцы, Владивосток оккупировали японцы. При активном участии румын разворачивался фронт борьбы против Советской России и на западном пограничье. В Париже румыны предъявили свой важный козырь в «бессарабском вопросе», постоянно подчёркивая, что их страна является барьером на пути распространения большевизма в Европе и что присоединение Бессарабии следует считать вознаграждением Румынии

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920). Тирасполь, 2012. С. 71, 172–173, 177–190.

за это. Однако Бухарест выступил с территориальными претензиями не только в отношении Бессарабии. Воплощение в жизнь национального идеала «Великой Румынии» («România Mare») означало расчет на присоединение и других земель – венгерской Трансильвании и болгарской Южной Добруджи.

28 октября 1920 г. представители правительств Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии поставили свои подписи под протоколом о присоединении Бессарабии к Румынии, призванным придать решению Сфатул Цэрий от 27 марта 1918 г. международно-правовую силу. Четыре страны, ни одна из которых не находилась в состоянии войны с Россией, объявили об отторжении части российской территории. Среди подписавших не оказалось представителя США Р. Лансинга, позиция которого в ряде случаев отличалась от других участников конференции. По зафиксированному в Парижском (Бессарабском) протоколе условию он вступал в силу только после его ратификации парламентами государств–подписантов. Однако здесь румынскую сторону ждало разочарование: Япония не ратифицировала протокол целых 11 лет (до 1931 г.), Италия – 7 лет (до 1927 г.), 3 года откладывала ратификацию Великобритания, 4 года – Франция.

Бессарабский протокол, таким образом, фактически оставался документом *о намерении*, не приобретя законную силу.

Подписание протокола вызвало протесты правительств России и Украины. С резкими заявлениями о непризнании присоединения Бессарабии к Румынии выступили и представители белогвардейского движения.

1919 год в целом складывался крайне неблагоприятно для Советской России. Успехи Красной Армии в начале года сменились неудачами на Юго-Западном фронте. Летом 1919 г. развернулось наступление армии Деникина на Москву. С февраля 1919 г. началась необъявленная война между Советской Россией и Польшей<sup>1</sup>. Польша добивалась союза с Румынией против Советской России. Намерения Варшавы поддерживали Западные державы, особенно Франция, оказывая нажим на румынскую сторону<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 270–296.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Михутина И.В.* Советско-польская война 1919–1920. М., 1994. С. 62; Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред.

Советское правительство пыталось помешать заключению союза между поляками и румынами. Отношения с Бухарестом были сложными. Румынская армия активно участвовала в разгроме Венгерской Советской Республики и оккупировала её. Попытки советского правительства оказать вооруженную поддержку революционной Венгрии окончились неудачей. Оставался нерешённым «бессарабский вопрос» и, кроме того, Румыния настаивала на возвращении своего золотого запаса.

К концу 1919 – началу 1920 г. военно-политическое и международное положение стало постепенно меняться в пользу Советской России. Армия Деникина была разбита. Тем не менее, основные силы Добровольческой армии под командованием Врангеля сосредоточились в Крыму, представляя по-прежнему большую опасность. Великие державы, особенно Англия, начали склоняться к налаживанию отношений с Советской Россией, прежде всего, в области экономических и торговых связей. Произошли изменения и в отношениях с государствами-соседами. В 1920 г. были подписаны мирные договоры с Эстонией (февраль), Литвой (июль), Латвией и Финляндией (август). Жизнь настоятельно требовала подписания мирного договора с Румынией: это могло бы снять угрозу для советского государства на его юго-западном рубеже, особенно учитывая тесные связи между Бухарестом и Варшавой.

Обстановка на Юго-Западном фронте складывалась для Красной Армии в целом благоприятно. Однако идти на неминуемое обострение отношений с Румынией, в виду успешных наступательных действий, в Москве не стремились. 9 февраля 1920 г. главком С.С. Каменев уведомил председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого о приказе по 14-ой армии Юго-Западного фронта, в котором говорилось: «*В видах общегосударственной политики (курсив мой. – Т.П.) приказываю: наступление войск Юго-Зап[адного] фронта должно продолжаться только до реки Днестра, отнюдь не переходя его ни передовыми, ни разведывательными частями, даже если преследуемые нашими войсками*

---

А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 124–134; *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. С. 249–262.

отходящие части Добровольческой армии или галичан, перейдя Днестр, отступили [бы] в Бессарабию»<sup>1</sup>.

В тот же день, 9 февраля, член Коллегии НКВД РСФСР М.М. Литвинов предпринял зондаж румынской позиции относительно возможности мирных переговоров. В беседе на нейтральной почве, в Дании, с румынским представителем Д.Н. Чиотори дипломат заявил, что «советские правительства России и Украины полностью готовы обсудить как территориальные, так и финансовые претензии румынского правительства с целью достижения мира между двумя заинтересованными странами». Как сообщал Чиотори в Бухарест 14 февраля, признавшись «в продолжительной и оживленной беседе», в частном порядке, что «бессарабцы имеют право на самоопределение» и что «Советы должны вернуть находящиеся в Москве ценности», Литвинов официально отказался от односторонней декларации о признании принадлежности Бессарабии Румынии, как и от обсуждения вопроса о румынских ценностях<sup>2</sup>. Советское правительство считало, что эти вопросы должны стать основой двусторонних переговоров.

16 февраля Чиотори в телеграмме в Бухарест уже официально подтвердил, что Москва готова вести переговоры. 20 февраля румынское правительство, в свою очередь, уведомило Чиотори, что «предложение о мире должно исходить от большевиков», поскольку румынская сторона не считала себя в состоянии войны с ними. «Мир, – сообщали из Бухареста, – должен явиться признанием фактического положения в соответствии с нормами международного права. Переговоры об установлении экономических отношений последуют сразу же за установлением политических отношений...». Кроме того, румынское правительство просило Чиотори проверить сведения, полученные Генеральным штабом Румынии, о том, что «девять дивизий (Красной Армии. – Т.П.) приблизились к Днестру. Не с враждебными ли намерениями? Не смогли бы Вы сделать так, чтобы они предложили мир другим соседям?»<sup>3</sup>. 24 февраля правительство РСФСР

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 1.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х тт. Т. 1. 1917–1934. М., 2000. С. 44.

<sup>3</sup> Там же. С. 46.

направило по радио за подписью Чичерина ноту правительству Румынии с предложением вступить в переговоры, чтобы уладить все спорные вопросы между обеими странами. В документе констатировалось: «Увенчавшиеся успехами военные операции двух советских республик, Русской и Украинской<sup>\*</sup>, ставят Россию и Румынию в необходимость вступить в переговоры для дружественного урегулирования их отношений и установления между ними мирных связей и полезных и доброжелательных отношений между обоими народами». И далее: «Все разногласия между обеими странами могут быть улажены путём переговоров, а все территориальные вопросы могут быть разрешены в дружелюбном смысле». Чичерин также предлагал назначить время и место встречи представителей двух правительств.

В тот же день Чичерин по прямому проводу связался с Хр. Раковским (в то время главой правительства, министром иностранных и одновременно внутренних дел УССР) и сообщил ему о предложении российской стороны начать переговоры о мире с Румынией. В разговоре он подчеркнул: «Было бы неудобно, если бы мирное предложение исходило только от нас. Нужно мирное предложение и от Советской Украины». При этом Чичерин указал на опасность, исходящую от Польши, которая пытается втянуть в свои антисоветские планы Румынию. Чичерин также отметил, что по сведениям, поступившим из Парижа, «Польша требует границ 1772 года (т. е. границ Речи Посполитой, существовавших до разделов Польши. – *Т.П.*) и, выступая от имени всех нерусских национальностей бывшей Российской империи, требует очищения от русских войск всех нерусских местностей и предоставления им возможности определить свою судьбу». Исходя из этой ситуации, считал Чичерин, «Украина становится, таким образом, в центре политики»<sup>2</sup>. 26 февраля Раковский направил румынскому правительству радиотелеграмму с предложениями о мире, аналогичную телеграмме Чичерина. 3 марта с румынской стороны был получен положительный ответ. На следующий день, 4 марта, Чичерин в радиограмме сообщил Хр. Раковскому,

<sup>\*</sup> К середине февраля 1920 г. всё левобережье Днестра от Рыбницы до Чёрного моря было занято советскими войсками.

<sup>2</sup> АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 9.

что, по его мнению, «согласие Румынии на немедленное начатие переговоров –безоговорочное». «[Премьер-министр] Вайда-Воевод, – информировал Чичерин, – подчёркивает осуществление национального единства Румынии. И так ясно, что бессарабский вопрос у них на первом месте. Надо с Вами обсудить различные проекты и комбинации \*. Мы, конечно, заявили, что переговоры невозможны без Украинского Советского правительства, сопредельного с Бессарабией. Вопросы о фонде имущества, захваченных румынами складах, произведённых ими грабежах требуют близкого знания дела. Нам нужны помощники, знакомые с этими вопросами»<sup>2</sup>.

Соглашаясь на переговоры, румынская сторона формулировала для себя двуединую задачу: решение вопроса о принадлежности Бессарабии Румынии и возвращение национальных сокровищ. Это подтверждают и установки А. Вайды-Воевода, переданные румынскому представителю Чиотори 25 февраля: «Требуйте публичного предложения [мира] и спасите ценности. Постарайтесь организовать репатриацию пленных. Главное – добиться публичного предложения мира как можно скорее»<sup>3</sup>. Ясно, что, настаивая на скорейшем мире, румыны, в первую очередь, рассчитывали «узаконить» фактическое положение Бессарабии в составе Румынии, придать статусу края правовое обоснование и законную силу. 5 марта Вайда-Воевод вновь дал указание Чиотори, чтобы он добивался от советской стороны признания того, что Бессарабия принадлежит Румынии и национальные ценности последней должны быть возвращены полностью. Судя по документам, румынский дипломат старательно выполнял полученное указание. 7 марта он сообщил в Бухарест, что в очередной беседе Литвинов признал в качестве основных пунктов повестки дня будущих переговоров «вопрос о Бессарабии и о ценностях».

---

\* Имелись в виду контрпретензии России и Украины к Румынии, а также некоторые важные для обеих сторон вопросы, например, возобновление торговли, железнодорожного сообщения и почтово-телеграфной связи, судоходство на Дунае, обмен дипломатическими представителями при соблюдении со стороны Румынии строгого нейтралитета, и др.

<sup>2</sup> АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 12.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 48.



При этом «он повторил, что ценности находятся в целостности и сохранности»<sup>1</sup>.

Советская сторона, как следует из приведенной выше радиogramмы Чичерина Раковскому от 4 марта, ясно понимала, с чем столкнется на переговорах: «бессарабский вопрос» и судьба румынских ценностей сплелись в тугой узел. Следовало думать о контраргументах, и таковыми могли стать захваченное румынами российское имущество, в первую очередь военное, и взаиморасчеты за долги, накопившиеся между двумя странами за годы Первой мировой войны, с явным перевесом в пользу России.

Настаивая на участии Советской Украины в переговорах, советская сторона предложила провести их в Харькове, месторасположение которого, как отмечалось в советской ноте, «благоприятно для того, чтобы облегчить непосредственные и непрерывные сношения со всеми правительствами всех трёх государств». Румыны отказались, предложив, в свою очередь, в качестве альтернативы польскую столицу. Но теперь уже возражала советская сторона. Чичерин 17 марта 1920 г. уведомил румынское правительство, что РСФСР не может вести переговоры в Варшаве в силу военных действий с Польшей, и вновь предложил Харьков. Обсуждение «оргвопроса» явно затягивалось. Внимание Бухареста было направлено на советско-польские дела с намерением извлечь для себя пользу.

Польша продолжала оставаться наиболее опасным очагом напряжённости<sup>2</sup>. Франция, как уже отмечалось выше, поддерживая все антибольшевистские силы, подталкивала Румынию к союзу с Варшавой. Оценивая позицию Франции и в целом стран Антанты, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в июне 1920 г. писал Л.Д. Троцкому: «...Мы вполне верим многочисленным сообщениям о присутствии в Румынии французских офицеров

---

<sup>1</sup> Там же. С. 50.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Матвеев Г.Ф.* Подготовка советской стороны к мирным переговорам с Польшей // *Историки-слависты МГУ. Книга 8. Славянский мир: в поисках идентичности* / Ред. коллегия: Ю.А. Борисёнок, А.Н. Литвинова, Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2011. С. 526–539; *Наринский М.М.* Советско-польская война и Рижский мир 1921 года // *Забытый мир. Рижский договор 1921 г.* М., 2014. С. 35–42.

и указаниям на попытки Франции, а, может быть, и вообще Антанты, втянуть в войну Румынию. Последние сведения из румынской печати сходятся, однако, на том, что Румыния не идёт по этому пути»<sup>1</sup>. Нажим на Румынию западных стран признавал и Л.Д. Троцкий. Видимо, с целью парировать его Троцкий в записке, направленной в Политбюро ЦК РКП(б) 19 июня 1920 г., предложил вновь инициировать переговоры с Румынией, но Политбюро посчитало предложение мира Румынии несвоевременным<sup>2</sup>. Троцкий, однако, продолжал настаивать на своем предложении. 24 июня 1920 г. в телеграмме членам Политбюро ЦК РКП(б) он писал: «Снова возобновляю своё предложение об открытом мирном обращении к Румынии. Поскольку Антанта теперь нажимает на Румынию с целью интервенции, нажим станет для неё труднее после нашего предложения Румынии... Наше обращение ни в коем случае не может быть истолковано или понято как признание слабости... Факт мирного обращения во время крупных военных успехов \* усилит позицию наших друзей во всех странах...»<sup>4</sup>.

Таким образом, вопрос о мирных переговорах с Румынией приобрел для советского руководства первостепенное значение. Но за этим вопросом, как нитка за иголкой, тянулись два других – о Бессарабии и «румынском золоте». Добиваясь начала переговоров, советская сторона была готова, уступая румынам, декларировать свое намерение обсудить государственную принадлежность Бессарабии и судьбу «румынского золота, т. е. наиболее острые и болезненные для Бухареста вопросы.

Решение о возобновлении переговоров с Румынией было принято 5–7 августа сначала пленумом ЦК РКП(б), а затем советским правительством в условиях, когда Красная Армия начала наступление на Варшаву. Румынское правительство согласилось на переговоры, но с существенными оговорками. 10 августа министр иностранных дел Румынии Таке Ионеску сообщил Чичерину,

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 4.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 96.

\* В июне–июле 1920 г. Красная Армия добилась значительных успехов на Западном фронте. 5 июня Красная Армия прорвала польский фронт и развернула успешное наступление (См. подробнее: Польша в XX веке. С. 131–132).

<sup>4</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 5.

что Румыния получила приглашение английского правительства принять участие в конференции в Лондоне, на которой будут обсуждаться условия мира между Россией и окраинными государствами. Поэтому Румыния хотела бы продолжить разговор о заключении мира на лондонской конференции<sup>1</sup>. По сути, прикрываясь лондонской встречей, Румыния отказывалась вести мирные переговоры. Однако, как следует из документов, Чичерин с самого начала предполагал, что конференция, намеченная в Лондоне, не состоится. Поэтому нарком отклонил это предложение румынской стороны, подчеркнув, что советское правительство считает «единственным путём к миру» непосредственные, прямые переговоры между Советской Россией и Румынией<sup>2</sup>.

16 августа 1920 г. началось контрнаступление поляков под Варшавой, в результате которого армия М.Н. Тухачевского потерпела сокрушительное поражение. Румынской общественностью «чудо на Висле» было встречено с энтузиазмом как доказательство «заката большевизма»<sup>\*</sup>.

В этих условиях для советской стороны переговоры с Румынией приобретали особое значение. «Мы уверены, – подчеркивалось в советской ноте румынскому правительству от 29 августа, – что в интересах обеих сторон начать безотлагательно эти переговоры»<sup>4</sup>.

В развитие этого тезиса Троцкий, всегда чутко реагировавший на изменения международной обстановки, писал 4 сентября в Политбюро ЦК РКП(б): «Полагаю, что нам необходимо вызвать Румынию на переговоры, разъяснив ей через Каменева или

<sup>1</sup> Там же. Д. 52875. Л. 20.

<sup>2</sup> Там же. Л. 23, 24.

<sup>\*</sup> Бухарестская ежедневная газета «*Dimineața*» («Утро») 17 октября 1921 г. писала: «Мы ещё раньше утверждали, что будущее советского режима зависит от исхода русско-польской войны. Последствия это доказали. Красная Армия не только разбита. Она дезорганизована и разрушена. Казаки, присоединившиеся во время апогея к Красной Армии, после её поражения вернулись к Врангелю. Английское правительство прервало торговые переговоры. Франция посылает генерала Вейгана к Врангелю, доказывая этим, что не боится его поражения. Признаки падения большевистского строя увеличиваются...» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20).

<sup>4</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 57.

иным путём: если вы выступите, то мы вас разобьём; так как мы аннексии и контрибуции не признаём, то от победы нам всё равно чистый убыток; *поэтому мы готовы отказаться от Бессарабии и поговорить о золотом фонде (румынском)*» (курсив мой. – Т.П.)<sup>1</sup>.

9 сентября из Бухареста поступил положительный ответ на предложение советского правительства возобновить советско-румынские переговоры в лондонском формате. Однако конференция в английской столице не состоялась, и переговоры между РСФСР и Румынией были вновь отложены<sup>2</sup>.

В конце 1920 г. российско-румынские отношения обострились. Причиной стало, как уже говорилось выше, признание союзными державами присоединения Бессарабии к Румынии, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны советского правительства. Но в целом неопределённость по основным вопросам двусторонних отношений сохранялась вплоть до начала 1921 г.

В советском руководстве в вопросе о Бессарабии, так же, как и о дальнейшей судьбе «румынского золота», не было единства. Ясно выраженную компромиссную позицию, в противоположность Хр. Раковскому, занимал М.М. Литвинов. Позиция Л.Д. Троцкого испытывала сильное влияние военных успехов Красной Армии на Западном (советско-польском) фронте, о чем говорилось выше. Троцкого поддерживал Чичерин. Сталин, предпочитая переговорам, в основном, силовой вариант действий, затягивал принятие решения о начале переговоров с Румынией. Обвиняя Сталина в срыве переговоров, Чичерин обратился в Политбюро: «Итак, если переговоры с Румынией желательны, а по-моему, именно теперь они действительно необходимы, от нас должно зависеть продолжать (ли) прерванный обмен (по) радио. И решение надо принимать немедленно. Как долго мы будем ждать ответа тов. Сталина? Если мы идём на этот способ обезвреживания Румынии, это должно быть сделано сегодня, а не завтра. Напоминаю, что тов. Сталин по своей общей тенденции не всегда благоприятно относится к методу переговоров. Когда мы налаживали переговоры Мархлевского с Пилсудским<sup>3</sup>, *сыгравшие столь полез-*

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 20.

<sup>3</sup> Подробнее см.: *Михутина И.В.* Советско-польская война. 1919–1920. М., 1994. С. 275–313.

ную роль в момент выступления Деникина, тов. Сталин в разговоре с Мархлевским утверждал, что поляков нужно только бить, а не вести с ними переговоры. Между тем, в тот момент именно путь переговоров по отношению к полякам был единственно возможным и целесообразным. По отношению к Румынии мы находимся в таком же положении», – утверждал Чичерин <sup>1</sup>.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают основание задаться вопросом о некоторых приемах, применяемых в политике и дипломатии. Выше мы старались проиллюстрировать настойчивость советского руководства при постановке вопроса о переговорах с Румынией и готовность ставить и обсуждать в связи с этим вопросы о Бессарабии и румынских ценностях. Однако при этом Троцкий 5 сентября 1920 г. предлагал своим соратникам «более открыто подразнить румын золотом» <sup>2</sup>. По всей вероятности, за этим скрывалось намерение «поторговаться» с румынами за Бессарабию. Близкую по смыслу точку зрения высказывал в тот момент также и представитель российской торговой делегации в Лондоне Л.Б. Красин. Ее воспроизвел в своей телеграмме премьер-министру А. Авереску от 30 ноября 1920 г. румынский представитель Чиотори. По его словам, в доверительном разговоре Красин пояснил, что «протест советского правительства в отношении подписания договора о Бессарабии был сделан лишь формально и является вопросом самолюбия. Поэтому советское правительство ... расположено признать объединение Бессарабии с Румынией только при условии, что немедленно начнутся мирные переговоры между Румынией и Россией» <sup>3</sup>. Чиотори дал понять адресату, что заявление Красина о Бессарабии – блеф, так как «русские не будут признавать и не будут присоединяться ни за что к договору о Бессарабии, подписанному в Париже» <sup>4</sup>. В дальнейшем прогноз Чиотори подтвердился.

Особого внимания заслуживает позиция Чичерина. В письме от 24 сентября 1921 г. полпреду РСФСР в Польше Л.М. Карахану, который был назначен Политбюро ЦК РКП(б) руководителем делегации на переговорах с Румынией, Чичерин отмечал: «Надо

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 7.

<sup>2</sup> Там же. Л. 11.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 70.

<sup>4</sup> Там же.

с самого начала дать понять румынам, что *мы готовы дать им Бессарабию, сохранив у себя золото и ценности*» (курсив мой. – Т.П.)<sup>1</sup>. Аналогичную позицию занимал Литвинов. 25 сентября 1921 г. он писал Карахану: «Если румыны настаивают на исключении бессарабского вопроса, то и Вам следует настаивать на погашении всех денежных и имущественных претензий. Попробуйте условно согласиться на возвращение ящичков (имелись ввиду ящички с ценностями и архивами.– Т.П.) минус золото, если в договор или в секретное приложение включить взаимное обязательство соблюдать нейтралитет при нападении третьих государств»<sup>2</sup>.

Замечу, что речь шла о служебной переписке, предназначенной «для внутреннего пользования», т. е. вполне откровенной. В официальных же документах советское правительство не признавало аннексии румынами Бессарабии. Так, 1 мая 1920 г. в телеграмме Чичерина и Раковского министру иностранных дел Румынии Ионеску говорилось: «Советское и Украинское правительства не могут признать суверенитет Румынии над Бессарабией, которая была аннексирована Румынией»<sup>3</sup>.

Дипломатическая переписка велась более полутора лет. Однако найти взаимоприемлемые условия для начала переговоров не удалось. Камнем преткновения оставались проблема Бессарабии и возвращение Румынии её ценностей, включая золотой фонд. Советское руководство исходило в своих действиях из международной обстановки, балансируя между готовностью к существенным уступкам румынам и новым витком ужесточения позиции. В конечном счете, советская сторона склонялась к комплексному обсуждению всех спорных вопросов, в том числе о статусе Бессарабии, румынских ценностях и взаиморасчётах между странами<sup>4</sup>. Румынская сторона настаивала, чтобы вопрос о Бессарабии на конференции вообще не поднимался, поскольку считала его решенным.

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52880. Л. 61об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 61.

<sup>3</sup> Там же. Д. 52875. Л. 18.

<sup>4</sup> Однако имелся и альтернативный вариант. О нем 14 января 1921 г. Раковский писал Чичерину: «Конечно, правильно говорить или обо всем, или обойти молчанием все колючие вопросы» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52879. Л. 1).

Осенью 1920 г. Румынии удалось спустить вопрос о переговорах на тормозах. Отмечая различные подходы советской стороны, румынская пресса писала: «...Даже в среде Совет[ского] правительства мы имеем два течения – одно более миролюбивое, возглавляемое Чичериним, другое, возглавляемое Раковским. Раковский поддерживает заговоры и угрожает нам»<sup>1</sup>. Несмотря на субъективизм оценок позиции Раковского румынскими журналистами, в известном смысле они были правы. Документы свидетельствуют, что Раковский, будучи одним из организаторов революционного движения в Румынии, не мог заставить себя отказаться от «классового подхода», выразившегося во враждебном отношении к румынской правящей верхушке. В записке под грифом «совершенно секретно» от 29 марта 1921 г. он писал Чичерину: «Я повторяю опять своё предостережение, что в переговорах с Румынией нужно быть архиосторожными. Я боюсь, что Вы, а в особенности Литвинов, можете увлечься перспективой заключить одним договором больше. В особенности я боюсь Литвинова, из разговора с которым в Москве я вынес, что он очень увлекается этой перспективой. Между тем, заключение мирного договора с Румынией фактически не внесёт никаких существенных изменений в теперешнее положение. И без договора Румыния, нажравшись чужими территориями по горло и борющаяся с невероятными трудностями, не в состоянии с нами воевать... Конечно, это не значит, что я против подписания мирного договора с Румынией, но я против такого мирного договора, который стоил бы нам хоть одного золотого рубля. Я смотрю на все наши ноты, как и на предстоящие переговоры, как на политическую демонстрацию. Отказываться от наших прав на Бессарабию, если на то не будет воля самого бессарабского народа, было бы дипломатической сверхошибкой. С румынами можно любезничать сколько угодно, но им ничего не нужно давать и ни от каких прав не нужно отказываться»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 13–14.

## Глава 5

### Кто кому должен?

Готовясь к переговорам с Румынией о заключении мирного договора, советское правительство приняло решение подсчитать в полном объёме долги румынской стороны, накопившиеся за годы Первой мировой войны, включая стоимость российского имущества, оставленного на территории Румынии и Бессарабии. Напомню, что по оценке генерала Н.А. Монкевица, возглавлявшего демобилизационную комиссию русских войск Румфронта, стоимость конфискованного румынами имущества достигала 3–4 миллиардов франков. Причём, Монкевиц заявлял, что эти подсчеты являются приблизительными, так как румыны всячески мешали проведению инвентаризации российского имущества. К этой сумме необходимо добавить стоимость неоплаченных военных поставок в Румынию, о чём уже говорилось выше. Не отрицая наличия долга России, румынское правительство, тем не менее, заявило, что «берёт эти материалы в залог, гарантирующий возмещение убытков, понесённых Румынией, ибо большевики захватили в Москве румынский золотой запас и румынские склады на юге России». Как следовало из письма представителя Румынии на Украине полковника румынского Генштаба М. Тодическу, направленного советской стороне 9 сентября 1918 г., речь шла о складах с заводским оборудованием, военным снаряжением, товарами и личными вещами, которые в связи с оккупацией войсками Германии и её союзников большей части территории Румынии были вывезены в Херсон, Николаев, Одессу и другие города России, о конном заводе в Татаровке, а также о складах военного имущества, поставленного союзниками Румынии через северные порты России и Владивосток и застрявшего там из-за революции в России <sup>1</sup>.

Начиная с 1918 г., советское правительство создало при разных ведомствах специальные структуры, которые занимались выявлением документов, касающихся претензий РСФСР к Румынии, и подсчётами румынской задолженности. Поначалу этими

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 16/2. Т. 1. Л. 5–5об.



вопросами занимался Румынский отдел Главного управления пограничному снабжению, но этого из-за объема работы было недостаточно. В записке от 8 апреля 1918 г. на имя заведующего Румынским отделом НКВД В.И. Шеншева указывалось на необходимость создать координирующий орган, которому были бы подчинены все учреждения, имевшие отношение к румынским делам в экономической и финансовой части. Во исполнение указания такой орган – Центральная комиссия по выяснению претензий России к Румынии – был создан при НКВД, а в Одессу направлен ее уполномоченный. Действовала также Особая межведомственная комиссия, задача которой состояла в определении общей задолженности Румынии. В ее состав вошли представители не только военных и гражданских ведомств, осуществлявших снабжение Румынского фронта, но и всех заинтересованных учреждений и организаций. Как свидетельствуют документы, комиссия регулярно проводила совещания и представляла подробные отчеты о результатах своей работы. В протоколах заседаний, сохраняемых в настоящее время в АВП РФ, отражены выносившиеся на обсуждение вопросы (о военном имуществе, переданном румынскому правительству; о расходах Румынии на содержание русской армии; о переписке по розыску материалов по взаимным расчётам и пр.)<sup>1</sup>. Для выявления документов, связанных с взаимными долгами России и Румынии, сотрудники комиссии выезжали на юг России и Украины (в Одессу, Херсон, Тирасполь, Николаев, Кременчуг, Полтаву, Феодосию и другие города). Особое внимание по понятным причинам уделялось сбору данных по Бессарабии<sup>2</sup>. Для подсчёта стоимости отпущенного румынскому правительству имущества и пр. комиссия приняла решение принять в качестве исходной заготовительную цену на момент отпуска румынам указанного имущества. Недвижимое имущество оценивалось по его реальной стоимости в момент фактического перехода в распоряжение Румынии, причем эта стоимость рассчитывалась в соответствующей иностранной валюте. Впоследствии из-за нестабильности валютного рынка было решено вести расчёты в золотых рублях. В одном из про-

<sup>1</sup> Там же. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 24.

<sup>2</sup> Там же. Л. 1–2, 8, 15–15об, 16–18, 21, 38–46.

токолов комиссии указывалось, что иностранные грузы, полученные Россией, а затем уступленные Румынии, впоследствии, в силу необходимости, пополнялись с учетом роста цен. Кроме того, стоимость иностранных грузов, следовавших транзитом через Россию в Румынию, предстояло определить таможенной службе с учётом таможенных пошлин <sup>1</sup>.

После окончания советско-польской войны и разгрома остатков Добровольческой армии Врангеля в Крыму Советской России нужна была мирная передышка. В связи с предстоящими переговорами с Румынией активизировалась работа по оценке имущества и определению способов ведения расчетов между сторонами. В связи с этим заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан и заведующий Экономико-правовым отделом НКВД А.В. Сабанин направили 12 января 1921 г. помощнику начальника Главзагранснаба Акимову письмо, в котором говорилось: «Имея все основания ожидать в сравнительно близком будущем открытия переговоров с румынским правительством, считаю необходимым просить Вас принять все зависящие меры к тому, чтобы производимая подготовительная работа по выявлению расчётов между Россией и Румынией была немедленно двинута в самом срочном порядке. Скорейшее выяснение результатов этой работы настолько необходимо, что, по мнению Наркоминдела, было бы желательным усилить на это время Румынское отделение Глав[загран]снаба привлечением сотрудников из других отделов этого учреждения. Кроме того, будучи непосредственно заинтересованным в выполнении этой задачи, Наркоминдел со своей стороны мог бы содействовать ускорению работы путём оплаты из своих средств сверхурочных или отдельных занятий, которые для этого были бы Вами признаны необходимыми. Прошу Вас осведомить Наркоминдел о положении упомянутых работ в настоящее время...» <sup>2</sup>.

По ходу решения поставленной задачи Главзагранснаб распорядился доставить из г. Феодосии хранящиеся там документы Ясского архива, в котором, кроме документов политического

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 209. Д. 85. Л. 6–7, 13.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 24.

характера, должны были находиться также и материалы по взаимным расчётам между Румынией и Россией. 29 апреля 1918 г. В.И. Шеншев направил Чичерину телеграмму с просьбой отдать распоряжение о немедленной передаче Румынскому отделу всех сведений: (телеграмм, справок), находящихся в Петрограде, так как там находились большинство учреждений, занимающихся в своё время поставками в Румынию, и документов, касающихся поставок<sup>1</sup>. Кроме того, по имеющейся информации, подобные документы хранились в Киеве, Одессе и других городах Украины и юга России. Было направлено также обращение к начальнику Военного управления Киевского района Куни с предписанием разыскать архивные документы о прокладке железнодорожных путей с широкой и узкой колеей, грунтовых дорог и о строительстве путепроводов на территории Румынии и Бессарабии<sup>2</sup>. В результате были составлены описи имущества, оставленного или захваченного румынскими войсками на территории Румынии и Бессарабии<sup>3</sup>.

В объяснительной записке к делам, сданным уполномоченным Наркоминдела в Одессе по выявлению убытков, говорилось, что имевшиеся описи документов позволили обосновать претензии российской стороны к Румынии, сгруппировав их следующим образом:

1. Снабжение, полученное от России Румынией в период совместных военных действий.

2. Постройка железных дорог стратегического назначения, оставшихся в пределах Румынии.

3. Платежи по счетам румынского правительства.

4. Захват имущества русских армий, оставшегося после демобилизации не вывезенным из Румынии<sup>4</sup>.

4 апреля 1922 г. в Центральную комиссию по выяснению претензий России к Румынии при НКВД ее уполномоченный в Одессе передал дела, касающиеся претензий РСФСР к Румынии по следующей описи:

<sup>1</sup> Там же. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 18.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 26, 28, 29, 33.

<sup>3</sup> Там же. Л. 38–43.

<sup>4</sup> Там же. Л. 40.

1. Записка по вопросу о взаимных расчетах между Россией и Румынией. 1916–1918 гг., (с донесением бывшего главного полевого контролёра армий Румфронта), (251 лист);

2. Записка об имуществе Всероссийского земского союза, Союза городов и [Российского общества] Красного Креста, оставшемся не вывезенным (30 листов);

3. Определение стоимости железнодорожного имущества, принадлежащего России и перешедшего к Румынии (16 листов);

4. О задолженности по недвижимому имуществу в Бессарабии, заложенному в Херсонском земельном Банке (246 листов);

5. Доклад «О составе и ценности государственного имущества России, находившегося в Бессарабии в момент захвата её Румынией» (4 листа);

6. Доклад «О потерях Российского государства от захвата Румынией судов, береговых сооружений и разного морского и речного имущества» (53 листа);

7. Доклад «О задолженности по недвижимому имуществу в Бессарабии, заложенному в Бессарабско-Таврическом земельном банке»<sup>1</sup>.

Ранее, 22 февраля 1921 г., подготовленная справка «Краткие замечания к переговорам с Румынией», была направлена члену Коллегии НКВД М.М. Литвинову. Приводим раздел этого документа со сведениями по расчету румынского долга.

*«Наш счёт по (неполным) точным данным*

	<b>В зол. руб.</b>	<b>Максим. цифра</b>
1. Передано румынам и не оплачено ими имущество на сумму	199 914 074	201 188 974
2. Похищено и реквизировано румынами	34 413 448	135 027 908
3. Оставленное на территории Румынии имущество	331 320 752	361 740 669
<b>Итого:</b>	<b>565 648 274</b>	<b>697 957 551</b>

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 38.

	<b>В зол. руб.</b>	<b>Максим. цифра</b>
4. Стоимость ж. д. и шоссежных сооружений в Бессарабии, возведённых во время войны	705 552 121	
5. Стоимость необоронительных сооружений Бессарабии	994 156 650	
6. Суда на Дунае	500 000	
<b>Всего: 2 265 857 045».</b>		

В тот же день, 22 февраля, Литвинов получил записку с разъяснением некоторых данных, приведённых в вышеуказанной таблице. Авторы документа отмечали, что «параграфы таблицы 1, 2, 4, 5 могут быть обоснованы совершенно точными документами, имеющимися в нашем распоряжении. Вопрос о том, по какому курсу исчислять стоимость русского рубля, крайне затруднителен, ибо снабжение производилось в течение нескольких лет (1914–1916) при постепенном понижении курса рубля, всё же ближе к действительности будет исчисление стоимости в золотой валюте. Часть же общей суммы в параграфе 3 сможет быть обоснована уже имеющимися у нас материалами. Все указанные цифры могут быть изменены и дополнены, по получению, материалами нашего штаба Румынского фронта, полученными из Феодосии, за их получением и перевозкой выехала туда специальная комиссия. В указанные суммы не входит стоимость имущества, оставленного в Бессарабии». Кроме того, не был учтен долг Румынии русским железным дорогам.

Далее в записке говорилось о румынских претензиях. Они сводились к трем основным категориям:

1. Возмещение расходов, связанных с мировой войной. Сюда относились:

а) снабжение русских войск продовольствием, фуражом, вооружением и деньгами;

б) утерянные в России военные материалы (инженерные, авиационные, флотские и санитарные).

2. Уплата за имущество, эвакуированное из Румынии в Россию. Сюда относились:

а) товары, утерянные в России и товары, эвакуированные в Россию;

б) оставленные в России личные вещи и драгоценности;

в) денежные вклады и депозиты Национального банка;

г) денежные вклады Депозитно-сберегательной кассы;

д) драгоценности королевы Марии.

3. Возмещение убытков, причиненных Румынии военными действиями (в счете имелись два перечня этих убытков, не согласованных между собой):

а) по объектам, без указания потерпевшего (промышленность, леса и отдельные возмещения);

б) по субъекту требования (государство и департаменты) <sup>1</sup>.

В связи с этим следует отметить, что из французского посольства в Бухаресте 31 октября 1921 г. сообщали, что министр иностранных дел Т. Ионеску предъявляет России следующие претензии:

Золото в монетах или в металле на сумму 315 154 984 золотых лей;

Драгоценности Короны – 7 000 000 золотых лей;

Депозиты Национального банка – 1 600 000 000 золотых лей.

Вклады Страховой и Сберегательной касс – 6 000 000 000 <sup>2</sup>.

Общая сумма, по Ионеску, равнялась, таким образом, 7 632 154 984 золотым леям.

О том, насколько тщательно проводилась работа по выявлению и обработке документов, относящихся к определению задолженности Румынии России, свидетельствует докладная записка, поступившая в НКВД 19 сентября 1921 г. из Главного управления Наркомата путей сообщения (НКПС). В ней говорилось: «В настоящее время закончено определение стоимости сооружений по путям сообщения, сделанных в Румынии и Бессарабии средствами русского правительства за время войны 1914–1918 годов, на основании тех документов, которые до сего времени имелись в распоряжении НКПС. Определение этой стоимости было произведено на основании архивных дел, присланных Управлением юго-западных ж. д.; дел бывшего Полевого управления путей

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 8. Л. 37.

<sup>2</sup> А.МАЕ. Serie Z. Carton 582g. Dossier 9. F. 67.

сообщения при бывшей Ставке, хранящихся в военно-учётном архиве, документов, полученных [от] Наркомвнешторга по Спотэкзаку, а также материалов, имеющих в Цупвосо "... Стоимость, сделанных нами сооружений по железнодорожным и водным путям, а также переданного Румынии железнодорожного имущества и топлива определяется суммой 476 052 626 рублей 40 копеек...».

Из документа следует, что российские эксперты подробно изучили данные о транспортной сети – железнодорожных, водных и автомобильных путях сообщения, строительство которых находилось в ведении Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Стоимость таких объектов составляла 7 592 713 руб. 49 коп. Обслуживание железнодорожных и шоссейных дорог обошлось в 151 881 340 руб. 95 коп., а их ремонт, а также ремонт мостов, переправ и дамб – еще в 143 785 357 руб. 90 коп. «Таким образом, – подчеркивалось в записке, – начальная сумма, от которой могут начаться переговоры по данной категории объектов, определяется суммой 547 645 339 руб. 89 коп. в бумажной и золотой валюте по курсу до 1918 года». Из этой суммы, подчеркивали авторы, «исключена стоимость работ, пригодность которых для мирной жизни Румынии нам невозможно было [бы] отстоять вследствие их временного характера или чисто военного значения, но полностью занесены работы, сколько-нибудь подходящие под понятие мирного строительства». Общая стоимость необоронительных сооружений, расположенных в пределах Бесарабии, выражалась в сумме 994 156 650 руб.<sup>2</sup>.

Боле того, в сумму долга не был включен удерживавшийся румынским правительством принадлежавший русской армии вклад в Национальном банке в Яссах в размере 23 млн руб. Кроме того, не учитывались содержание румынских солдат в русских госпиталях, обошедшееся российской казне в 16 млн руб., а также отпущенное румынам военно-санитарное довольствие на сумму 635 681 руб. 27 коп. и оставленное таковое на территории Румынии на сумму 5 581 349 руб. 51 коп. Итоговая сумма

<sup>1</sup> Спотэкзак – Специальный отдел экстренных заказов при НКВД РСФСР; Цупвосо – Центральное управление военных сообщений.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52929. Л. 15, 15об.

по произведенным расчётам российских претензий указывалась в письме Чичерину 29 марта 1921 г.: «Россия может предъявить Румынии счёт (почти исключительно военного характера) на сумму 2 700 000 000 руб. (золотом)»<sup>1</sup>. Авторы письма определили также денежный эквивалент возможных встречных претензий румынской стороны:

«1. Золотой фонд – 292 500 000 лей (по документам румынского Национального банка – 314 580 456 золотых лей, а по вышеприведенным данным Т. Ионеску – 315 154 984 лей золотом. – *Т.П.*).

2. Ценности румынского двора – 1 000 000 000 лей (без указания того, о каких ценностях шла речь. Поэтому непонятно, были ли включены в эту сумму драгоценности королевы Марии, оценивавшиеся румынами в 7 млн золотых лей. – *Т.П.*).

3. Ценности правительства – 6 500 000 000 [золотых] лей.

4. Снабжение продовольствием русской армии на Румфронте (сумма неизвестна).

5. Транзит, шедший из-за границы, и другие грузы, принадлежащие румынскому правительству и захваченные нами (сумма неизвестна)».

В письме отмечалось, что приведенные цифры неточные, и с румынской стороны завышены. Особое сомнение вызывала сумма в 6,5 млрд золотых лей (по паритету это составляло 2 млрд 405 млн золотых рублей), указанная в пункте «ценности правительства», поскольку она включала оценку стоимости их «бумажной» части, – главным образом, документов и архивов Национального банка, а также архива румынского правительства и др.

В короткой записке Хр. Раковского В.Г. Чичерину от 25 марта 1921 г. отмечалось, что в телеграмме из Бухареста, опубликованной 6 марта с. г. во французской газете «Тан» («Le Temps») со ссылкой на «официозный» (т. е. официальный. – *Т.П.*) источник, требования Румынии к России возрастали до 15 млрд лей. Румыния признавала и свой долг России, который оценивала в 873 млн [золотых] лей<sup>2</sup>. Показательно, что румынские исследователи

<sup>1</sup> АЕ. Serie Z. Europe. Carton 582. Dossier 9. Roumanie. Trésor Romain à Moscou, f. 67. Там же Л. 7, 17; Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 16(2). Л. 13, 17, 59–60, 64, 83.

<sup>2</sup> Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу V. Док. № 19. С. 284.



и сегодня не видят оснований для пересмотра суммы румынского долга: в одной из последних публикаций, приуроченной к 10-летию Центра румыно-российских/советских исследований имени акад. Флорина Константиину Национального института по изучению тоталитаризма Румынской академии <sup>1</sup>, историк Виталие Вэратик утверждает, что Румыния должна России 873 083 164 **золотых** франков (напомним, что 1 золотой франк приравнялся к 1 золотому леу <sup>2</sup>). Одновременно румынский коллега публикует «уточненные» данные о российском долге Румынии. Привлекая сведения экономиста Г.М. Добровича из его книги по экономическому и финансовому развитию Румынии в 1823–1933 гг. <sup>3</sup> и официальные данные из газеты румынских промышленников «Argus» («Аргус») от 3 марта 1924 г., Вэратик доводит российский долг до 16 408 731 216,57 золотых франков, что по современному курсу составляет астрономическую сумму в 100 млрд лей <sup>4</sup>, или около 1 триллиона 878 миллиардов рублей.

При этом в сумму российского долга включена оплата оружия, поставленного Румынией воевавшему против Советской власти Деникину (!), ущерб, нанесённый находжением русских войск на территории Бессарабии, оккупированной румынами в январе 1918 г., и даже убытки, которые понес бюджет Румынии вследствие унификации в 1920 г. денежного обращения, когда были изъяты российские деньги старой чеканки, имевшие хождение на территории Бессарабии и Румынии. Приплюсовывалась и стоимость румынского имущества, оставленного на хранение в России <sup>5</sup>. Столь скрупулезный подсчет в свою, разумеется, пользу, похоже, был характерен для румынской стороны всегда. Менялись только потенциальный должник или союзник. В начале января 1917 г. генерал Деникин в письме с фронта из-под Фокшан отмечал: «Румыны уверенно высчитывают стоимость убытков от

<sup>1</sup> Relații româno-ruse/sovietice din secolul al XIX-lea până în prezent /Coordanatori Antoaneta Olteanu și Ana-Maria Cătănuș. București, 2020.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28 Д. 861. Л. 43.

<sup>3</sup> *Dobrovici Gh.M.* Istoricul dezvoltării economice și financiare a României și împrumuturile contractate 1823–1933. București, 1934.

<sup>4</sup> *Văratik V.* Decontările reciproce româno-sovietice după Primul Război Mondial // Relații româno-ruse/sovietice din secolul al XIX-lea până în prezent. P. 81–83, 87–89.

<sup>5</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 4.

каждого разрушенного завода, моста, здания. Говорят: за все заплатят англичане! Оптимисты»<sup>1</sup>.

Многие из высказанных претензий не новы: ответ на них давали эксперты НКВД еще в начале 1920-х гг. Так, в материалах Наркоминдела указывалось, что «счет Румынии был построен на ошибочной мысли, будто все издержки и все потери, понесённые Румынией от совместных военных действий с русской армией и от эвакуации и от продажи имущества, связанных с этими действиями, должны полностью возмещаться Россией». Россия, подчеркивали эксперты, «никоим образом не обязана участвовать в убытках и жертвах, понесенных в связи с этой войной, хотя бы они и были вызваны военными действиями русских войск, так как выбор территории и способ военных действий зависели не от желания России, а от стратегических соображений... Советская Россия также не извлекла никаких территориальных или материальных выгод от участия в мировой войне», не участвовала «в натуральных и денежных взысканиях, наложенных по Версальскому договору на Германию и её союзников», в то время как Румыния получила вознаграждение «территориальными компенсациями за счет Венгрии». Что касается оставленных румынами в России военных и других материалов, то, по мнению советской стороны, «об ответственности за них могла бы идти речь в том случае, если бы они были налицо или были использованы Советской Республикой для собственных нужд... Материалы, доставленные Деникину, должны быть помещены не в дебет, а в кредит как встречное требование Советской Республики, победившей Деникина»<sup>2</sup>. Кроме того, говоря об ущербе, нанесённом пребыванием русской армии в Румынии, которая, напомним, спасла страну от полной оккупации державами Четверного союза, румынское правительство обходило вопрос об уроне, связанном с германской оккупацией.

А между тем нанесенный ущерб был огромным: по данным М.И. Мельтюхова, контрибуции, которые Румыния должна была выплатить Германии, превышали 5 млрд лей. Леса и лесная промышленность переходили к германским монополиям. Договор

<sup>1</sup> Цит. по: Project1917.ru/heroes/kseniya-chizh.

<sup>2</sup> АВПрФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101 Д. 8. Л. 37, 37об.; Ф. 028. Оп. 1. П. 104. Д. 59486. Л. 74, 74об.

превращал Румынию в аграрный придаток. Вся сельскохозяйственная продукция вплоть до 1926 г., должна была поставляться в Германию по заниженным ценам. Все хлебные запасы переходили в руки немцев. Всего за период оккупации из Румынии в страны Четверного союза было вывезено 2 160 905 тонн продовольствия и фуража, 83 тыс. лошадей, 220 500 голов крупного рогатого скота, 317 тыс. свиней, 1483 тыс. овец, 41 тыс. коз, 1 140 809 тонн нефти, 57 475 тонн железа и металлов, 93 945 тонн соли, 201 153 тонн леса<sup>1</sup>. При этом румынскому правительству было заявлено, что Румыния может обеспечивать себя за счет Бессарабии. Следствием явился начавшийся грабёж края. Поэтому возмещение ущерба, понесенного Румынией в связи с военными действиями на её территории, следовало бы возложить на Германию, Австро-Венгрию и других союзников по Четверному союзу, захвативших три четверти её территории, но никак не на Россию<sup>2</sup>. Что же касается грузов, поставляемых из Англии на склады в Архангельске, то они вплоть до эвакуации из города англичан находились «под присмотром» английского консула и не могли быть оттуда вывезены без его разрешения<sup>3</sup>. По этому поводу в переписке В.И. Ленина с Г.В. Чичериным отмечалось, что пойти на подобный шаг без санкции англичан советская сторона не могла без риска вызвать «самые серьёзные» и крайне нежелательные для себя последствия<sup>4</sup>.

В связи с подготовкой материалов для Генуэзской конференции в ликвидационном подотделе Наркомата внешней торговли была составлена подробная справка о задолженности Румынии по состоянию на 1 января 1922 г. 28 января она поступила в секретариат заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова<sup>5</sup>. Документ содержал сведения о военном имуществе, поставленном Румынии российским союзником за время войны (1916–1917 гг.), а также об утраченном имуществе IV, VI, IX и отчасти

<sup>1</sup> Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 56–58.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101 Д. 8. Л. 137. Л. 37–37об.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах / Авдеев А.А., Унгуряну М.-Р. (ред.). Т. 1: 1917–1934 гг. М., 2000. С. 172–174.

VIII русских армий. Общая задолженность румын оценивалась в 1 005 501 601 руб. 61 коп. по ценам 1916–1918 гг. При этом в сопроводительной записке к справке, содержащей, как указывалось, 119 наименований, отмечалось, что представленные сведения не могут считаться окончательными, так как значительная часть материалов пропала, как при демобилизации в 1918 г., так и при перевозке архива Румынского фронта в Крым в 1919 г. В связи с этим имущество отдельных складов и частей армии осталось неучтённым и не вошло в указанные сведения<sup>1</sup>. Данные об утраченном имуществе были составлены на основании имевшихся в распоряжении ликвидационного отдела материалов, а именно: донесений, рапортов, справок и т. д. от тех складов и частей русских армий, которые были захвачены или переданы румынам, но часть имущества из-за отсутствия более подробных сведений не могла быть установлена и, следовательно, ее стоимость в данных сведениях отсутствовала. Более того, в общую сводку не вошли материалы по имуществу, переданному русскими армиями при демобилизации общественным организациям, городским и земским учреждениям, монастырям, учреждениям и пр. (эти материалы остались необработанными).

Весной 1921 г. советская сторона, готовясь к переговорам с Румынией, считала возможным использовать румынские ценности как средство давления на Бухарест. 6 апреля 1921 г. об этом писал М.М. Литвинов Г.В. Чичерину. Но при этом, как вытекает из переписки Чичерина с советским полпредом в Варшаве Л.М. Караханом, вопрос о возвращении Румынии национальных сокровищ мог быть поставлен на повестку дня только в случае погашения ею долгов России за годы Первой мировой войны и решения вопроса о статусе Бессарабии<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Приложение к разделу V. Док. № 22. С. 285–286.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82. Л. 142–144.

## Глава 6

### **Спорные вопросы о статусе Бессарабии и «румынском золоте». Проблема взаиморасчетов. Советско-румынская прелиминарная конференция 1921 г.**

После поражения в советско-польской войне одной из важных внешнеполитических целей советского государства в условиях продолжавшегося конфликта с западной соседкой стало недопущение союза Румынии с Польшей. В связи с этим актуализировалась задача подписания с румынами мирного договора с целью «положить конец фактическому положению в отношениях между Россией и Румынией». Повестку дня будущей двусторонней «мирной» конференции предстояло согласовать предварительно на *прелиминарной* конференции. Местом проведения последней была выбрана Варшава. Советскую делегацию возглавлял полпред РСФСР в Польше Л.М. Карахан, румынскую – карьерный дипломат, опытный переговорщик Георге Филалити. В состав делегаций входили с российской стороны сотрудники НКВД, юристы Е.Б. Пашуканис и Г.Б. Сандомирский, с румынской – К. Параскивеску и Д.Н. Чиотори.

К моменту открытия варшавской встречи советская сторона приняла решение вынести на повестку дня организационный вопрос – о приглашении на будущую конференцию в качестве официальной и полноправной участницы делегации Советской Украины, правительство которой во главе с Хр. Раковским находилось в Харькове. Одна из причин настойчивости советской стороны в этом вопросе заключалась в необходимости «лишить румын возможности считаться с Петлюрой как с единственным национальным украинским правительством»<sup>1</sup>. Но имелись и другие, не менее важные.

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.

18 сентября, незадолго до открытия конференции, в поступившей из ЦК КПУ телеграмме на имя Троцкого (копия передана В.И. Ленину) было сформулировано требование «украинских товарищей», согласно которому «в вопросах, касающихся близко Украины, таких, как договор с Румынией, Наркоминдел РСФСР должен общаться с Наркоминделом Украины, чтобы при решении вопросов Политбюро ЦК могло учитывать также и мнение украинского ЦК». Украинцы определили свою позицию и «по существу вопроса». «При нормальном отказе от Бессарабии в обмене на 100 000 000 золота (золотых рублей. – *Т.Л.*), находящегося фактически в нашем распоряжении, – говорилось в телеграмме, – это не принесет никакой выгоды Совфедерации, а лишь подорвет её авторитет в глазах бессарабского крестьянства, сильно сочувствующего нам, а также рабочих и крестьян Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии... Нам кажется, что Наркоминдел РСФСР недостаточно учитывает нашу чрезвычайно выгодную позицию по отношению к Румынии, вытекающую: во-первых – из факта, что занятие Бессарабии румынами по тогдашнему официальному заявлению послов в Яссах, оригинал которого находится у нас, является актом временным; во-вторых – из подписанного зимой Румынией с нами обязательства очистить Бессарабию в двухмесячный срок, в-третьих, из протеста Америки против постановления Верховного совета [Антанты] считать Бессарабию за Румынией \*, ... в-четвёртых, из имеющегося в наших руках акта протеста депутатов бессарабского сфатулцэрия \*\*, доказывающего, что голосование произошло при самом грубом нарушении регламента...»<sup>3</sup>.

В конечном итоге Румыния приняла предложение российской стороны об участии в конференции делегации Советской Украины, но в остальном, как показало ближайшее будущее, это оказалось единственной уступкой Бухареста.

---

\* Американский представитель отказался подписать Парижский протокол Версальской конференции от 28 октября 1920 г. о присоединении Бессарабии к Румынии.

\*\* Так в тексте. Следует читать: Сфатул Цэрий.

<sup>3</sup> РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 2.

Прелиминарная конференция начала работу 22 сентября 1921 г. От имени советской стороны Карахан предложил следующую программу будущей конференции:

1. Вопрос о Бессарабии, в настоящее время оккупированной румынскими войсками, вопреки договору, заключенному между Россией и Румынией об очищении этой области.

2. Урегулирование русско-румынских границ.

3. Урегулирование судоходства по Дунаю.

4. Взаимные расчёты.

5. Возобновление торговых сношений.

6. Возобновление дипломатических и консульских сношений.

7. Охрана интересов национальных меньшинств.

8. Взаимное невмешательство во внутренние дела обеих стран.

9. Ликвидация банд, переходящих из Бессарабии на украинскую территорию (курсив мой. – Т.П.) с преступными целями \*.

10. Конвенция о возобновлении почтово-телеграфных и железнодорожных сообщений <sup>2</sup>.

Филалити в соответствии с инструкциями, полученными от своего правительства, предложил включить в повестку дня будущей конференции следующие вопросы:

1. Ценности, находящиеся в России в виде вклада.

2. Помещение и имущество румынского посольства в Петрограде.

3. Вклады в банках России, сделанные румынскими комиссиями по снабжению армии.

4. Немедленное освобождение с разрешением вернуться на родину румын, задержанных в России.

5. Русские беженцы в Румынии, а также русские из армии Врангеля <sup>3</sup>.

---

\* Так в тексте. Формулировку этого вопроса румынским представителем Филалити см. на с. 114.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах / Авдеев А.А., Унгуряну М.-Р. (ред.). Т. 1. 1917–1934 гг. М., 2000. С. 132–133.

<sup>3</sup> Там же. С. 133–134.

Информируя «центр» о первых впечатлениях от начавшихся обсуждений и, по-видимому, от личных бесед, Карахан 24 сентября 1921 г. писал Г.В. Чичерину: «Румыны чувствуют, что обострение [наших] отношений с Польшей поднимает их акции... С Румынией нужно подписать [договор] немедленно, ценой больших уступок, чтобы гарантировать себя в разворачивающемся конфликте с Польшей. Хотя следует учесть, что в случае войны удержать румын будет трудно. Такими уступками могут быть: 1. Бессарабия; 2. Возврат всего имущества в ящиках. Что же касается золота и других расчётов, то возможно по договору образовать расчётную комиссию аналогично польской<sup>\*</sup> и туда перенести все претензии. Если принять во внимание, что в румынских ящиках ценностей немного, их главное содержание – это документы, платья, домашняя утварь, валютного интереса для нас не представляющие, то можно согласиться...»<sup>2</sup>.

Центральный для советской стороны вопрос о Бессарабии с акцентом на непризнание суверенитета Румынии над территорией края (об этом ранее, 23 августа 1921 г., напоминал Чичерин Карахану<sup>3</sup>) для румын таковым не являлся. Свой отказ от его обсуждения на будущей конференции румынская делегация мотивировала не только «исторической и национальной точкой зрения» (до 1812 г. Бессарабия составляла интегральную часть Румынии), но и этническим составом населения («в значительном большинстве» румынским). Учитывался также и «принцип национальностей»: «население Бессарабии присоединилось к своей родине по решению, принятому 20 марта 1918 г. „Сфатул Цэрий“ – парламентом Молдавской республики, признанным правительством Керенского; румынская армия перешла Прут после решения „Сфатул Цэрий“ присоединиться к Румынии и по требованию бессарабцев»<sup>4</sup>.

Советская делегация привела в доказательство своей правоты следующие аргументы: «Бессарабия не могла быть неразрыв-

<sup>\*</sup> Имелась в виду комиссия, обсуждавшая экономические претензии советской и польской сторон в период подготовки Рижского мира по окончании советско-польской войны.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35 П. 227. Д. 52880. Л. 61.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 33–34

<sup>4</sup> . Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 133.



ной частью Румынии, потому что независимость Румынии была признана в 1878 г.; с точки зрения этнографической (то есть преобладание румын. – *Т.П.*) можно доказать противоположное тому, что утверждает [румынская сторона]; тот факт, что Румыния стремилась в 1920 г. путем договора с санкции великих держав к присоединению Бессарабии, доказывает, что акты „Сфатул Цэрий“, касающиеся присоединения Бессарабии, не являются никоим образом неоспоримыми; провозглашение Молдавской республики (24 января 1918 г.), так же, как и образование самого „Сфатул Цэрий“, имело место в конце ноября 1917 г. после свержения правительства Керенского; независимо от того что „Сфатул Цэрий“ не имел полномочий решать вопрос о присоединении Бессарабии, его постановления были приняты под прямым давлением военных властей и под влиянием административного террора; договор, подписанный русским правительством и генералом Авереску (9 марта 1918 г.), предусматривал эвакуацию Бессарабии румынами»<sup>1</sup>.

Спорные вопросы обговаривались, как это принято в дипломатической практике, не только за столом официальных переговоров, и нередко private беседы были ничуть не менее важными для уяснения позиций сторон и принятия окончательных решений. 26 сентября Филалити сообщил премьер-министру Авереску: «...Совершенно необходимо, чтобы правительство знало о моей беседе, которая состоялась у меня с Караханом наедине...» (в присутствии переводчика. – *Т.П.*). По словам Филалити, Карахан сказал ему: «Если я поддерживаю идею с такой настойчивостью, что нужно обсуждать вопрос о Бессарабии и меньшинствах на будущей конференции, то я делаю это не столько для московского правительства, сколько для правительства в Харькове. Украина – соседка Бессарабии, а в Харькове находится Раковский, поймите же, что вопрос о Бессарабии не может не интересовать их... Что скажут хотя бы массы на Украине, когда увидят, что я не потребовал возвращения Бессарабии, и как мы сможем объяснить нашу незаинтересованность...». В ответ Филалити заметил: «Г-н Карахан, вопрос о Бессарабии является одним из тех, который между нами и вами может быть

---

<sup>1</sup> Там же. С. 136.

решён только оружием, любые дискуссии мне кажутся излишними. Мы будем защищать эту румынскую провинцию всеми нашими силами и либо потерпим поражение, либо победим, но не откажемся от неё»<sup>1</sup>.

Таким образом, предпринятые Караханом в частном порядке неоднократные попытки убедить румынского дипломата, намекая на возможность смягчения позиции советского правительства по Бессарабии, успеха не принесли. Возможно, Филалити разгадал действия своего коллеги, о которых Карахан так доносил Чичерину: «старался делать это (формулировать свои предложения. – *Т.П.*) таким образом, чтобы в нужный момент дать им разъяснение, уничтожающее этот смысл»<sup>2</sup>. Переиграть румынского дипломата Карахану не удалось.

Не менее драматичной оказалась коллизия, возникшая вокруг вопроса о взаимных расчетах. В ответ на просьбу Карахана Филалити объяснил, как будет определяться стоимость долгов (румынская сторона оценит стоимость военных материалов и других товаров, которые были предназначены для Румынии и находились в России, так же как и стоимость материалов, принадлежавших России, оставленных в Румынии. Кроме того, Румыния будет требовать возмещения убытков, причиненных русской армией на территории страны). Карахан предложил Филалити компромиссный вариант: «Я очень хорошо понимаю ваше положение, и именно поэтому я думаю о том, не можем ли мы найти способ прийти к соглашению. Я нашел один, свой собственный, и не знаю, будет ли он принят в Москве..., но поскольку Вы хотите, чтобы любой ценой наши дела закончились соглашением, вот что я Вам предлагаю: снимем с повестки дня будущей конференции вопрос о Бессарабии и меньшинствах, а в качестве компенсации [Вы] согласитесь не касаться вопроса о каких-либо расчетах между нами...». Весьма показателен ответ Филалити: «Если я хорошо понял, Вы предлагаете нам торг. Вы хотите сделать из Бессарабии разменную монету, чтобы отказаться от неё, но избежать того, чтобы дать отчет в расчётах?». «То, что он [Карахан] не сказал, но подразумевал, судя по его мимике, – писал далее Филалити, – было: что нам еще мучиться над урегулированием

<sup>1</sup> Там же. С. 137–139.

<sup>2</sup> Там же.

расчетов, когда все и так знают, что мы не отдадим вам и рубля, как бы ни были обоснованы ваши претензии»<sup>1</sup>.

В конце беседы румынский представитель подчеркнул, что российская и румынская делегации выражают две диаметрально противоположные позиции, и так как эти позиции несогласуемы, он готов завершить свою миссию, о чем поставит в известность свое правительство. Однако в ответной телеграмме от 28 сентября Авереску рекомендовал Филалити «не ускорять события, а затягивать их в зависимости от обстоятельств и руководствуясь данными Вам инструкциями». Содержание инструкций сводилось к следующему: «Отвергая дискуссию об эвакуации или воссоединении того, что мы окончательно рассматриваем как составную часть Румынского королевства, мы готовы изучить вопросы, вытекающие из факта изменения суверенитета, и приступить к их урегулированию. Не стоит забывать, что у нас, с нашей стороны, имеется требование первейшей важности – требование возврата наших ценностей, находящихся в Москве»<sup>2</sup>.

Имелись и другие спорные вопросы. Так, румынская сторона упорно отказывалась от включения в повестку дня будущей конференции вопрос о нацменьшинствах. По мнению румынских делегатов, положение нацменьшинств (молдаван, русских, украинцев, болгар, гагаузов и др.) было урегулировано подписанием румынской стороной в декабре 1920 г. конвенции, инициированной Лигой Наций. Согласно конвенции, всем нацменьшинствам в стране гарантировались равные гражданские и политические права с румынами в области языка, религии, школьного образования и т. д. Советская сторона считала иначе, утверждая, что все указанные права остаются лишь на бумаге.

Та же участь была уготована на прелиминарной конференции и вопросам о судоходстве на Дунае и ликвидации банд. Отметим, что вопрос о судоходстве на Дунае уже был решен в Париже, на мирной конференции, Филалити все же обещал запросить в Бухаресте инструкции. А в отношении банд, *переходящих с Украины в Бессарабию*<sup>\*</sup>, румынский дипломат предложил со-

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. С. 141.

<sup>\*</sup> Именно в это время советская сторона требовала выдачи Нестора Махно и его окружения, перешедших к румынам (а потом к полякам).

здавать по каждому такому факту смешанные комиссии для их расследования.

Осознавая тупиковость ситуации по указанным выше вопросам, советская сторона попыталась определить приоритеты. Карахан предложил Филалити сосредоточиться на восстановлении дипломатических отношений, а другие вопросы, в том числе, о нацменьшинствах и румынских ценностях, решать позднее в дипломатическом порядке. Филалити докладывал в Бухарест, что, по его мнению, «большевики нацелены только на одно: чтобы восстановить отношения и с нами, как были восстановлены со всеми соседями, и чтобы послать к нам в Бухарест 80–100 человек, как они сделали здесь [в Варшаве], которые начнут пропаганду». Румынский дипломат считал, что «восстановить отношения с большевиками означало бы играть в их игру без всякой пользы для нас»<sup>1</sup>.

Румынская сторона действовала, исходя из своих приоритетов, прекрасно понимая, что Советы, несмотря ни на какие заверения, принципиально рассматривают финансовые вопросы в сцепке с бессарабским. 3 октября Авереску напомнил Филалити, что относительно Бессарабии «следует найти формулировку, позволяющую обсуждать все вопросы, вытекающие из фактического положения дел, которое сложилось в ходе событий времен войны», а «вопрос о взаимозачетах не может быть исключен из программы. Напротив, он должен явиться одним из главных пунктов для выяснения... При всех обстоятельствах наша тактика должна заключаться в выигрыше времени, мы должны быть покладистыми с точки зрения формы и очень осторожны в том, что касается сути»<sup>2</sup>.

Задаче «выиграть время» отвечал неоднократно поднимавшийся на заседаниях вопрос о «московском вкладе», вызвавший горячие споры: российская делегация считала, что его следует включить в общий пункт о расчётах, а румынская настаивала на отдельном рассмотрении. Как отмечалось в материалах конференции, поступивших в Москву, Филалити уделял вопросу о вкладе и имуществе, оставленном румынским посольством в Петрог-

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 139–140.

<sup>2</sup> Там же. С. 142

раде, значительное внимание: «Он говорил по этому вопросу с особым жаром и исключительным красноречием, доказывая, что вопрос о вкладе является не только юридическим, но и вопросом простой гуманности, так как ценным в этом вкладе является не столько золото, сколько частные письма, исторические документы. Несколько раз среди делового обсуждения г. Филалити ставил перед российской делегацией ряд вопросов, относящихся именно к этому вкладу...»<sup>1</sup>. В письме председателю Совета министров Авереску Филалити снова коснулся вопроса о румынских ценностях с указанием на свою беседу с Караханом. Со слов Филалити, Карахан, ссылаясь на опыт обсуждения вопроса о взаимных расчетах с польской стороной<sup>\*</sup>, заявил, что «вопрос о расчётах один из самых назойливых, он нас задержал на одном месте в течение 6 месяцев, пока я вёл переговоры с поляками, и, вероятно нам бы потребовалось столько же, чтобы обсудить его с Вами. Так как наше желание – закончить всё как можно скорее, если мы ликвидируем вопрос о расчётах, мы легко придём к соглашению по другим пунктам; за две недели Вы и я подписываем соглашение и без необходимости в другой, последующей конференции восстанавливаем дипломатические отношения»<sup>2</sup>. Филалити парировал: «Одним словом, путём отказа от наших ценностей и от возмещения того, что нам приходится от разорения нашего посольства в Петрограде? Вы знаете, что наши ценности были вкладом, сделанным одним правительством другому правительству, и как таковой он священен, что все законы обязывают вас вернуть его нам целиком и что ценности были собственностью не румынского государства, а кредитных или культурных

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 5. Л. 56.

<sup>\*</sup> Речь идет об экономических статьях Рижского мира, подписанного 18 марта 1921 г. после завершения Советско-польской войны. Советская сторона согласилась возвратить Польской Республике военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Царства Польского начиная с 1 января 1772 г., а также обязалась уплатить Польше в течение года 30 млн золотых рублей за вклад Царства Польского в хозяйственную жизнь Российской империи и передать польской стороне имущества на сумму 18 млн золотых рублей, то есть выплатить де-факто репарации. Польская Республика освобождалась от ответственности за долги и иные обязательства бывшей Российской империи.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 138–139.

учреждений и частных лиц. Как же вы хотите, чтобы румынское государство отказалось от того, что ему не принадлежит?»<sup>1</sup>.

В ответ Карахан подчеркнул форс-мажорные условия, в которых оказалась Советская Россия в 1918–1919 гг. «Да я знаю всё это, – заявил он, – но что Вы хотите, события, через которые мы прошли, были так ужасны! Когда Москве угрожал Деникин, началась эвакуация ценностей, в том числе и румынских, которые были отправлены или в Нижний Новгород, или в Пермь, или ещё куда-то. Я не смог бы Вам сказать, все ли ящики были возвращены в Москву, но, конечно, ценности не могли быть нетронутыми. Когда будете иметь у нас своего представителя, он займется этим вопросом и, конечно, в его распоряжение будут предоставлены все ящики, которые будут найдены<sup>2</sup>. Потом посмотрю, какое значение вы придаёте той мизерной сумме в сотню миллионов рублей золотом. Надеюсь, что Бессарабия представляет собой нечто большее». «Ну, хорошо, господин Карахан, – заметил Филалити в ответ, – дело не только в величине суммы, но и в факте, что вы посягнули на нечто, что вы были обязаны уважать, так как это было неприкосновенно, и потом, кроме денег и металла, там были фамильные акты, акты собственности, документы, которые не имеют никакой ценности для вас, но бесценны для заинтересованных лиц. Как быть с этим?»<sup>3</sup>. «Повторяю, – парировал Карахан, – что всё, что будет найдено, будет возвращено вашему представителю в Москве и, конечно, эти бумаги будут найдены неприкосновенными, но не ранее, чем будут восстановлены дипломатические отношения»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 139.

<sup>2</sup> «Золотые» кладовые Московского Кремля были переданы в распоряжение Гохрана РСФСР – Государственного хранилища ценностей, созданного по решению Политбюро ЦК РКП(б) в феврале 1920 г. В Гохран поступали драгоценности (золото, серебро и изделия из них, а также платина, драгоценные камни, жемчуг и т. д.) из других государственных хранилищ и от частных лиц. В Гохране все полученные ценности обезличивались, т. е. сортировались отдельно по составу металла или ценности камней, и помещались в отдельные кладовые. Поэтому прежнюю их принадлежность уже невозможно было определить.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 139.

<sup>4</sup> Там же.

Не исключено, что privately Карахан затрагивал также и вопрос о «румынском золоте». По информации, переданной Филалити в румынскую прессу, во время одного из заседаний Карахан, якобы, отозвал его в соседнюю комнату и «шепнул», будто «румынского золота» и румынских ценностей больше не существует. 17 ноября, по информации заведующего Отделом балканских стран НКВД Г.Б. Сандомирского, материал о пропаже «румынского золота» поместила газета «Independența» («Независимость»). Вслед за ней со ссылкой на разговор Карахана и Филалити эту информацию продублировали румынский официоз «Adevărul» («Правда») и другие издания <sup>1</sup>.

Советская сторона, что вполне понятно, отрицала слова полпреда. 19 ноября 1921 г. Чичерин в телеграмме, разосланной в российские миссии за границей, опроверг информацию, появившуюся в румынской прессе по поводу исчезновения в России румынского золотого фонда. Чичерин писал: «В румынской печати распространяются ложные сведения о варшавских переговорах Карахана с Филалити... Это всё выдуманно» <sup>2</sup>. Выдумками и «измышлениями» Филалити назвали эти сведения в и в других документах Наркоминдела <sup>3</sup>. Сам Карахан в интервью корреспонденту румынского агентства «Радор» 22 октября заявил: «Должен вас уверить, что я никогда не объявлял категорически о пропаже и исчезновении румынского золота, не вижу никакого мотива, который сделал бы возможным такое исчезновение. Но не исключена возможность потери части его» <sup>4</sup>.

Действительно, если бы золотого фонда и драгоценностей не существовало, о каких переговорах могла идти речь? Заявление Карахана в таком случае было чревато их срывом. Карахан блефовал: ему было известно, что советское руководство не собиралась возвращать Румынии золото. В случае успешных переговоров российская сторона могла согласиться лишь на передачу «ящиков», т. е. румынского имущества, за исключением золота, в то время как румынская сторона настаивала на передаче ценностей в полном объёме.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 176.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 60

<sup>3</sup> Там же. Оп. 5. П. 101. Д. 5. Л. 52.

<sup>4</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 176.

Позиция Филалити как руководителя румынской делегации оценивалась в Москве критически. Сандомирский сообщал Чичерину, что Филалити искажал позицию советского правительства. Как отмечал советский дипломат, «по словам Филалити, русские предлагают нам (т. е. румынам. – Т.П.) следующее решение вопроса: взамен признания Россией присоединения Бессарабии к Румынии, последняя должна отказаться от всяких претензий на возвращение её вклада, эвакуированного в Москву, или от всяких взаимных расчетов»<sup>1</sup>. Анализируя позицию румынского правительства, заместитель наркома иностранных дел Литвинов писал Чичерину: «Предложение Филалити означало бы, насколько мы понимаем, заранее обещать не касаться вопроса о Бессарабии и в центре споров оставить денежные претензии. Нам оставалось бы в таком случае либо уступить, либо уже разойтись из-за золота... Нужно, стало быть, повернуть вопрос таким образом, что мы от Бессарабии нисколько не отказываемся, но что согласны бы соответствующее предложение румын рассматривать в том случае, если бы можно было обеспечить быстрое обеспечение мира отказом обеих сторон от взаимных претензий». «Мы всё время ставили вопрос для полного примирения о Бессарабии и вопрос о финансовых расчетах. Но если Румыния в настоящее время ни в коем случае не хочет говорить о Бессарабии, мы согласны на чисто практическое решение по текущим практическим вопросам, таким как судоходство, военнопленные, торговля, но ни в коем случае нельзя рассматривать также вопрос о взаимных финансовых расчётах, ибо рассматривать его можно только в том случае, если решение окончательное, то есть, если рассматривать вопрос и о Бессарабии. Другими словами, мы требуем, чтобы на конференции с Румынией или были поставлены все вопросы, включая и Бессарабию и финансовые расчёты, или были поставлены только текущие вопросы, т. е. без Бессарабии и без финансовых расчётов. Надо опровергать в печати... румынские выдумки по поводу этих переговоров»<sup>2</sup>.

Однако сомнения по поводу того, что к 1921 г. весь золотой фонд полностью сохранился, у автора данной книги всё же оста-

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 60.



ются. В материалах секретариата Литвинова, касавшихся оценки румынских ценностей, говорится о том, что их общая стоимость «частично изменилась и что «точная сумма изъятых нами ценностей и состояние оставленного нам на хранение румынского архива выясняется Наркоминделом и тотчас же, по окончании его работы, будут Вам сообщены телеграфно»<sup>1</sup>.

Трудный ход заседаний в Варшаве прорисовывал перспективу, сформулированную ранее Чичериним: большое различие позиций сторон делало проблематичным успех будущей конференции без достижения предварительного согласия по спорным вопросам<sup>2</sup>.

Советское правительство стремилось получить от Румынии реальные гарантии не вступать в военные союзы против Советской России или хотя бы взять на себя обязательство сохранять нейтралитет в случае войны между Россией и другими государствами. И хотя Карахану удалось включить этот вопрос в повестку дня конференции, румынское правительство отказалось давать такие гарантии<sup>3</sup>. В отличие от премьер-министра Авереску, полагавшего, что «не в наших интересах прерывать контакты, которые мы установили» с Советской Россией<sup>4</sup>, непримиримую позицию в этом вопросе занял тогдашний министр иностранных дел Румынии Ионеску, который «взял твердый и решительный тон против советского государства»<sup>5</sup>. «Сам Филалити, – писал Карахан 26 октября 1921 г. Чичерину, – по-видимому, является сторонником компромисса: это чувствовалось во время переговоров, в особенности во время частных бесед. Когда я ему сделал известное предложение о программе будущей конференции, где вместо вопроса о Бессарабии стоял вопрос о границах, когда я ему задал вопрос о нейтралитете, он лично высказал мнение, что это моё требование будет приемлемо для румынского правительства. Но когда Таке Ионеску решительно поставил вопрос о границах вообще и отказался от нейтралитета, он [Филалити]

<sup>1</sup> Там же. Д. 2. Л. 143–143об.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 133.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. Л. 6.

<sup>4</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 142.

<sup>5</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82. Л. 143.

был очень смущён и видно было, что такой ответ был для него неожиданным»<sup>1</sup>.

21 октября 1921 г., когда дебаты на конференции грозили зайти в тупик, коллегия НКВД вынесла решение: «Применить взаимное погашение претензий или в форме постановки на конференции вопросов, как о Бессарабии, так и о расчетах, или же путём устранения и того и другого... в случае отказа румын от взаимного погашения претензий не останавливаться перед разрывом»<sup>2</sup>. И, действительно, взаимоприемлемых решений не было найдено, и конференция завершилась безрезультатно. В письме секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову с просьбой передать его в Политбюро (копия письма была направлена Чичерину) Троцкий, будучи тогда Председателем Реввоенсовета, писал: «1. Требование об участии Украины, безусловно, правильное. 2. По вопросу о Бессарабии и [золотом] фонде мне кажется, что общая постановка вопроса, наиболее для нас выгодная, в случае разрыва должна быть такова: нам важнее всего создать условия мирного существования с Румынией; лучше всего это может быть достигнуто, если подвести взаимные счета за прошлое и установить гарантии для будущего. Но, в крайнем случае, мы готовы отказаться от подведения счётов (территориальных, финансовых и других за прошлое) и ограничиться установлением гарантий мирного существования в будущем. Такая постановка вопроса не позволяет говорить о Бессарабии как о продукте меновой сделки»<sup>3</sup>.

Поначалу ход Варшавской конференции весьма слабо освещался в румынской прессе. Венский отдел печати информировал (бюллетень № 34 от 26 октября), что румынская пресса не сообщала о ходе переговоров в Варшаве, публиковала лишь телеграммы из Парижа<sup>4</sup>. Причина такого умолчания, скорее всего, заключалась в непредсказуемости результатов переговоров. И только после их провала в румынских газетах появился ряд статей и заметок. На передний план, естественно, выдвигались проблемы Бессарабии и «румынского золота». Относительно Бессарабии все корреспонденты сходились во мнении, что «бессарабский

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82. Л. 143.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. Л. 6; Д. 5. Л. 6, 15, 17.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52880. Л. 87.

<sup>4</sup> Там же. Л. 55.

вопрос» не дискутировался из-за твердой позиции румынской стороны, считавшей его для себя окончательно решенным. По вопросу о золотом запасе Румынии, находившемся в Москве, высказывались самые противоречивые мнения ввиду отсутствия у румынской общественности информации о судьбе «румынского золота», да и сам руководитель советской делегации на переговорах в Варшаве Карахан, по сообщению корреспондента газеты «Adevărul», «старался под разными предлогами уйти от прямого ответа на этот вопрос». «При таких обстоятельствах, – писала газета, – не может быть и речи о соглашении между нами и русскими... Наиболее важным для нас является возвращение румынского золотого фонда. Большевикские делегаты пытаются избежать обсуждения этого вопроса, а без возвращения нашего золотого фонда мы не можем вести переговоры с русскими Советами». И далее: «Русские делегаты встретили бы с нашей стороны совершенно другое отношение, если бы заявили, что наш золотой фонд неприкосновенен и что при известных условиях он находится в нашем распоряжении. Но без этого мы не верим, что переговоры в Варшаве могут привести к какому либо результату». О «больших затруднениях» при обсуждении вопроса о золотом фонде, «который, по всей вероятности, больше уже не существует», сообщало и румынское агентство «Люкс».

Однако в румынской прессе указывалось и на другие внешние факторы, препятствующие заключению мирного договора между РСФСР и Румынией. Речь шла о том, что премьер-министр Ионеску «обязался в Париже не заключать с Советской Россией никакого мирного договора до тех пор, пока не будут возобновлены дипломатические отношения между Советской Россией и Францией». Издававшаяся в Бухаресте на французском языке газета «D'Orion», писала 22 октября: «У нас (т. е. в Румынии. – Т.Л.) имеются политические круги, сильно заинтересованные в том, чтобы договор с Россией не был заключён». Эта же газета утверждала далее, что «золотой фонд до сих пор находится в неприкосновенности и что румынское правительство при умелом ведении дипломатических переговоров может ещё получить над зад этот фонд»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 75–77.

Подводя итоги конференции и называя причины её неудачи, Карахан настаивал на незаконности присоединения Бессарабии к Румынии. В упомянутом выше интервью корреспонденту румынского агентства «Радор» он отметил: «Что же касается формальной стороны этого вопроса, то я нахожу недопустимым, чтобы Румыния присоединила к себе большую провинцию, бывшую неотделимой частью другого государства, без всякой конференции и, в особенности, без всякого соглашения с заинтересованным государством. Мы рассматриваем Бессарабию как принадлежащую и сейчас России, она была занята румынскими войсками и, несмотря на санкции так называемых Великих держав, мы все же считаем румынскую оккупацию Бессарабии как нонсенс с точки зрения права...»<sup>1</sup>.

Анализируя причины провала переговоров в Варшаве, советское правительство в ноте правительству Румынии от 26 сентября 1922 г. констатировало: «Переговоры в Варшаве не привели ни к какому результату именно потому, что Румыния ставила своё участие в мирной конференции в зависимость от нашего согласия удовлетворить полностью все её домогательства по территориальным и имущественным вопросам, не принимая во внимание интересы России. Россия, подтверждая свою точку зрения, заявляет, что она готова послать своих делегатов на конференцию, и в интересах установления нормальных отношений между обеими странами рекомендует Румынскому Правительству не предъявлять на мирной конференции предварительных ультимативных условий»<sup>2</sup>. Вполне обоснованным, на наш взгляд, являются выводы авторов коллективной работы «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии», что если имелись основания для претензий румынской стороны на возврат ценностей, сданных на хранение в Россию, то столь же естественным представляется право другой стороны на возмещение убытков, связанных с захватом имущества, оцениваемого в любом измерении (рубли, леи, франки) миллиардами и в условиях, когда настоящего состояния войны с Россией никогда не

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С 175–176.

<sup>2</sup> Там же. С. 187.

существовало ни фактически, ни юридически<sup>1</sup>. К сожалению, об этих претензиях Советской России в работах румынских историков даже не упоминается. К тому же Румыния отказалась заявить о своём нейтралитете в случае агрессии какого-либо государства против Советской России, что в международных условиях, сложившихся после её поражения в советско-польской войне, было чрезвычайно важно.

Итак, Варшавская прелиминарная конференция успехом не увенчалась.

Обсуждение о включении в повестку дня будущей конференции центрального для советской стороны «бессарабского вопроса» показало, что она «никогда не допускала даже косвенного признания захвата» края и была решительно настроена, чтобы разоблачать румынское «вранье о Бессарабии». Румынская сторона проявляла такую же неуступчивость в отношении главного для себя вопроса о национальных сокровищах, стремясь любыми способами добиться их возвращения.

Прелиминарная конференция выявила и еще одно немаловажное обстоятельство: при обсуждении спорных вопросов участникам не удалось создать атмосферу делового партнерства, предполагающую внимание к позиции другого «лагеря», готовность воспринимать его аргументы. На переговорах в Варшаве все требования Румынии, имевшие для ее руководства характер политических аксиом, – отказ от обсуждения «бессарабского вопроса», вопрос о «московском вкладе», – приобретали форму ультиматума, в то время как выдвигаемые российской делегацией вопросы рассматривались румынами как спорные и, по большей части, не заслуживающие обсуждения.

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. С. 260–261.

## Глава 7

# Золото Советской Республики и загадка исчезновения «румынского золота»

Вплоть до начала 1920-х годов в документах ЦК РКП(б) и советского правительства о «румынском золоте» говорилось как о золотом запасе Румынии, изъятом советскими властями в счет возмещения долгов румынского правительства России, образовавшихся в годы Первой мировой войны и оккупации румынскими войсками Бессарабии. В финансовых документах «румынское золото» выделялось отдельной строкой.

Накануне Первой мировой войны золотой запас России был весьма значительным. На 1 января 1914 г. он составлял 1 695 млн золотых рублей или 1300 тонн чистого золота. В результате огромных расходов, вызванных войной (отправка золота за границу, в основном, в Англию – на сумму около 650 млн руб. золотом под залог займов для оплаты военных заказов, в Стокгольм для получения военных кредитов – 5 млн руб., и т. д.) только с 1914 г. по февраль 1917 г. было израсходовано 643,4 млн золотых рублей. Тем не менее, в октябре 1917 г. «царское золото» исчислялось внушительной суммой – 1 064,3 тыс., по другим данным, – 1 101,1 тыс. золотых рублей<sup>1</sup>. Кроме того, на руках у населения оставалось значительное количество золота (в период с 1914 г. по октябрь 1917 г. – 436 млн золотых руб.). В начале 1918 г. Ленин потребовал от наркома юстиции Г.И. Ломова принять все необходимые меры к сохранению золотого фонда России и вести работу по его пополнению<sup>2</sup>.

После создания в феврале 1920 г. Гохрана РСФСР все советские учреждения и должностные лица, в соответствии с постановлением правительства, были обязаны в течение 3-х месяцев сдать

---

<sup>1</sup> *Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. М., 1999. С. 406–407; *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009. С. 524.

<sup>2</sup> *Ефимкин А.П.* Золото Республики // Волга (Литературно-художественный журнал). Саратов, 1987. № 11(263). С. 177.

в Государственное хранилище имеющиеся у них ценности. По данным «Отчета по золотому фонду», к 1 февраля 1922 г. в Гохран поступило «монеты, [золотых] слитков бывших частных банков, слитков и монеты из сейфов, золота от Главзолото \* и т. д.» на сумму 84 356 234 золотых руб. 95 коп.<sup>2</sup> Кладовые Гохрана пополнялись и за счет конфискации золота, ценностей и предметов роскоши у населения – привилегированных в прошлом слоёв, в том числе членов царской семьи. Подверглись разорению дворцы великих князей и знати. Подлежали конфискации также ценности церковей и монастырей и даже некоторых музеев. В то же время тем лицам, которые владели крупными вкладами в иностранных банках, «предлагали жизнь и свободу» за 400 тыс. золотом или валютой<sup>3</sup>. Помимо конфискаций, производилась скупка золота у населения<sup>4</sup>. Осенью 1921 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия Совета труда и обороны (СТО), которую возглавил Л.Д. Троцкий. Задачи комиссии сводились к контролю за состоянием золотого фонда, проведением его инвентаризации и пополнения чрезвычайными мерами за счёт «внутренних резервов». Дважды в месяц комиссия докладывала в ЦК РКП(б) о своей работе<sup>5</sup>.

В Москве золото хранилось в кладовых конторы Народного банка и Кремля. Документально можно подтвердить, что к началу 1922 г. в кладовых Московского Кремля находилась и часть «румынского золота».

Политическая блокада и экономическая изоляция молодой советской страны, полное отсутствие поступлений от экспорта в бюджет страны в 1918–1919 гг., разруха, рост недовольства социально слабыми слоями общества, брожение крестьянства актуализировали вопрос о «царском золоте» как единственном средстве экономических расчетов с капиталистическим миром. Начался

---

\* Главзолото – Главный комитет золото-платиновой и серебряной промышленности. Создан постановлением Высшего совета народного хозяйства от 24 июля 1919 г.

<sup>2</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 276.

<sup>3</sup> Сапоговская Л.В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 35.

<sup>4</sup> Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 12.

<sup>5</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 52.

активный отток российского золота за границу<sup>1</sup>. Помимо этого распродавались драгоценности из золота, платины, серебра, драгоценные камни (бриллианты, изумруды сапфиры, жемчуг), произведения искусства. Вплоть до фактической отмены финансово-экономической блокады (в январе 1920 г. Верховный совет Антанты, опираясь на Версальский мирный договор, заявил о принципиальной возможности дипломатических переговоров с Советской Россией) основная часть золота шла на покрытие импорта товаров для народного хозяйства и обеспечения населения продуктами питания и товарами первой необходимости<sup>2</sup>.

Только в 1920 г. в бюджет страны поступила первая выручка от экспорта в сумме 4 651 руб. золотом, а в 1921 г. она составила 19 млн золотых руб.<sup>3</sup> Помимо традиционных для российского экспорта мехов, чёрной икры, водки, в 1921 г. 7 млн золотых руб. было получено от продажи бриллиантов и 9 млн золотых руб. от продажи художественных картин и раритетов<sup>4</sup>.

С конца 1918 г. золотой запас страны неумолимо уменьшался и к 1920 г. сократился на 235 500 тыс. руб. золотом. В 1920 г. на импортные товары было израсходовано 50 млн руб. золотом, из них 25 млн руб. ушло на закупку одежды, обуви, белья и других товаров народного потребления, обмундирования для Красной Армии, материалов для военной промышленности и пр. В 1921 г. в связи с неурожаем и голодом структура импорта несколько изменилась: основная часть золотого запаса была израсходована на закупку хлеба, продовольствия и семян (50% импорта в золотой валюте), а также на приобретение товаров широкого потребления. В помощь отечественному земледелию было выделено ещё 14,3% расходов по импорту, на железнодорожный транспорт – 28,4%. В то же время снизились, по сравнению с предыдущими годами, закупки фабричного оборудования и сельскохозяйственных машин. Закупки для армии оставались достаточно значительными – 7,3%. В 1922 г. весь российский импорт оценивал-

---

<sup>1</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 110.

<sup>2</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 119; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 77–79, 88.

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1372. Л. 4–6.

<sup>4</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 299.



ся в 300 918 002 руб. золотом <sup>1</sup>. По-прежнему основные расходы пришлось на обеспечение населения продуктами питания и восстановление железнодорожного транспорта.

Последняя из указанных статья импорта была связана с так называемыми ломоносовскими заказами, вошедшими в отечественную историю как «паровозная афера». Руководитель созданной в ноябре 1920 г. Российской железнодорожной миссии инженер Ю.В. Ломоносов заключил контракты на поставку 1000 паровозов с 500 иностранными фирмами, причем, большинство паровозов должны были импортировать шведы – малоизвестная и не имевшая нужных производственных мощностей фирма «Никвист и Хольм». Эта сделка обошлась Советской Республике, по разным данным, от 200 до 240 млн золотых рублей, (примерно 150 тонн золота), что составляло четверть всего золотого запаса; она контролировалась непосредственно Лениным и Троцким (тогда наркомом путей сообщения), а результат оказался весьма странным. В Россию поступила половина заказа – 500 паровозов, на сумму, в семь раз меньшую оплаченной полной стоимости поставок <sup>2</sup>. Симптоматично, что в современной отечественной историографии «паровозная афера» Ломоносова связывается с вопросом о «золоте партии» и трактуется как прикрытие для его вывоза за рубеж с целью формирования запасов на случай утраты большевиками власти, развертывания возможной борьбы за власть из эмиграции и формирования личных счетов лидеров партии <sup>3</sup>. У фиктивной покупки мог быть и более отсроченный по времени, но от этого не менее важный, смысл: считалось, что расширение промышленного производства капиталистической страны за счет выполнения советских заказов приведет к увеличению в ней доли пролетариата – «могильщика буржуазии». Таким образом, «царское золото» выступало в роли опосредованного финансового инструмента большевиков для деятельности за рубежом.

<sup>1</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

<sup>2</sup> Паровозная афера – [wikipedia.org/wiki/Паровозная\\_афера](http://wikipedia.org/wiki/Паровозная_афера).

<sup>3</sup> Подробнее см.: *Иголкин А.А.* Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // *Новый исторический вестник.* 2004. № 1(10). С. 18–53; *Мосякин А.Г.* Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880–1922. Историческое исследование. М., 2017. С. 346–440.

Но существовала и прямая финансовая поддержка большевистским правительством революционного и рабочего движения в других странах. Эта статья расходов, как и финансирование советской внешней разведки, подтверждается документами. Отечественный историк Я.С. Драбкин считал, что только с апреля по август 1919 г. Исполком Коминтерна оказал «братскую помощь» рабочему и революционному движению Англии, Франции, Германии, Италии, США и других стран, отправив туда золота на сумму 3 млн 223 тыс. золотых руб., а бриллиантами и деньгами – на сумму 200 тыс. руб. <sup>4</sup>. В 1920 г. только на нужды Коминтерна было выделено свыше 2 млн руб. <sup>5</sup>. А по сведениям отдела валютного фонда, представленным наркому финансов Г.Я. Сокольникову 7 июня 1923 г., расходы «особого назначения», преимущественно Коминтерна, составили 1 514 100 руб. золотом <sup>6</sup>. Определить общую сумму расходов на «мировую революцию» вряд ли возможно: перечисления проходили по статье «секретные суммы», а средства выделялись через такие структуры, как МОПР, Профинтерн, общества дружбы, комиссии по внешним сношениям и пр. Соответствующие решения принимались Политбюро ЦК РКП(б). Помощь румынским революционерам стала предметом тщательного изучения историком Кристиной Диак, к статье которой позволю себе отослать заинтересованного читателя <sup>7</sup>.

Возвращаясь к состоянию золотого запаса России, заметим, что в целом к концу 1922 г. он был израсходован на 90,5% <sup>8</sup>.

Первоначально золотой запас страны был сосредоточен в Петрограде и Москве. Однако, начиная с 1915 г., его начали вывозить в глубь России – в Самару, Саратов, Нижний Новгород, Казань. Крупнейшими хранилищами стали казанское и нижегородское. Именно туда весной 1918 г. в связи с угрозой наступления немцев на Петроград было принято решение эвакуировать золо-

<sup>4</sup> *Драбкин Я.С.* Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 121.

<sup>5</sup> *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 145.

<sup>6</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

<sup>7</sup> *Diac Cr.* Între intrasidența și complicități asumată. Finanțarea mișcării comuniste din România de Comintern în prima jumătate a anilor 20 // *Relații româno-ruse/sovietice din secolul al XIX-lea până în prezent / Coordonatori Antoaneta Olteanu și Ana-Maria Cătănuș.* București, 2020. P. 105–125.

<sup>8</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861 Л. 66.

той запас. Из Петрограда золото везли в Нижний Новгород, а из Москвы в Казань. Первый «золотой» эшелон отправился в Казань 15 июня. Поскольку банки города располагали вместительными кладовыми, в Казань также эвакуировалось золото из Саратова, Тамбова и других городов России<sup>1</sup>. По данным Е.А. Осокиной, казанский золотой запас оценивался тогда в 634–652 млн рублей<sup>2</sup>. Вероятно, в первом «золотом» эшелоне находился и золотой запас Румынии<sup>3</sup>.

Дальнейшая история «румынского золота» отмечена отсутствием аутентичных источников и в связи с этим многими неясностями.

Военно-оперативная обстановка под Казанью складывалась неблагоприятно для Красной Армии. В конце мая 1918 г. чехословацкие части, находившиеся в России и соблюдавшие до этого нейтралитет подняли мятеж против большевиков. Они стали захватывать города Поволжья и Сибири. Красная Армия отступала под их натиском. 8 июня в Самаре правыми эсерами был создан Комитет членов Учредительного собрания (КомУч). «Самарская учредилка» установила тесные контакты с чехословацкими легионерами. Начала формироваться антибольшевистская Народная армия КомУча во главе с подполковником В.О. Каппелем, которая действовала вместе с чехословацким корпусом. К середине июля 1918 г. железная дорога от Пензы до Байкала контролировалась чехословацкими войсками<sup>4</sup>.

В этих условиях российское правительство приняло решение эвакуировать золотой запас из Казани в Нижний Новгород. Политическое руководство по сохранению и эвакуации золота осуществлял Ленин. Но из-за саботажа главнокомандующего Восточным фронтом левого эсера М.А. Муравьёва большевики смогли вывезти лишь небольшую часть золота (около 100 ящиков)<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 119.

<sup>2</sup> Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 362.

<sup>3</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 407.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Сератионова Е.П. Чехословацкий корпус в России (1918–1920 гг.). (Вступительная статья) // Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус в России. 1914–1920 гг. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М., 2018. С. 9–12.

<sup>5</sup> Ефимкин А.П. Золото Республики. С. 184–185.

7 августа части чехословацких легионеров и Народной армии КомУча вошли в Казань и захватили остававшийся в городе золотой запас (на сумму 657 млн руб.), равный половине российского золотого запаса<sup>1</sup>. Однако еще 28 июля 1918 г. из посольства Румынии в Стокгольме в Бухарест поступило сообщение, что румынский золотой запас попал в руки чехословаков<sup>2</sup>. Объяснить эту хронологическую нестыковку не представилось возможным.

Вскоре члены КомУча под охраной чешских легионеров переехали в Уфу, где 23 сентября было образовано так называемое Всероссийское Временное правительство (пятичленная Директория). Из Уфы золото в сопровождении чехословаков было отправлено в Челябинск и Омск<sup>3</sup>. В Омск, в частности, ушли пять эшелонов (8 399 ящиков, 2 468 мешков и 18 сумок с золотом)<sup>4</sup>. По опубликованным данным о вывезенном из Казани чехословацкими частями металлическом фонде, его состав и стоимость определялись следующим образом: золотые русские монеты (на сумму 523 458 484 руб. 12 коп.), золотые иностранные монеты (на сумму 38 065 322 руб. 57 коп.) и золото в слитках (на сумму 90 012 027 руб. 65 коп.). В акте осмотра металлического фонда (золото, серебро, бронза) в омском отделении Государственного банка никаких сведений о «румынском золоте» нет. Можно лишь предположить, что в графу об иностранных монетах были включены и румынские золотые монеты<sup>5</sup>.

17 ноября 1918 г. в Омске произошел военный переворот, в результате которого власть оказалась в руках военного и морского министра Директории адмирала А.В. Колчака, объявленного Верховным правителем России и Верховным Главнокомандующим Русской армией. Золото было захвачено частями его армии. С мая 1919 г. по приказу Верховного правителя начался вывоз золота за границу для обеспечения поставок оружия. Кроме того, из золотого запаса оплачивались военнослужащие, охранявшие

<sup>1</sup> *Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. С. 409.

<sup>2</sup> *Voici M.* Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 90.

<sup>3</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 88, 91; Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 87.

<sup>4</sup> *Кладт А.П., Кондратьев В.А.* Бель о «золотом эшелоне». М., 1966. С. 32.

<sup>5</sup> Чешско-словацкий (чехословацкий) корпус в России. Т. 2. С. 633.

эшелоны с золотом, и другие текущие расходы. Документально установлено, что Колчаком было израсходовано, переведено на депозиты в иностранные банки в качестве оплаты за поставки оружия, боеприпасов и пр. или бесследно утрачено золота на сумму более 279 млн 500 тыс. руб.<sup>1</sup> Во время транспортировки во Владивосток часть золотого запаса (32 800 кг золота на сумму 42,2 млн руб.) была захвачена атаманом Забайкальского казачьего войска М.Г. Семёновым и оказалась в Чите. Частично Семёнов использовал «колчаковское золото» для закупок вооружения, а с остальным бежал за границу, в Японию. Золото, вывезенное Семёновым, оказалось на счетах в японских банках, и его японцы впоследствии не вернули. Всего же в Японии осталось около 300 тонн российского золота. Возможно, что вместе с царским золотом в Японии и других странах Востока оказалась какая-то часть румынского золотого запаса. На его следы в Китае обратил внимание румынский журналист и историк М. Войку. Он обнаружил их среди «колчаковского золота», прибывшего в марте 1920 г. из Владивостока<sup>2</sup>.

Отступая в ноябре 1919 г. из Омска, Колчак намеревался обосноваться в Иркутске. 27 декабря 1919 г. поезд Колчака и состав с золотым запасом прибыли на станцию Нижнеудинск в 500 км от Иркутска. Поверив обещаниям французских союзников, что ему будут гарантирован проезд во Владивосток вместе с чехословаками, адмирал перешел из своего поезда в эшелон чешского полка. В Иркутске легионеры, покупая себе право проехать во Владивосток, передали Колчака правительству эсеров.

После перехода власти в Иркутске к большевикам в конце января 1920 г. Верховный правитель России был 7 февраля расстрелян, а судьба «золота Колчака» до сих пор будоражит воображение любителей истории.

Особо актуален вопрос о сохранности золотого запаса. Установлено, что во время транспортировки в Сибирь было расхищено золота почти на 5 млн золотых рублей. Так, на станции Тыреть, что в 200 с лишним километрах от Иркутска, была обнаружена пропажа 13 ящиков с золотом, судьба которых до сих пор неиз-

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 91.

<sup>2</sup> *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. P. 123.*

вестна <sup>1</sup>. Часть золота, возможно, была вывезена чехословацкими легионерами и оказалась в банках Чехословакии. В интернете, в частности, встречается информация о более 2-х тыс. слитков из российского золотого запаса, привезенных чехословаками на родину.

«Чехословацкий след» «румынского золота» довольно подробно изучался исследователями, но считать его мистификацией было бы не совсем корректным. Еще остаются вопросы, требующие ответа. Один из них связан с историей Легиобанка. В ноябре 1919 г. в Иркутске был основан Банк чехословацких легионеров (Легиобанк), который занимался торгово-финансовыми операциями и вывозил в Чехословакию сырье и редкие металлы. После возвращения легионеров на родину этот банк стал одним из крупнейших в стране. Уместно допустить, что в его хранилищах осело российское золото <sup>2</sup>. А, возможно, и румынское.

Предположительно о вывозе российского золота в Чехословакию говорилось в отчёте отдела валютного фонда Наркомата финансов, направленном в 1923 г. на имя наркома Г.Я. Сокольникова: «По имеющемуся в отделе справкам, составленным *по не известным валютному отделу материалам* (курсив мой. – Т.П.), часть золота была увезена в Чехословакию» <sup>3</sup>. О вывозе 8 тонн «колчаковского золота» в Чехословакию упоминает и румынский историк И. Бистрянку <sup>4</sup>. Чехословацкие политики и историки отрицают такую возможность, а документально эта версия не подтверждена и по сей день. Но поскольку есть все основания усомниться в непричастности чехословацких легионеров к разграблению российского золота, захваченного ими в Казани <sup>5</sup>, то поиск следов «румынского золота», видимо, целесообразно продолжить в чехословацких архивах, в частности, в фондах архива Министерства обороны Чешской республики, где сохраняются материалы, в том числе и финансовые, Чехословацкого корпуса.

По мере наступления Красной Армии в Сибири оказавшееся

<sup>1</sup> Сератионова Е.П. Чехословацкий корпус в России. С. 24.

<sup>2</sup> Там же. С. 26.

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 35. Л. 121.

<sup>4</sup> Интервью И. Бистрянку см.: *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova*. P. 347.

<sup>5</sup> Подробнее см.: Сератионова Е.П. Чехословацкий корпус в России. С. 30–31.

в руках большевиков золото постепенно возвращалось в Москву. В том числе, в марте 1920 г. был доставлен ценный груз и из казанского хранилища. Всего, по разным данным, удалось вернуть золота на сумму 409,6 млн руб.<sup>1</sup> Подробные описи не составлялись, поэтому трудно судить, было ли среди «казанского клада» «румынское золото».

В связи с большими утратами золотого запаса за годы Гражданской войны (украдено и потеряно золота на сумму около 240 млн руб.<sup>2</sup>) следовало провести его учет. 5 сентября 1920 г. Ленин обращается к заместителю наркома финансов А.О. Альскому с просьбой «тщательно подсчитать золотой фонд» и сообщить к 1 октября результаты. Российский исследователь А.Г. Латышев пишет, что Ленин распорядился включить в подсчеты также и «румынское золото» и общий его объём<sup>3</sup>. Это письмо Ленина известно румынским исследователям. Его, в частности, приводит в своих работах (со ссылкой на Латышева) историк И. Бистрянэ<sup>4</sup>. К сожалению, отчёт Альского, хранящийся в материалах Секретариата В.И. Ленина за 1917–1924 гг. (РГАСПИ. Ф. 5), до сих пор не рассекречен.

Не менее запутанной, нежели история «казанского клада», выглядит «золотая» эпопея нижегородского хранилища. Именно оно с августа 1918 г. по 1920 г. являлось главным хранилищем золотого запаса Советской России. Он исчислялся примерно в 200 тонн золота<sup>5</sup>. В первых числах августа 1918 г. из Нижнего Новгорода начался вывоз золота в Германию. По Брест-Литовскому мирному договору, заключённому между Германией и РСФСР 3 марта 1918 г., и финансовому договору от 27 августа как его дополнению, Советской России предстояло выплатить Германии большую контрибуцию. До 31 декабря 1918 г. следовало

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. С. 70.

<sup>2</sup> *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. С. 70.

<sup>3</sup> *Латышев А.Г.* Ленин и румынское золото // *Российская газета*. № 79(695). 1993. 24 апреля.

<sup>4</sup> *Bistrianu I.* Dezvăluiri parțiale secretă lui Lenin // *Magazin istoric*. 2011. № 8. P. 9–11.

<sup>5</sup> *Сапоговская Л.В.* Золото в политике России (1917–1921) // *Вопросы истории*. 2004. № 6. С. 32.



отправить в Германию золото на сумму 245,6 тыс. золотых руб.<sup>1</sup>, а также четыре вагона царских денег («романовок», или «николаевок») и «думок» – денег, выпущенных Временным правительством. Отpravку предстояло осуществлять пятью эшелонами через Москву до станции Орша, где оно передавалось немецким представителям. 15 сентября 1918 г. первая партия российского золота (42 860 кг) была принята уполномоченным германского Имперского банка. В конце сентября со вторым эшелоном еще одна партия золота (50 676 кг) была передана немцам<sup>2</sup>. Всего в Германию было отправлено золота на сумму 124 835 549 золотых руб.<sup>3</sup>, по другим данным – 129 800 000<sup>4</sup>. Однако Германия, потерпев поражение, 11 ноября подписала мирное соглашение с державами Антанты. Поэтому третий, четвёртый и пятый эшелоны российского золота в Германию не были отправлены. 13 ноября ВЦИК аннулировал Брест-Литовский договор в полном объеме. Российское золото в связи с этим должно было вернуться в Москву. Но этого не случилось. 93 536 кг чистого золота, вывезенного в Германию, были потеряны для России. В счет погашения репараций «русское» золото вместе с германским было передано Германией французам и эвакуировано во Францию. Впоследствии половина российского золота была передана англичанам<sup>5</sup>.

Оставшийся золотой запас быстро таял. После подписания мирных договоров со странами Прибалтики Эстония получила 10 тонн золота на 14 млн золотых руб., Латвия – 2,9 тонн на 4 млн золотых руб., Литва – 2,1 тонны на 2,3 млн золотых руб.<sup>6</sup> Кроме того, Латвии было передано 495 ящиков с ценностями, эвакуированными в Россию в годы Первой мировой войны<sup>7</sup>.

Началась выплата репараций Польше. По условиям Рижского мирного договора (1921 г.) России и Украине предстояло упла-

<sup>1</sup> *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. С. 364.

<sup>2</sup> *Ефимкин А.П.* Золото Республики. С. 178.

<sup>3</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 91. Приложение к балансу отдела валютного фонда на 1 ноября 1924 г. Состояние фондов. Движение фондов золото-валютного запаса с 1918 по 1922/1923 гг.

<sup>4</sup> *Сапоговская Л.В.* Золото в политике России. С. 32.

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. С. 414.

<sup>6</sup> *Сапоговская Л.В.* Золото в политике России. С. 32, 39, 41.

<sup>7</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 27.



тить Польше «за участие в хозяйственной жизни Российской империи» 30 млн золотых рублей в золотых монетах и слитках не позже, чем в годичный срок с момента ратификации настоящего договора<sup>8</sup>. В 1921 г. по Рижскому миру Польша получила в слитках 6,4 тонны золота. А согласно справке заместителя наркома финансов Г.Я. Сокольниково от 14 февраля 1922 г., направленной Ленину, ценности Гохрана, предназначенные к отправке в Польшу в качестве компенсации только за подвижной состав, оценивались в 20 млн руб. золотом<sup>9</sup>. Всего, по данным отдела валютного фонда Наркомата финансов, по мирным договорам 1920 г. Эстонии, Латвии, Литве и Польше было выплачено около 27 млн руб. золотом. Кроме того, в 1920 г. расходы по Дальневосточной Народной Республике (ДНР) составили 6 552 000 руб. золотом. В 1921 г. расходы на заграничные представительства и по мирным договорам – ещё 7 360 000 руб. Всего же за период с 1918 по 1922 гг. из золотого фонда Советской республики была израсходована (вместе с «колчаковским золотом») огромная сумма – 1 213 209 377 руб. золотом<sup>10</sup>. К октябрю 1923 г. золотовалютные резервы страны составляли всего 118 448 327 руб. золотом. Кроме того, было депонировано в Государственном банке 58 829 053 руб. золотом. При этом не учитывались оставшиеся непогашенными обязательства по мирным договорам и пр., составлявшие на февраль 1922 г. 102,3 млн руб. по золотому фонду и 4,7 млн руб. по серебряному фонду<sup>11</sup>.

Основным источником поставок золота являлись нижегородские хранилища. Так, с февраля по май 1920 г. из Нижнего было отправлено в Москву для нужд внешней торговли, а затем переправлено в Ревель (Таллинн) и Вильно (Вильнюс) 8 партий золотых монет на сумму 66 млн руб. и 665 слитков золота на сумму 9,8 млн руб., а в сентябре–декабре того же года в Ревель ушли ещё 3 партии мешков с русской и иностранной золотой монетой на сумму 115 млн рублей. Всего же в Ревель было транспортировано

<sup>8</sup> Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры / Под ред. С. Дембского. М., 2014. С. 346.

<sup>9</sup> РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1372. Л. 9.

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 91.

<sup>11</sup> Там же. Л. 92.

из Нижнего Новгорода золота на сумму 303 100 000 золотых руб. и ещё на 17 973 золотых руб. – в другие места <sup>1</sup>. По итоговым сведениям из нижегородского хранилища в 1920 г. было вывезено около 148 тонн золота из 200 тыс. тонн находившихся там <sup>2</sup>.

Главными каналами, через которые российское золото шло за границу, являлись Эстония, Латвия, Финляндия и Швеция. В Швеции и Норвегии российское золото переплавлялось. На слитки ставились новые клейма, и затем слитки продавались шведскими и норвежскими компаниями в другие страны уже по завышенным ценам. На юге драгоценности переправлялись за кордон через Батуми в Константинополь <sup>3</sup>. В 1921 г. после заключения договора о дружбе с Турцией национальному лидеру и будущему основателю и первому президенту Турецкой республики Кемалю Ататюрку было выделено безвозмездно 10 млн золотых руб. на закупку оружия <sup>4</sup>.

Решением Политбюро ЦК РКП(б) от 10 октября 1921 г. 250 тыс. рублей золотом было выделено правительству Советской Украины <sup>5</sup>. Ранее, 18 марта, Политбюро приняло решение об ассигновании золота ЦК КПУ «для специальных целей» (сумма не указывалась) <sup>6</sup>, а 22 февраля 1922 г. – о выдаче правительству Украины ещё 8 млн золотых руб. в виде возвратной ссуды <sup>7</sup>. В справке отдела валютного фонда Наркомата финансов о расходовании золота и его поступлениях в 1922–1923 гг. указывалось, что из ссуд, выданных через Госбанк и целиком покрытых золотом, 660 тыс. руб. получил Донбасс <sup>8</sup>. 21 марта 1921 г. Сокольников в письме в Наркомат внешней торговли сообщил Л.Б. Красину, что «только теперь фонд государственных ценностей систематически приводится в известность». «Этот фонд, – писал Сокольников, – достаточно значителен для того, чтобы войти в соглашение с круп-

<sup>1</sup> РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 36. Л. 120.

<sup>2</sup> Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 47.

<sup>3</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 80; Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 365.

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1572. Л. 10.

<sup>5</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 213. Л. 1.

<sup>6</sup> Там же. Д. 138. Л. 1.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 270. Л. 2.

<sup>8</sup> Там же. Д. 36. Л. 117.

ными заграничными группами»<sup>1</sup>. Фактически в это время было положено начало систематическому учету золотого фонда и ценностей Советской России и их изменений («движения») за период с 1917 по 1921 гг., а затем и по 1924 г.

Наиболее полный отчёт (в двух вариантах) был направлен Сокольниковым Ленину 1 и 4 февраля 1922 г.<sup>2</sup> Остаток золотого запаса Советской России (в золоте, серебре, платине и иностранной валюте) на 4 февраля 1922 г. равнялся 251.400.000 руб.<sup>3</sup>, по другим данным (Отчет по золотому фонду комиссии Совета труда и обороны за 1914–1922 гг.) на конец 1922 г. – 217 900 000 золотых руб.<sup>4</sup>

На 1 января 1923 г. из 1 млрд 396 млн 063 тыс. руб. «царского» золота, имевшихся к октябрю 1917 г., было израсходовано 1 млрд 213 млн 209 тысяч, т. е. советская власть располагала золотым запасом всего на сумму 182 млн 854 тыс. руб. золотом.

А как же обстояли дела с «румынским золотом»? Имеющиеся в распоряжении исследователей источники позволяют утверждать, что «румынское золото» или значительная его часть, а также ценности и имущество продолжали существовать, хотя Ленин ещё в апреле 1920 г. дал указание Наркомату финансов обезличить остатки «румынского золота» и устранить его следы.

Переписка председателя СНК Украины Хр. Раковского с Наркоматом финансов в ноябре 1920 г. также подтверждает наличие в то время в кладовых Московского Кремля «румынского золота» и драгоценностей. В письме наркому финансов Н.Н. Крестинскому, Раковский пишет: «Мы все время не получаем валюту. Как закордот\*, так и все другие наши учреждения, нуждаются в иностранной валюте. Между тем, я знаю, что среди ценностей румынского правительства (без золотого запаса) в размере одного миллиарда, которые находятся в Кремле, где помещается

<sup>1</sup> Там же. Д. 35. Л. 49.

<sup>2</sup> РГАСПИ.Ф.5. Оп. 1. Д. 1372. Л. 3–8.

<sup>3</sup> Там же. Л. 4.

<sup>4</sup> Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 524.

\* Закордот – Закордонный отдел – созданный в структуре ЦК КП(б)У в мае 1920 г. специальный отдел для «ведения агентурно-разведывательной и осведомительной работы за рубежом в прилегающих к Украине странах (Юг Польши по линии Гомель–Люблин–Краков, а также Буковина и Бессарабия)».

золотой запас и ценности [Румынии] в 6½ миллиардов [лей], которые находились в кладовой Ссудной казны, должны быть и описи румынской и иностранной валюты»<sup>1</sup>.

Стараясь получить от советского правительства как можно больше валюты, Раковский явно преувеличивал стоимость находившихся в Москве румынских драгоценностей и золота. Вряд ли он учитывал при этом факт возвращения румынам части ценностей осенью–зимой 1917 г., о чем говорилось ранее. Но для нас важна констатация украинского руководителя, что румынский золотой запас и ценности всё ещё находились в Москве.

Согласно «Отчету по золотому фонду», составленному комиссией Совета труда и обороны, на который ссылается Е.А. Осокина, в российских хранилищах на 1 января 1922 г. в наличии имелось «румынского золота», в том числе золотых монет румынского происхождения, на сумму 105 102 337 руб. 88 коп.<sup>2</sup> По данным В.Г. Сироткина, – на сумму 87 074 501 руб. 5 коп.<sup>3</sup>

Но прошло два года, и в отчёте бюджетного отдела Наркомфина уже говорилось о «румынском золоте» как об обезличенном<sup>4</sup>. Историк Л.В. Сапоговская считает, что «румынское золото» было переплавлено в золотые слитки и пополнило казну Советского Союза<sup>5</sup>. Более осторожна в оценках Е.А. Осокина, указывая, что, скорее всего, «только часть» золотого запаса Румынии была в начале 1920-х гг. переплавлена<sup>6</sup>. Исследовательница считает, что вплоть до конца Гражданской войны (октябрь 1922 г.) золотой запас Советской России включал также и золото Румынии<sup>7</sup>.

Но даже если согласиться с версией, что «румынское золото» перестало существовать, то следует признать: его история оказалась весьма далекой от завершения.

---

<sup>1</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 101–102.

<sup>2</sup> Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 364.

<sup>3</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. С. 305.

<sup>4</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 91.

<sup>5</sup> Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 32.

<sup>6</sup> Осокина Е.А. Золото для индустриализации. С. 364.

<sup>7</sup> Там же. С. 70.

## Глава 8

# Проблема румынских ценностей на международных конференциях. 1922–1934 гг.

16 марта 1921 г. Л.Б. Красин, представитель Советской республики в Лондоне, подписал торговый договор между Англией и РСФСР. Экономическая блокада советского государства со стороны Западных держав была прорвана. Однако Советская Россия нуждалась в выходе на международную арену. Добиваясь признания Западом советской власти де-юре, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 13 октября 1921 г. специальным письмом сообщил правительствам европейских стран о готовности советского правительства обсуждать проблему царских долгов до 1914 г. на международном уровне. Со своей стороны, Верховный совет Антанты рекомендовал списать займы и кредиты царского и Временного правительств, но при условии признания Советской Россией всех долгов и финансовых обязательств бывших российских властей, принятия на себя убытков, нанесённых другим государствам в результате деятельности советского и предшествующих ему правительств<sup>1</sup>. Иными словами, советская власть должна была уплатить долги своих врагов, боровшихся против неё с оружием в руках.

Учитывая позицию Запада и отношение советского правительства к абсурдным и невыполнимым требованиям, инициированным руководством Антанты, «русский вопрос» оказался центральным на Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.), собравшейся для рассмотрения послевоенных экономических и финансовых вопросов. Это была первая международная конференция с участием советского государства.

Встрече в Генуе предшествовала большая подготовительная работа с российской стороны. Накануне конференции ЦК РКП(б) образовал при Совете труда и обороны (СТО) Комиссию по

---

<sup>1</sup> Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 304.

золотому фонду. Ей было поручено провести полную инвентаризацию золотого резерва РСФСР. Полученный результат выглядел следующим образом (курсив мой. – Т.П.):

Золотой запас РСФСР на начало 1922 г. (в золотых руб.)<sup>1</sup>

Всего ценностей <b>251 414 792,96</b> – в том числе				
Золото	Серебро	Платина	валюта	<i>рум. золото</i>
217 923 632,95	22 986 304	10 418 943	685 900	<i>87 074 501,5</i>

Вновь была создана комиссия по подсчёту царских и прочих долгов (деникинских, колчаковских, врангелевских), предъявленных советскому правительству, а также военных долгов западных держав, включая ущерб, нанесённый России иностранной интервенцией (1918–1920 гг.). Комиссия подсчитала, что царские долги составили 18 млрд 496 млн руб., а долги западных держав – 39 млрд руб., т. е. в 2 раза больше<sup>2</sup>. Отдельно были подсчитаны румынские долги: по неполным данным, представленным ликвидационным отделом, они составляли 1 005 501.601 руб. золотом<sup>3</sup>.

Первоначально планировалось, что советскую делегацию в Генуе возглавит В.И. Ленин, но потом в связи с его состоянием здоровья главой делегации Политбюро ЦК РКП(б) назначило наркома иностранных дел Г.В. Чичерина. В состав делегации входили М.М. Литвинов, Хр. Раковский, Л.Б. Красин, А.Г. Шляпников, А.А. Иоффе и др. «Сенсацию произвели на конференции русские, – вспоминал член румынской делегации Александру Лапедату. – Они вошли в зал позже других делегаций в полной тишине. Все взгляды были прикованы к ним. Они заняли отведенные им места. Чичерин, глава делегации, высокий блондин, чуть сутулый, в очках, элегантно одетый, производил впечатление классического русского интеллигента. Выступая на французском, он отвечал на вопросы на английском и немецком языках»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Там же. С. 305.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах / Авдеев А.А., Унгуряну М.-Р. (ред.). Т. 1. 1917–1934 гг. М., 2000. С. 172–174.

<sup>4</sup> *Цит. по: Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 161–162.*

Уже на первом заседании Г.В. Чичерин предложил широкую программу международного сотрудничества в экономической, политической и культурной областях, независимо от социального строя государств. Она предусматривала невмешательство во внутренние дела, полное равноправие, взаимную выгоду, разрешение всех конфликтов мирными средствами. Советское правительство готово было признать довоенные долги России и право иностранных собственников на возвращение утраченного имущества при условии признания мировым сообществом советского государства, оказания ему финансовой помощи и аннулирования военных долгов. Центральный пункт программы – предложение о всеобщем разоружении вызвал резкий протест французского представителя Жана-Луи Барту. Румынская делегация во главе с И.И.К. Брэтиану поставила вопрос о закреплении в решениях конференции *status quo* Бессарабии и возвращении румынских ценностей, вывезенных в Москву в 1916–1917 гг.<sup>1</sup> В меморандуме румынской делегации содержалась просьба к союзным державам вынести «твёрдое решение о полном и незамедлительном возвращении ценностей, переданных Румынией на хранение России...»<sup>2</sup>. Не получив поддержки союзных держав по вопросу о *status quo* Бессарабии, румыны добились включения в резолюцию Генуэзской конференции пункта, обязывающего советское правительство вернуть ценности<sup>3</sup>. В статье XIII меморандума союзных держав от 2 мая 1922 г. говорилось: «Российское правительство обязуется вернуть румынскому правительству ценности, сданные на хранение в Москву румынским правительством»<sup>4</sup>. В беседе с журналистами 6 мая Чичерин отметил, что «требование вернуть Румынии золото без предварительного разрешения существующих между Румынией и Россией споров, например, вопроса о Бессарабии, является неприемлемым»<sup>5</sup>. Эта

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 177–182.

<sup>2</sup> Там же. С. 182; *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. С. 291.

<sup>3</sup> Там же. Приложение к разделу VI. Док. № 1. С. 302.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

же позиция была закреплена в заявлении советской делегации от 11 мая: возвращение ценностей рассматривалось советской стороной как составная часть «комплекса политических, территориальных и др. спорных проблем, существующих между Россией и Румынией». Соответственно, именно в комплексе следовало обсуждать конкретный вопрос о ценностях<sup>1</sup>.

Международные условия, в которых проходила Генуэзская конференция, способствовали укреплению позиций советской делегации. 16 апреля 1922 г. во время проведения конференции в курортном городке Рапалло был подписан договор между РСФСР и Германией, который предусматривал восстановление дипломатических отношений между обеими странами и урегулирование всех спорных вопросов путём отказа от взаимных претензий. Впоследствии российские представители в переговорах с Румынией предлагали такой же вариант решения спорных проблем. Однако румынская сторона отвергала предложение советской стороны, настаивая на признании за Румынией Бессарабии и возвращения ценностей, находившихся в Москве<sup>2</sup>.

Не достигнув соглашения по финансово-экономическим вопросам, британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж предложил передать «русский вопрос» в комиссию экспертов и перенести его рассмотрение на Гаагскую конференцию, назначенную на июнь 1922 г.

Вопросы территориальной принадлежности Бессарабии и возвращения Румынии ценностей оставались основными и в дальнейших переговорах между Румынией и Советской Россией/СССР. 20 июля 1922 г., уже после Гаагской конференции (15 июня – 19 июля 1922 г.), на которой советскую делегацию возглавлял М.М. Литвинов, в пригороде Гааги Схевенингене по его инициативе состоялась встреча с бывшим посланником Румынии в России К. Диаманди. По словам Литвинова, Диаманди заявил о готовности румынского правительства возобновить переговоры с РСФСР «при условии разъединения вопросов о Бессарабии и румынской казне»<sup>3</sup>. Смысл предложения Диаманди сво-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 182.

<sup>3</sup> Там же. С. 183.



дился к тому, что румынская сторона готова была к переговорам с Россией об урегулировании общей границы. Бессарабия при этом должна была остаться в составе Румынии, но вопрос о ценностях следовало обсуждать отдельно, с учётом денежных претензий России к Румынии. Литвинов, в свою очередь, подчеркнул, что российская делегация готова встретиться с румынами, но при условии, «чтобы никакие вопросы, разъединяющие нас, не были заранее исключены из программы конференции»<sup>1</sup>. В ответ на предложение советского правительства принять участие в Московской конференции по сокращению вооружений \* румынский министр иностранных дел Ион Дука заявил, что первым шагом к соглашению по этому вопросу должно стать признание существующих границ, а это, по сути, означало бы признание Бессарабии за Румынией. Советское правительство резко отвергло позицию Румынии<sup>3</sup>. 27 октября 1922 г. в ноте правительства РСФСР правительству Румынии подчеркивалось, что «никакие отношения с Румынией не будут возможны, пока Румынское правительство не пойдет на предполагаемую конференцию без выставления каких-либо предварительных условий»<sup>4</sup>.

20 декабря 1922 г. Дука, находившийся в Лозанне на международной конференции по вопросу о режиме судоходства в черноморских проливах (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.), телеграммой сообщил Брэтиану о содержании разговора Диаманди с Чичериным. Из разговора следовало, что Чичерина весьма беспокоил вопрос, «как бы Румыния не оказалась орудием враждебных намерений союзников на суше и на море»<sup>5</sup>. Чичерин вновь вернулся к вопросу о заключении пакта о ненападении на два года или на пять лет и об урегулировании спорных проблем

---

<sup>1</sup> Там же.

\* Московская конференция по сокращению вооружений (2–12 декабря 1922 г.) была созвана по инициативе РСФСР. В ней участвовали делегации Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. Советская делегация предложила конкретный план обоюдного и равного сокращения вооружений, рассчитанный на ближайшие полтора–два года.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 186–188.

<sup>4</sup> Там же. С. 191.

<sup>5</sup> Там же. С. 194.

между обеими странами, в частности, вопроса о Бессарабии. По информации Диаманди, Чичерин предложил:

1. Признание Бессарабии в обмен на ценности и драгоценности Короны, полная ликвидация взаимных финансовых претензий;
2. Урегулирование других нерешённых вопросов.

Следствием этим мероприятий могло стать заключение пакта о ненападении на суше и на море. При этом Чичерин дал понять, что «его предложения носят предварительный характер, так как он должен согласовать их со своим правительством»<sup>1</sup>. Однако уже в сентябре 1923 г. Чичерин писал в Политбюро ЦК РКП(б), что в дальнейших переговорах, в том числе и по вопросу о судоходстве по Днестру, «мы будем избегать всего, что может быть истолковано как признание Днестра границей»<sup>2</sup>. Чичерин пояснил, что и заключение с Румынией какого-либо соглашения о судоходстве по Днестру было бы «фактически равносильно признанию Днестра границей»<sup>3</sup>. Тогда же он информировал наркома внешней торговли СССР Л.Б. Красина, что при заключении торговых отношений с Румынией «надо избегать всего того, что может быть понято как закрепление Бессарабии за Румынией»<sup>4</sup>. Ранее, в ноябре 1922 г., двусторонняя советско-румынская комиссия приняла «положение о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестре»<sup>5</sup>. При этом река Днестр рассматривалась советским правительством как временная демаркационная линия<sup>6</sup>. Как подчёркивал в связи с этим заместитель наркома М.М. Литвинов, «все проникающие в иностранную прессу сведения о том, что будто бы подписанием этого соглашения мы, якобы, “косвенно” превратили демаркационную линию в постоянную границу, – ни на чем не основанный вздор»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 194.

<sup>2</sup> Там же. С. 200.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 202.

<sup>5</sup> Там же. С. 203–308.

<sup>6</sup> См. подробнее: *Мельтихов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 142.

<sup>7</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 209.

24 марта 1924 г. состоялась советско-румынская конференция в Вене. 8 марта 1924 г. выходящая в Берлине эмигрантская общественно-политическая газета «Накануне»<sup>\*</sup> весьма скептически оценивала перспективы предстоящей конференции. В Бухаресте считают, – писала газета, – «если Россия выдвинет предложение о плебисците как способе разрешения бессарабского вопроса, то Румыния отвергнет это предложение и не остановится перед перерывом конференции. Так как на это рассчитывать не приходится, то шансы на успех конференции весьма незначительны. В румынских кругах хотели бы, чтобы на предстоящей конференции бессарабский вопрос не поднимался»<sup>2</sup>.

Советскую делегацию в Вене возглавил посол СССР в Германии Н.Н. Крестинский. Делегация, опираясь на инструкции, данные ей Политбюро ЦК РКП(б) накануне конференции, поставила вопрос о проведении в Бессарабии плебисцита с тем, чтобы население Бессарабии само решило, желает ли оно остаться в составе СССР, хочет ли выйти из состава Союза<sup>\*\*</sup> и присоединиться к Румынии или, наконец, предпочитает существовать в качестве самостоятельного суверенного государства<sup>4</sup>. В инструкции премьер-министра Брэтиану румынской делегации подчёркивалось: «Вашим руководящим принципом будет отделение вопроса Бессарабии от наших ценностей...»<sup>5</sup>. Румынская делегация отвергла предложение о плебисците, заявив, что принадлежность Бессарабии – решённый вопрос. При этом румыны ссылались на имевшийся прецедент: Советская Россия не требовала проведения плебисцита на территориях государств, образовавшихся ранее вдоль западной границы бывшей Российской империи<sup>6</sup>. В свою очередь, советская делегация заявила, что

<sup>\*</sup> Газета «Накануне» (март 1922–июнь 1924 гг.), отстаивала «сменовеховские» взгляды и идею «возвращения на родину». Являлась инструментом советской внешнеполитической пропаганды и по этой причине была единственным эмигрантским изданием, разрешённым к ввозу в Советскую Россию/СССР.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 056. Оп. 25. П. 276. Д. 1. Л. 9.

<sup>\*\*</sup> Советское правительство, не признавая присоединения Бессарабии к Румынии, считало её временно оккупированной территорией СССР.

<sup>4</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 229.

<sup>5</sup> Там же. С. 216.

<sup>6</sup> Там же. С. 241–242.

«нет ни малейшей аналогии между образованием на территории бывшей Российской империи новых государств и захватом Бессарабии Румынией. В первом случае Советское правительство добровольно в ряде мирных договоров санкционировало создание этих государств и уступило им часть своей государственной территории. Во втором случае соседнее государство вооружённой рукой захватило часть советской территории, удерживает её в течение шести лет, уклоняясь от всяких переговоров с правительством СССР и теперь, посплав, наконец, делегацию для переговоров, фактически срывает эти переговоры, ставя условием их продолжения предварительное признание Советским правительством законности аннексии Бессарабии»<sup>1</sup>.

Румынская сторона не собиралась уступать. Вопрос о Бессарабии «не может допускать никакой дискуссии, – писал Брэтиану. – Не надо, однако, ни в коем случае вступать в дискуссию по другим вопросам, пока не будет решен вопрос о Бессарабии... Не следует обсуждать вопросы в комплексе, а соподчинять их один другому, вступая в их обсуждение только после того, как объединение Бессарабии будет признано... Положительный результат для нас – достичь признания Бессарабии и возвращения вклада ценностей, самое меньшее – его неметаллической части, понимая под этим частные вклады и архивы... Отказываться от нашего вклада ценностей в металлической форме (имелось в виду золото.– Т.П.) только тогда, когда русские отказались бы от всех расчётов в целом, только тогда можем отказаться и мы, однако менее всего в отношении частных вкладов, архивов и украшений E[ë] B[еличества] королевы: в этом случае приходится вновь признать, что мы отказываемся [от того], что больше уже не существует»<sup>2</sup>. Таким образом, из приведённого выше документа следует, что Румыния устами руководителя своего правительства соглашалась на взаимный отказ сторон от финансовых претензий. Более того, Брэтиану готов был отказаться от золота, выдвинув на передний план бессарабский вопрос. Итак, яблоком раздора в двусторонних отношениях оставалась Бессарабия.

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 249.

<sup>2</sup> Там же. С. 219.

Конференция в Вене закончилась безрезультатно. 8 апреля 1924 г. заместитель наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил представителям печати, что «установлению нормальных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынией препятствуют не денежные вопросы, а исключительно насильственный захват Бессарабии»<sup>1</sup>. Румынское правительство знало, – отметил он –, что «мы едем в Вену не ради урегулирования взаимных денежных претензий и получения причитающегося нам сальдо приблизительно в 1 млрд золотых лей»<sup>2</sup>. Таким образом, Литвинов, основываясь на данных работы комиссий по определению румынского долга, проведённой в 1920–1921 гг., считал, что при взаиморасчёте за долги, накопившиеся за годы Первой мировой войны, за захват российского имущества на Румынском фронте и в оккупированной Бессарабии Румыния должна была Советской России/Советскому Союзу около 1 млн золотых руб.<sup>3</sup>

Между тем российское имущество, находившееся в Румынии, начало распродаваться. По информации, поступившей летом 1928 г., на аукцион в румынском городе Галаце было выставлено имущество, принадлежавшее в свое время русской армии, а также 200 пароходов, буксиров и других судов и судовое имущество бывшей фирмы «Русско-Дунайское пароходное общество», капитал которой принадлежал Российскому государству. Возмущённый этим фактом Чичерин направил в МИД Румынии телеграмму протеста. В ней отмечалось, что, согласно общепринятым юридическим положениям, указанное имущество неоспоримо принадлежит СССР. Поэтому советское правительство рассматривает это имущество как находящееся в депозите румынского правительства вплоть до урегулирования отношений сторон. Чичерин напоминал об обращении советского правительства от 18 августа 1921 г. к правительствам других стран, в том числе и к румынскому, с предупреждением, что советская сторона не признаёт ни одной сделки на своё имущество, совершённой без его согласия. Правительство Союза

---

<sup>1</sup> Там же. С. 253.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

ССР, указал Чичерин, «категорически протестуя против распродажи этого имущества Союза, возлагает на румынское правительство ответственность за нанесённый Советскому правительству ущерб». Более того, оно заявляет, что «предпринятая румынским правительством продажа принадлежащего СССР имущества даёт основание Советскому правительству выдвинуть вопрос о применении в отношении румынского имущества, находящегося в распоряжении советского правительства, аналогичных мероприятий»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 265–266.

## Глава 9

### **Румынские ценности в кладовых Кремля. Первые инвентаризации. 1921–1924 гг.**

В письме Сталину от 28 марта 1928 г. заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов предлагал сделать одним из основных пунктов предварительного соглашения с Бухарестом «взаимный отказ от всех денежных и материальных претензий, исключая возвращение Румынии в натуре сохранившихся культурных ценностей...»<sup>1</sup>. О каких же ценностях, находившихся в СССР, шла речь?

В предыдущих главах мы уже рассказывали, что в 1916–1917 гг. двумя эшелонами в Россию, помимо золота (слитков, монет), были вывезены румынские архивы, картины, ювелирные изделия, ценные бумаги и пр. Их стоимость по произвольным оценкам румынской стороны составляла 6,5 млрд золотых лей, что по паритету равнялось, 2 405 000 000 рублей золотом.

3 ноября 1920 г. в присутствии заместителя наркома финансов С.Е. Чучкаева две кладовые Кремля были вскрыты, румынские печати сняты, были осмотрены несколько ящиков, после чего кладовые были вновь закрыты и опечатаны печатями Гохрана, Рабоче-крестьянской инспекции и Московской чрезвычайной комиссии<sup>2</sup>. 20 декабря 1920 г. были вскрыты еще 8 ящиков, причем только на 3 ящика были составлены соответствующие акты<sup>3</sup>.

На заседании 28 февраля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило наркому финансов Н.Н. Крестинскому заняться румынскими ценностями. Предстояло вновь вскрыть кладовые и ознакомиться с их содержимым<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы: в 2-х томах / Авдеев А.А., Унгуриану М.-Р. (ред.). Т. 1. 1917–1934 гг. М., 2000. С. 288.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 42.

<sup>3</sup> Там же. Л. 39.

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 117. Л. 1.

14 мая 1921 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) была образована комиссия по инвентаризации указанных ценностей. Руководителем комиссии был назначен зам. начальника Гохрана Д.М. Гершатер. В ее состав вошли зам. заведующего отделом выдач Гохрана Х.Г. Зингис, контролер Д.И. Павлов и четверо рабочих.

В распоряжение комиссии была передана находившаяся в Кремле кладовая, ключи от которой имелись у членов комиссии. Кладовая опечатывалась печатью комиссии. Начиная с 13 июня, в нее были перенесены все румынские ценности в количестве 1782 ящиков. Заметим, что, по данным Ссудной казны, ящиков должно было быть 1714, то есть их реальное количество не совпадало с зафиксированным в документах и оказалось на 68 больше. В этих 68 ящиках, помимо румынских ценностей, находился личный багаж дирекции и служащих кредитных учреждений, помещённый по просьбе румынского генерального консула в августе 1917 г.

Комиссия Гохрана действовала с 15 июня по 3 августа 1922 г. Это была первая инвентаризация румынских ценностей. Непосредственно перед началом ее работы, 12 июня 1921 г., со счетов Московской ссудной казны были списаны, перевезены в кладовые Московского Кремля и переданы в официальное ведение Гохрана румынские ценности на сумму 2 403 704 900 руб.<sup>1</sup> Исходя из стоимости эвакуированных ценностей (российской стороной они оценивалась по паритету в 2 405 000 000 рублей золотом), следует признать, что инвентаризации подлежали (а значит, имелись в наличии) фактически все, или, по меньшей мере, большая часть, румынских ценностей. При вскрытии кладовых комиссия установила, зафиксировав это в своем заключении, что все печати оказались в целости, двери и замки в исправности, а в помещениях окна и люки были закрыты, причем стекла и решетки повреждены не были. Однако все ящики лежали в беспорядке, некоторые из них были не опечатаны, другие – со сломанными печатями. В акте комиссии № 1 указывалось, что при осмотре отдельных мест груза благородные металлы (золото, платина, серебро) взвешивались, а вес драгоценных камней

---

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 41.



(бриллиантов, роз \*, алмазов и др.) определялся приблизительно, на глаз. Затем содержимое каждого ящика заносилось в ведомость и вновь упаковывалось в тот же ящик. Ящики, содержимое которых было отнесено к категории ценностей (золото, платина, серебро, драгоценные камни), обвязывались верёвкой и опечатывались печатями Гохрана.

Ящики, не отнесенные к ценностям (архивы, процентные бумаги и пр.), после осмотра комиссией упаковывались, но верёвками не обвязывались и не опечатывались.

Содержимое ящиков распределялось следующим образом: 1) золотые, серебряные и платиновые вещи и бриллианты; 2) церковная утварь; 3) процентные бумаги и банковские документы; 4) медь; 5) кредитные билеты; 6) золотая монета; 7) серебряная монета; 8) белье и платье; 9) разные хозяйственные вещи. В особую группу выделялись картины и историко-художественные ценности.

В категорию ценностей были включены 280 ящиков, из которых 194 размещались в кладовой № 1 Московского Кремля, а 86 – в кладовой № 2. Кроме того, 25 ящиков остались не разобранными, поскольку на них имелись квитанции румынских ломбардов <sup>2</sup>. В 41 ящике находились картины, в 8 – старинная церковная утварь, а в 668 – архивные материалы <sup>3</sup>. В этот перечень не вошли ящики с разного рода хозяйственными предметами и канцелярскими принадлежностями и несколько мест с резиновым клеем и краской, а также неразобранные ящики. Архивные документы выделялись особо, а прочие бумаги и переписка также передавались в архив.

При осмотре содержимого ящиков с драгоценностями, церковными предметами и историко-художественными ценностями оказалось, что некоторые ящики были повреждены, в некоторых оказались пустые футляры для драгоценностей, а также пустые гнезда из-под камней. Так, в ящике № 28 (4 место) в двух серьягах не оказалось двух бриллиантов, в ящике № 120 (9 место) были

---

\* Роза – старинная огранка алмазов, напоминающая бутон этого цветка. Применялась к сравнительно мелким алмазам в 1–2 карата.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 35об.

<sup>3</sup> Там же.

обнаружены только два каркаса для диадем при отсутствии драгоценных камней. В ящике № 140 (6–7 места) отсутствовали два браслета при наличии футляров для них. Такая же картина наблюдалась и при вскрытии других ящиков, чье содержимое расходилось с имеющимися описями предметов, вложенными в каждый ящик. Так, комиссия не досчиталась 46 крупных бриллиантов. Напомним в связи с этим, что при приемке ценностей, прибывших в Москву из Ясс летом 1917 г. со вторым эшелонном, их инвентаризация не производилась, а общая опись имущества отсутствовала. Груз по весу тогда был принят на глаз и по стоимости, объявленной представителями румынского Национального банка.

При инвентаризации вскрытых ящиков оказалось, что в ящиках находились и другие вещи, в частности, отсыревшие и уже изъеденные молью шубы и ковры. Кроме того, здесь же находились банковские процентные бумаги, бумага и клише для печатания денежных знаков, архивы разных учреждений и ведомств, церковная утварь из неблагородных металлов (медь, бронза, мельхиор), старинные иконы в окладах и иконы без риз, церковные одежды, картины (в рамах и без рам), музейные вещи, деревянные резные рамы и т. д. Сюда же затесались три ящика с бутылками вина (впоследствии их число возросло до 8) и ящик с порохом<sup>1</sup>. Кроме того, среди груза имелось несколько мест с различными хозяйственными предметами и канцелярскими принадлежностями, в том числе резиновый и столярный клей, краска и пр.<sup>2</sup>

После окончания работы комиссии кладовые были заперты, опечатаны и сданы под охрану комендатуры Московского Кремля.

13 марта 1923 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором было заслушано сообщение зам. наркома финансов Г.Я. Сокольников о румынских ценностях и принято следующее постановление: «Пункт 17. 1. Работу Комиссии, организованной согласно постановлению Политбюро от 14.V.1921 г. за № 27, считать законченной. 2. Кладовую с ценностями и делопроизводство передать в Гохран по принадлежности»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 36.

<sup>2</sup> Там же. Л. 36об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 37.

Результаты работы комиссии Гохрана показали, что необходима более тщательная инвентаризация и оценка всего румынского имущества, часть которого находилась в хранилищах других ведомств. С этой целью на заседании Политбюро ЦК РКП(б), состоявшемся 12 июля 1923 г. (протокол № 16, пункт 5 б), была создана новая комиссия, по учёту румынских ценностей<sup>1</sup>. В постановлении говорилось: «Признать необходимым разбор и классификацию румынских ценностей и архивов, для чего поручить секретариату ЦК образовать Особую комиссию»<sup>2</sup>. Ее председателем был назначен известный деятель российского профсоюзного движения А.Г. Шляпников. В состав Особой комиссии вошли от НКВД Г.Б. Сандомирский и его заместитель румынский коммунист А. Залик, заместитель наркома финансов Н.Г. Туманов, руководитель Гохрана Вейс, председатель Главнауки Петров, член Президиума Центрархива Максаков и его заместитель Хотимский. На первом же заседании комиссии, состоявшемся 27 июля 1923 г., было решено обратиться в центральные органы с просьбой дополнить её состав представителями Гохрана, Наркомпроса, Центрархива, Главнауки и Главмузея. 14 августа по решению Оргбюро ЦК РКП(б) состав комиссии был пополнен. В ее работе участвовал также руководитель упоминавшейся выше комиссии Гохрана Д.М. Гершатер. К работе дополнительно привлекались эксперты и представители различных ведомств, в частности, банковские работники – специалисты высшей квалификации Некрасов, Ченцов и Семёнов от Наркомата финансов. Секретарем комиссии стал представитель Валютного управления Наркомата финансов С.Я. Нионов<sup>3</sup>. Комиссия располагалась в помещении Валютного управления по адресу: Москва, Рыбный переулок, дом 3.

На первых заседаниях комиссии решались организационные вопросы, в том числе были определены основные направления работы и ответственные за них. Так, разборка, квалификация архивных ценностей и приведение их в порядок были поручены Центрархиву; разборка денежных, бумажных ценностей,

---

<sup>1</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 347. Л. 6.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 4. Л. 22–24.

золотых и серебряных изделий, драгоценных камней и т. п. – Наркомфину (Гохрану); атрибуция и сохранность художественных ценностей – Главмузею под наблюдением РКИ и Наркомфина<sup>1</sup>.

30 июля 1923 г. члены комиссии посетили кладовые Кремля, где хранились румынские ценности, В акте, составленном по этому поводу, отмечалось, что ценности хранятся в ящиках, чемоданах, корзинах. Однако их количество не указывалось<sup>2</sup>.

Инвентаризация началась 1 сентября 1923 г. и продолжалась до 26 марта 1924 г. Груз из кладовых Московского Кремля принимали сотрудники комиссии от представителей Гохрана по актам, после чего его перевозили под их присмотром на подводах в здание Кремлёвского Дворца. При приемке ящиков и иной тары в особой ведомости регистрировались порядковые номера, отмечалось состояние предметов. Поступавшие ящики в основном были закончены и запломбированы. Однако некоторые оказались разбитыми<sup>3</sup>. Комиссия обнаружила, что ящики из кладовой № 1 находились в целом в удовлетворительном состоянии, в то время как ящики из кладовой № 2 были в худшем состоянии. Многие были покрыты плесенью. Поэтому, чтобы избежать дальнейшей порчи груза, было решено начать инвентаризацию с кладовой № 2.

Значительные трудности возникли с румынскими архивами, так как часть из них находилась на хранении в различных ведомствах, и требовалось особое решение об их передаче в распоряжение комиссии.

Комиссия обратилась в ОГПУ с просьбой передать ей все имеющиеся в его архивах материалы, документы и ценности, относящиеся к румынским фондам. Все архивы и материалы, находящиеся в Петрограде, по мнению председателя комиссии Шляпникова, должны были быть перевезены в Москву в Центрархив, а после окончания работы комиссии снова возвращены обратно (в архив Хр. Раковского). Имелись в виду румынские документы, которыми пользовался Раковский в текущей работе. Кроме того, комиссия обратилась в НКВД с просьбой предоставить ей материалы, находившиеся в распоряжении Раковского.

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 4. Л. 22–24.

<sup>2</sup> Там же. Л. 22об.

<sup>3</sup> Там же.

Работу финансировал Наркомат финансов, выделив для оплаты сотрудников тех ведомств, которые должны были проводить разборку румынского имущества, довольно значительные средства – 10 тысяч руб. золотом (1 млн 350 тыс. руб. дензнаками того времени)<sup>1</sup>. 30 декабря 1923 г., Совет труда и обороны постановил «отпустить за счет резервного фонда СНК СССР из сметы, выделенной на 1923 г., кредит в 5 тыс. руб. золотом для Особой комиссии Шляпникова». 14 февраля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило выдать комиссии для окончания работы ещё 10 тыс. червонных рублей \*. Фактически работа Особой комиссии по инвентаризации румынских ценностей обошлась государственной казне примерно в 25 тыс. руб. золотом. (Руководство комиссии в начале работы запросило было сумму в 50 тыс. руб. золотом, но ее посчитали чрезмерной).

14 августа 1924 г. на заседании комиссии были рассмотрены заявки ведомств на выделение средств, необходимых для проведения работ. Гохран оценил работу своего отдела, в том числе и оплату сотрудников в течение первых двух месяцев, приблизительно в 6 тыс. золотых руб., Главмузей запросил 1 200 золотых руб. Заявка Центрархива в расчёте на оплату труда 10 работников и производство небольшого оборудования составила 2 тыс. золотых руб. Безусловно, все работы оплачивались в советских денежных знаках по эквиваленту. Контроль за финансами и принятием решений по указанным заявкам был возложен на члена комиссии, начальника Металлфонда, занимавшегося, помимо прочего, золотым запасом РСФСР, Громадского. При этом комиссия учитывала рекомендацию Политбюро ЦК РКП(б) «расходовать минимальное количество средств и, по возможности, поменьше занимать людей для этой работы». Лицам, занятым инвентаризацией, был обеспечен беспрепятственный пропуск в Кремль. Вся работа была засекречена \*\*.

Содержимое ящиков, согласно вложенной внутрь описи, если таковая имелась, распределялось на три группы: а) архивы,

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 8301. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 1об.

\* Червонный рубль (червонец) приравнивался к 10 руб. в золотой монете царской чеканки 1896–1911 гг.

\*\* Далее сведения об инвентаризации даются по документам из коллекции ГА РФ (ф. 8301).

разборке и систематизации которых уделялось особое внимание; б) художественно-музейное, в том числе церковное и монастырское, имущество; в) ценности: золотые, серебряные, платиновые изделия и бриллианты, а также некоторые уникальные изделия (например, оловянная дарохранильница, медная печать с изображением Св. Николая, железный нож с насечкой для расширения лезвия, оценённые от 1 до 5 руб. золотом). Отдельно учитывались бумажные деньги, процентные бумаги и банковские документы, кредитные билеты, белье, платье и разные хозяйственные вещи. После вскрытия каждый ящик разбирали и осматривали, каждый предмет идентифицировали и оценивали. Далее составлялась ведомость, в которой указывались названия предметов, их количество и вес каждого, оценка состояния, соответствие с описью при наличии таковой. Кроме описи, по каждому ящику составлялся акт, в котором отмечалось несоответствие содержимого указанному в описи. Опись подписывали оценщик и контролёр, после чего она вкладывалась в каждый разобранный ящик. Наконец, ящики пронумеровывали, обвязывали верёвками и опечатывали. Отдельно отмечался не представлявший ценности груз, например, чемоданы с носильными вещами и бытовыми предметами, или ящик с различными землемерными инструментами. Последний из-за отсутствия специалиста был условно оценен в 1 рубль. Как и ранее, в кладовых были обнаружены ящики с вином, типографской бумагой, красками и пр. Руководствуясь имевшимся распоряжением Политбюро ЦК РКП(б) «сохранить все вещи из румынского фонда», комиссия не взяла на себя смелость самостоятельно решить, что делать с портящейся краской, бумагой для печатания денежных купюр и ящиками с вином. В связи с этим главный техник Гознака в отчёте о проведенном им осмотре типографских принадлежностей писал: «Полагаю, что краски можно было бы передать Гознаку для использования по назначению. Дальнейшее хранение этих красок представляется невозможным, ибо они с каждым днём всё более высыхают и портятся. Белая бумага могла бы быть употреблена на нужды государства, а бумага с водяными знаками, клише, нумерационные рамы, краски, вальцевая масса [для валиков печатной машины] не могут быть пущены в общее исполь-

зование, так как это могло бы дать возможность злоупотребления по изготовлению дензнаков» Для решения вопроса руководитель комиссии Шляпников обратился в Политбюро ЦК РКП(б). В письме на имя секретаря ЦК Сталина (копии разосланы всем членам Политбюро) Шляпников спрашивал, «можно ли передать госорганам бумагу для печатания дензнаков – 168 кип, ящики с различными красками – 7 мест, вино – 8 шт[ук]» Высказать мнение по этому вопросу было поручено Наркомату иностранных дел. В адресованном Политбюро ответе за подписью Г.В. Чичерина говорилось, что НКВД «против сдачи красок и бумаги госорганам, а вина в Кремлёвскую столовую не возражает». Что касалось пальто, шуб, костюмов, а также ковров, которые были частично изъедены молью или частично сгнили, было принято решение оставить эти вещи в кладовых и принять меры к их сохранности от дальнейшей порчи. Из хозяйственного отдела был выписан нафталин, вещи развешены в помещениях Металлфонда для проветривания и просушки. Предметы, чья оценка вызывала сомнение или большие затруднения, передавались на временное хранение в музейный отдел Кремля.

Инвентаризация проводилась по разным направлениям одновременно. В кладовой № 2 находились процентные бумаги, а также имущество, не представлявшее реальной ценности. В протоколах комиссии отмечалось, что речь идет не только об оценке и учете румынских ценностей, но и о создании условий для их сохранности, поскольку многие из них находились в плачевном состоянии. Были случаи, когда историко-художественные произведения, особенно из тканей, были настолько истлевшими, что рассыпались в руках. То же самое относилось и к иконам и картинам. В качестве примера приводились некоторые картины кисти крупнейшего румынского художника-импрессиониста Николае Григореску. Как отмечал эксперт, «от сотрясения, вероятно, во время эвакуации рамы на картинах побились, встречаются поцарапанные холсты, поэтому картины нуждаются в реставрации и переупаковке».

Инвентаризацией историко-художественных ценностей, в том числе и церковного происхождения, занимались заведующий Оружейной палатой Московского Кремля Д.Д. Иванов, эксперт Отдела музеев Главнауки Л.Ф. Вишневецкий, эксперт



Ф.Ф. Вишнеvский, ювелир Г.В. Чикаров и контролёр Некрасов, а также представитель Гохрана В.Я. Варгулевич. К работе по мере необходимости привлекались и другие эксперты, в основном сотрудники музеев. Особое внимание уделялось инвентаризации драгоценных и историко-художественных предметов. Так, в ящике № 12 (музей), ярлык 12662, находились четыре митры \*, в одну из которых были вправлены 66 греческих бриллиантов, 55 роз и алмазов, три больших изумруда, жемчуг и гранаты, а в ящике № 21 один из семи деревянных крестов был украшен тремя изумрудами, жемчугом и гранатами. Однако при осмотре ящичков с драгоценностями выявилось отсутствие в некоторых из них отдельных золотых украшений, а в изделиях – драгоценных камней (бриллиантов, гранатов, жемчуга и др.). Так, согласно акту № 1 от 7 мая 1924 г., в ящиках №№ 11, 17, 20, 24, 26 не оказалось золотых украшений, которые числились в описях, и имелись пустые гнезда из-под драгоценных камней. В ящике № 20 в подвеске в виде двуглавого орла отсутствовало 8 драгоценных камней. В ящике № 22 на одном из двух потиров \*\*\* недоставало 8 золотых розеток с рубинами. На деревянном кресте в золотой оправе пустыми оказались 10 гнезд из-под камней. В ящике № 25 на кресте с финифтью отсутствовала одна жемчужина. В ящике № 24 значилось 19 золотых обломков, однако в результате обследования обнаружилось 22, один из которых был с четырьмя красными камнями. В других ящиках также находились обломки драгоценных металлов, что свидетельствовало о том, что часть предметов могла пострадать при погрузке или перевозке.

Проверка, однако, выявляла и случаи наличия в ящиках «лишних» предметов. Например, при вскрытии ящика № 25 (музей), ярлык № 12871, с ненарушенной обвязкой и печатями Серебряного отдела Гохрана, кроме предметов, указанных в описи, была обнаружена коробочка с выпавшими алмадинами \* и обломки

---

\* Митра – головной убор сферообразной формы, богато украшенный золотым шитьем, бисером и драгоценными камнями, предмет богослужебного облачения архиереев, архимандритов и награжденных правом ношения священ

\*\* Потир – в христианском богослужении сосуд (чаша) с длинной ножкой на круглом основании, используемый при освящении вина и принятия Св. Причастия.

\*\*\* Алмадин – полудрагоценный камень, разновидность красного и красно-



гранатов и стекла. После проверки ящика № 25 его содержимое было вновь уложено в ящик, туда же была вложена опись. Он был обвязан верёвкой и опечатан печатью Оружейной палаты.

В ходе инвентаризации отмечались также и несоответствия иного рода. В ящике № 12 из 5 серебряных (по описи) застёжек 4 оказались медными, так же как и «серебряная» подставка, находившаяся в ящике № 25.

Несовпадения с находившейся в ящиках описью, как по числу, так и по материалу изготовления, обнаружались и в ящиках с монетами. Всего на 26 ноября 1923 г. было выявлено и квалифицировано 22 243 монеты из нумизматических коллекций, в том числе и найденных при археологических раскопках. Особое место среди нумизматических коллекций принадлежало собранию Румынской академии. В ней насчитывалось 13 587 монет, медалей, жетонов и других подобных предметов. Коллекция состояла почти исключительно из античных и византийских монет. Среди античных монет находилась древнейшая миниатюрная золотая монета с острова Эгины (греческое Средиземноморье) с изображением черепахи. Особенно редкими являлись молдавские и валашские отгиски печатей XVI–XVII вв. Из других нумизматических собраний выделялась своей ценностью коллекция прекрасно сохранившихся золотых византийских монет придунайских стран XVI–XVII вв., прежде всего, трансильванских и валашских.

Большой объем работы был связан с экспертизой историко-художественных изделий. К 7 сентября 1923 г. было разобрано 34 ящика. Из 10 тыс. предметов музейную ценность имели 2 037. Атрибуцию 23-х икон XV–XIX вв. провёл выдающийся российский иконописец, реставратор и коллекционер Григорий Осипович Чириков. Им были отмечены не только «возраст» икон, но и «своеобразие местных методов и приёмов исполнения, до сих пор мало обследованных, а между тем обещающих внести ценные, новые данные в историю искусства».

При инвентаризации выявилась большая ценность тканей и вышивок XV–XIX вв. Среди них оказалась одна вышивка русского

---

фиолетового граната. Начиная с XVIII в. очень часто использовался в ювелирных изделиях.

происхождения – «воздѹх», сделанный по заказу Харитона-Исто-мы Безобразова, постельничего царя Бориса Годунова, и датиро-ванный 1601 г. \* К XVIII в. были отнесены вышивки разноцвет-ной шёлковой гладью, иногда с подписями мастериц, сделанны-ми золотой нитью на греческом языке. Обнаружена была также большая шитая серебром пелена \*\* с каймой из зелёного бархата, местами порванная, – вклад воеводы царя Иоанна (Грозного) Ва-силия. К сожалению, как отмечалось в отчетах экспертов, многие изделия сильно пострадали: кружева и ткани истлели и рвались от малейшего прикосновения, а шитьё покрылось плесенью. О попытках спасти шитьё эксперты писали: «Мы очистили его от плесени мягкой щёткой, переложили в ящики и лично упако-вали, приняв все доступные нам меры для предохранения этих ценностей от дальнейшей порчи».

Исключительно ценной оказалась коллекция рукописных книг. Самая древняя среди них – Евангелие, написанное на пергаменте священником Никодимом в 1465 г. Два Евангелия, также на пергаменте, датировались 1502 г. На Евангелии XVI в. имелась надпись, согласно которой книгу в 1575 г. выкупил у та-тар логофет \*\*\* Иоанн Голый. Евангелие 1664 г. на пергаменте, в серебряном окладе с миниатюрами и заставами того же года и с летописью было особо отмечено экспертами как украшение «серебряной» коллекции ценностей. Указывалось также на ху-дожественную ценность Евангелия 1703 г. в серебряном окладе с летописью.

По мнению экспертов, выдающимися музейными ценностями являлись оправы для мощей в виде руки с надписью, свидетель-ствующей, что сделаны они были по заказу господаря Валахии Матея I Басараба и госпожи Елены в 1642 г. Исключительно цен-ной была признана золотая митра весом 4 фунта 17 золотников

---

\* Воздѹх – в православной богослужебной традиции вышитый покров для свя-щенных сосудов, используемый за Божественной литургией, как правило, с изо-бражением креста посередине.

\*\* Пелена – предмет убранства православных храмов; ткань, украшенная вышиты-ми священными изображениями на иконографические темы – Распятие, Богово-площение, Воскресение. На пелене часто изображается Голгофский крест.

\*\*\* Логофет – в княжествах Валахии и Молдавии глава господарской канцелярии и хранитель господарской печати.

(примерно 1 кг 712 гр. – Т.Л.) работы конца XVII – начала XVIII в. Из-за совершенства чеканки, большой художественной ценности и редкости митра была оценена в 10 тыс. руб. золотом. Из серебряных изделий были отмечены экспертами два блюда для просфор, датированные 1663 и 1692 г., а также вклады господаря Валахии Щербана I Кантакузина – рипиды и кацея \*, сделанные в национальном стиле, но, по всей видимости, иностранным мастером. Редким экземпляром являлась большая лампада с клеймом, не известная ранее, вкладчиками которой являлись господарь Молдавии Антиох Кантемир (1671–1726) и его жена Екатерина. Замечательными произведениями искусства являлись изделия, покрытые золотом и зелёной, красной и синей эмалью. Роскошная чаша тончайшей чеканки, датированная XVIII в., как считал Ф.Ф. Вишнеvский, была сделана южно-немецкими мастерами, а большой ковш 1649 г. являл собой образец народного творчества. В отчёте от 8 ноября 1923 г. эксперты отмечали ценный вклад господаря Валахии Константина Брынковяну – массивные подсвечники.

В описи музейных предметов, принятых из кладовой № 1 Металлфонда в хранилище Оружейной палаты, насчитывалось 32 церковных предмета с указанием их веса, размера, даты изготовления и стоимости в золотых рублях. В списке значились уникальные изделия: серебряная ажурная лампада с надписью, упоминавшей о господаре Молдавии Михея Раковице и его жене Параскеве, а также Евангелие на румынском и греческом языках в серебряном переплёте, датированное 1693 г. Большую художественную ценность представляли церковные блюда с надписями, кацеи в виде готических башен, дарохранительницы в виде памятников национальной архитектуры и многие другие предметы средневековой церковной утвари. Эксперты, производившие осмотр художественных ценностей XV–XVII вв., отмечали как восточное, так и западное влияние, оказанное на мастеров и ремесленников. Кроме того, эксперты указали, что некоторые исторические предметы представляют собой «ценнейший материал

---

\* Предметы богослужебной утвари. Рипида – (прообраз опахала) металлический круг, ромб или звезда на длинной рукояти, с изображением шестикрылых серафимов; кацея – ручная кадильница.

для изучения славянства». При осмотре ящиков были обнаружены также и археологические находки, в том числе из раскопок на месте античного города Томы (современная Констанца) и обширная коллекция предметов доисторической культуры, преимущественно каменного века.

В отчете экспертов от 19 ноября 1923 г. отмечалось, что среди археологических материалов исключительную ценность имеет набор золотых предметов эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.), а именно блюдо, 3 чары, 3 фибулы \* в виде хищных птиц. Здесь же находился и золотой клад из Петроасы (известен также как клад из П(ь)етрасы или П(ь)етрасели) из 12 предметов – двух ожерелий, кольца, браслета, разрезанного на четыре части большого блюда весом в 7 кг и пр. Самой ценной частью клада являлась известная специалистам «Наседка с цыплятами» – четыре золотые фибулы (три маленьких и одна большая), элементы которых напоминали птичий клюв. Эксперты указали, что ранее этот клад, открытый в 1837 г., был довольно хорошо изучен. Ему было посвящено исследование румынского историка и археолога Александру Одобеску, изданное в Париже и Лейпциге в 1889–1900 гг. в 3-х томах ин-фолио. Как указали эксперты, «клад этот имеет первостепенное значение в истории возникновения европейско-средневекового стиля и техники, на развалинах античного искусства». Предметы клада, по-видимому, создавались при участии мастеров античной выучки, использующих свою технику для того, чтобы подчеркнуть отличие от искусства варваров-готов. Эксперты особо отметили, что российские исследователи получили шанс своими глазами увидеть подлинники шедевра Петроасы, а не довольствоваться описаниями и фотографиями. Однако этого не произошло, о чем будет сказано ниже.

Искусствоведческой экспертизой картин занимался Л.Ф. Вишневский. Объем работы был большим: картины и иконы находились в 41 ящике. При осмотре были обнаружены картины известных румынских художников, а также рисунки, гравюры, акварели и другие произведения изобразительного искусства. Но наряду

---

\* Чара – маленькая чарка с поддоном или шаровидной ножкой; фибула – металлическая застежка для одежды и одновременно украшение, как правило, в виде булавки с замочком для острого конца.

с полотнами, принадлежавшими кисти известных мастеров, имелись картины, не представлявшие большой художественной ценности, и, по мнению эксперта, «носившие отпечаток отсталости и провинциализма».

Всего Л.Ф. Вишнеvский осмотрел 1 425 картин. Испытывая трудности с оценкой произведений западных мастеров, имевших, по его мнению, значительную художественную ценность, он предложил дополнительно привлечь к этой работе специалистов – искусствоведов. К 10 марта 1924 г. 1 050 картин кисти 145 художников были систематизированы по хронологическому принципу и изобразительным техникам. Особое внимание было обращено на работы выдающегося румынского художника Николае Григореску: некоторые из его 127 картин требовали реставрации.

Первоначально планировалось организовать выставку картин и других произведений искусства для специалистов, работников музеев и учащихся художественных учебных заведений, но впоследствии в связи с секретным характером работ по инвентаризации от этой идеи отказались.

Всего Особая комиссия обследовала 39 758 предметов, в том числе: 1350 картин, гравюр и рисунков, 156 икон, 418 вышивок и шитья, 495 единиц церковной утвари, 2 465 медалей, 1 370 предметов прикладного искусства, 22 243 монеты коллекции Румынской академии и т. д.

По окончании работы к 10 декабря 1924 г. в Кремле находилось 282 места румынских ценностей. Их общий вес составлял 267 пудов 0,1 фунта 94 золотника, (примерно 4 526,8 кг. – Т.Л.) а стоимость оценивалась в 1 185 578 руб. 32 коп.)<sup>1</sup>.

Музейные ценности были разделены на 7 групп:

- 1) клад из Петроасы как исключительная музейная ценность;
- 2) ткани и вышивки XV–XIX вв.;
- 3) предметы из драгоценных металлов;
- 4) рукописи;
- 5) иконы;
- 6) картины;
- 7) монеты.

---

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 861. Л. 34.

Наибольшие трудности возникли с разбором и систематизацией архивов. Причина крылась не только в огромном количестве документов, но и в том, что не все они находились в Центральном архиве, а были рассредоточены в других местах и разных ведомствах. Кроме Москвы, часть архивов оставалась в Петрограде. Речь шла, прежде всего, о документах румынского посольства, конфискованных после его ликвидации в 1918 г., и так называемом архиве Хр. Раковского, о котором упоминалось выше.

По поводу петроградского архива между председателем Особой комиссии А.Г. Шляпниковым и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным разгорелся конфликт, который, в конечном счете, пришлось решать Политбюро РКП(б). Шляпников предложил перевезти архив из Петрограда в Москву в распоряжение Особой комиссии для того, чтобы все документы находились в одном месте с целью их разбора и систематизации. 2 октября 1923 г. Шляпников писал в Политбюро ЦК РКП(б): «В процессе работы комиссии по разборке румынских ценностей стало известно, что часть исторических и архивных ценностей находятся в Петрограде, в материалах бывшего румынского посольства, ныне хранящихся в помещениях НКВД без должного внимания...». Указав, что питерская и московская части румынского имущества тесно связаны, Шляпников поручил представителю НКВД в комиссии Сандомирскому объяснить тов. Чичерину, что «архив посольства ни в коем случае не будет смешан с главным румынским архивом». Чичерин, поддержанный Литвиновым, считал, что перевозить архив в Москву нецелесообразно и что можно провести инвентаризацию на месте, тем более что речь шла в основном о документах бывшего румынского диппредставительства в Петрограде. Кроме того, он полагал, что это позволит избежать затрат, неизбежных при перевозке. Напомним также, что вопрос о возвращении арестованного в 1918 г. архива румынского посольства румынская делегация выделила отдельным пунктом повестки дня на прелиминарной советско-румынской конференции в сентябре 1921 г. Поэтому Чичерин был заинтересован, чтобы архив румынского посольства оставался «под рукой», в ведении НКВД. В письме к Шляпникову от 3 августа 1923 г. Чичерин писал: «Основной задачей возглавляемой Вами комиссии в данный момент является, как это следует из обсуждения этого вопроса на Полит-

бюро, по возможности, суммарное, с птичьего полёта, обозрение содержания румынских ящиков без вхождения во все детали. Применение в данном случае научных методов архивных специалистов будет несвоевременным, ибо нам требуется быстрое и беглое обозрение содержимого ящиков в общем и целом, а не изучение содержимого каждой бумаги в отдельности. Что касается таких документов, которые были уже разобраны и исследованы, вторичное их исследование в данной стадии несвоевременно».

Поскольку вопрос зашел в тупик, Особая комиссия обратилась в Политбюро с просьбой вмешаться и разъяснить руководителям НКВД необходимость сосредоточения материалов внешнеполитического характера в Москве.

Решение вопроса затягивалось. Чичерин, как и Шляпников, также обращался в Политбюро, но еще и лично к Сталину. В письме к Сталину от 2 ноября 1923 г. он вновь разъяснял свою позицию о нецелесообразности перевозки архива румынского посольства из Петрограда. Шляпников 3 ноября повторно направил письмо в Политбюро. «В дополнение к моему письму от 2. X. считаю нужным сообщить Политбюро [следующее]: 1) По поводу разборки архивов румынского правительства говорил с тов. Раковским перед его отъездом за границу и никакого «негодования» от него не слышал; 2) Решение комиссии было единогласным. Его поддержал и румынский тов. Залик, на которого ссылается тов. Чичерин; 3) Материал расхищался, об этом были дела в ГПУ, кое-кто из работников сидели по подозрению в хищении. Нет гарантий от хищений и теперь; 4) Председатель Центрархива заявил комиссии, что материалы и документы румынского посольства находятся в ненадёжных руках и без должной охраны; 5) Эвакуированные румынские архивные дела имеются также и в материалах румынской миссии Диаманди...».

Кроме того, как отмечал Шляпников, «переправа и разборка документов, хранящихся в Питере, не задержит работу комиссии и будет стоить государству дешевле, чем разбор того же имущества новыми людьми. Комиссия не ставит своей задачей изучение материалов, а лишь их разборку и оценку. Никакого продления срока или отпуска особых средств комиссия не требует».

В конечном счете, вопрос был решён в пользу Особой комиссии. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 10 ноября 1923 г.



было разрешено перевезти имущество бывшего румынского посольства из Петрограда в Москву и произвести его разборку. На заседании Особой комиссии 12 ноября 1923 г. было зачитано постановление Политбюро о передаче архива в её ведение. На основании данного постановления Шляпников поручил Г.Б. Сандомирскому «принять все меры к немедленной переброске архива румынского посольства из Петрограда в Москву, выделив ему для этой цели подотчётно 400 червонных (золотых) руб.».

Политбюро ЦК РКП(б), занявшись вопросом о перемещении архива, руководствовалось своими интересами: на заседании 20 марта 1924 г. предложило использовать румынский архив в политических целях. Оно поручило Раковскому опубликовать в печати три следующие документа, касающиеся Бессарабии, а именно: 1) Документ союзников, заверявший, что оккупация Бессарабии произведена временно «с гуманитарными целями»; 2) Договор 1918 г., подписанный Раковским и генералом Авереску, о выводе румынских войск с территории Бессарабии в двухмесячный срок; 3) Заявление лидеров бессарабских партий о том, что акт Сфатул Цэрий, одобдивший ввод румынской армии в Бессарабию, является подлогом. Со своей стороны, Особая комиссия постановила выделить из общего архива документы, касающиеся рабочего и крестьянского движения в Бессарабии «в виду их важности».

Первое вскрытие 100 ящиков архивных материалов позволило выявить следующую «статистику» их содержимого: 7 ящиков – документы, имевшие отношение к внешнеполитическому ведомству; 30 ящиков – документы румынской «охранки» (тайной полиции, или сигуранцы); 45 ящиков – Государственный архив Румынии; 16 ящиков – архив Румынской академии; 2 ящика – кредитная документация Военного министерства за 1916–1917 гг.

Эксперты Центрархива обратили внимание на малое количество ящиков с документами МИД и их малозначимое содержание (финансовые книги, журналы учёта персонала, входящие и исходящие бумаги за 1916–1917 гг., отдельные документы из дипломатической переписки за 1916–1917 гг.). В одном ящике вообще находились пустые папки. В ящиках с документами Государственного архива Румынии, напротив, встречались папки



с дипломатическими документами: отдельными актами румынских королей, подлинниками договоров, дипломатическими документами XIX в.

Возникло предположение, что архив Министерства иностранных дел хранится в другом месте, были начаты его поиски.

Примечательно, что по мере продолжения работы с архивными документами ее объем постоянно увеличивался. Причина заключалась в том, что вперемежку с архивными документами в ящиках находились другие предметы и ценности, а иногда и отдельные ящики, не относящиеся к архивам. В таких случаях ящики разбирались, посторонние предметы изымались, на них составлялись подробные акты с описанием вещей и их стоимостью. Они отдельно упаковывались и передавались в Гохран. Чаще всего это были личные вещи из золота, серебра или платины с драгоценными камнями, Однако попадались и малозначимые вещи: ложки, вилки, сахарницы и другие бытовые предметы из белого металла (алюминия), иногда из серебра, а также медные монеты и т. д. В ящике № 3516 среди процентных бумаг был обнаружен револьвер, в ящике № 770 — пистолет системы «Браунинг» (№ 674971) с пустой обоймой, а в ящике № 862 были найдены три обоймы с патронами. Вероятно, сказалась спешка при отправке имущества в Россию в 1916–1917 гг. Так, например, в акте № 4 указывалось, что при вскрытии ящика № 398 с архивными документами были обнаружены следующие ценные предметы: 1) ожерелье золотое с бриллиантами; 2) ожерелье золотое с «камушками»; 3) пара серёг с «камушками». В ящике № 1331 находились 17 предметов из драгоценных металлов с камнями, в том числе и с бриллиантами, а в ящике № 1332 – 31 подобный предмет. Кроме того, при вскрытии других ящиков с архивными документами и ценными бумагами эксперты находили подвески, броши, кольца, цепочки, кулоны, браслеты, шкатулки с драгоценностями, мужские и женские часы, запонки с жемчугом, а также современные монеты в основном небольшого достоинства, хотя среди них попадались также и отдельные золотые и серебряные монеты. В одном из ящиков (№ 1383) оказался лорнет с сапфирами и ценные вещи с пустыми гнёздами из-под бриллиантов и сапфиров. Пустые гнезда из-под драгоценных камней были обнаружены и в других местах (ящик № 1393) и т. д. Все

эти предметы, не имевшие отношения к архивным документам и ценным бумагам, сортировались, оценивались и перекладывались отдельно в другую тару.

По мнению Хр. Раковского, среди содержимого должен был находиться и королевский архив. Однако в тот момент он не был найден. Эксперты предположили, что король и его семья со своим архивом вообще не расставались, или он находился в другом месте, что было более вероятно. (Заметим в связи с этим, что в 1935 г., когда архивы было решено передать румынской стороне, среди дел Политархива НКВД СССР был обнаружен конверт с подлинником фамильного акта княжеского рода Гогенцоллерна-Зигмарингена от 21 ноября 1880 г. о престолонаследии и письма князя Карла-Антоня и его сыновей Леопольда и Фредерика по этому вопросу)<sup>1</sup>.

Среди ящиков, как считалось, с архивными материалами были обнаружены два ящика, принадлежавших королевской семье. Из надписи на них следовало, что внутри находились бумажные ценности на сумму в 8 млн лей. Ящики не вскрывались. Нельзя исключать предположения, что надпись была сделана в целях маскировки, а на самом деле в них были укрыты драгоценности королевы Марии, не найденные до сих пор.

Выше, в одной из предыдущих глав, мы вкратце упомянули о попытке современного румынского историка и журналиста М. Войку проследить судьбу драгоценностей королевы Марии, опираясь на публикацию выходившей в Париже русской эмигрантской газеты «Новости» от 5 июня 1933 г. Войку представил одну из версий исчезновения драгоценностей королевы Марии, согласно которой они были переданы на хранение тогдашнему румынскому посланнику в Петрограде К. Диаманди. Накануне своего отъезда из России Диаманди передал королевские сокровища американскому послу, а тот, в свою очередь, – норвежскому консулу. Покидая Россию, консул, стремясь сберечь драгоценности, якобы, замуровал их в стене норвежского посольства, расположенного по адресу Харитоньевский переулок, 15. Хотя круг посвященных в эту тайну был очень узок, тем не менее, сохранить ее не удалось. Один из служащих посольства, русский

---

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 4. Л. 1–2.

по национальности, не успел эвакуироваться вместе с другими дипломатами и вскоре умер. Но перед смертью раскрыл тайну знакомому немцу. Тот, вернувшись в Германию, связался с советским посольством в Берлине и на определённых условиях (за выплату оговоренных процентов от стоимости найденного сокровища) передал важные сведения русским. Сообщение из Берлина поступило в Москву. К тому времени в доме по Харитоньевскому переулку уже располагалось чехословацкое посольство. Под предлогом ремонта первого этажа, где, якобы, были замурованы драгоценности, сотрудники ВЧК обследовали все помещения, и через три месяца клад был найден. Каким-то образом узнавший об этом и не получивший компенсации германский гражданин пытался предъявить иск советскому посольству в Берлине, но безуспешно. Примечательно, что сам Войку не верит в эту версию, указывая на многочисленные нестыковки, как в датах, приведенных в статье, так и в фактическом материале <sup>1</sup>.

Автору настоящей монографии не удалось найти какие-либо документы, подтверждающие или опровергающие эту версию. Можно предположить, что ящики с драгоценностями королевы Марии хранились в Гохране и не были вскрыты экспертами из-за отсутствия особого разрешения «инстанции». Возможно также, что они находились в хранилище вместе с драгоценностями царской семьи. Но эти предположения требуют доказательств.

Ничем не подтверждена и еще одна версия, согласно которой драгоценности королевы Марии якобы были отправлены в Будапешт для финансовой поддержки Венгерской советской республики, фактическим руководителем которой был Бела Кун <sup>2</sup>. Драгоценности королевы Марии до сих пор не обнаружены. А вот королевский архив впоследствии был найден и передан румынской стороне.

При инвентаризации архивных материалов министерств, ведомств и учреждений все документы были сведены в 15 фондов по ведомственной принадлежности. В эти фонды не вошли 100 ящиков документов, прибытие которых ожидалось

---

<sup>1</sup> *Voicu M. Tezaurului României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 137–140.*

<sup>2</sup> *Ibid.*

из Петрограда. Все архивы и ценные бумаги были упакованы в 1346 ящиков и размещены в кладовых Гохрана. По результатам проведенной работы комиссии с документами Шляпников сообщил 3 марта 1924 г. в Политбюро ЦК РКП(б), что экспертами было выделено три приложения материалов на 26 страницах, которые могут быть использованы при подготовке переговоров с Румынией. Шляпников представил в Политбюро перечень румынских документов для использования в практических целях. Так, например, архив Министерства иностранных дел содержал важные материалы, касавшиеся секретных договоров Румынии с другими странами и участия румын в Балканских войнах 1912–1913 гг. и Первой мировой войне и позволявшие проанализировать весь спектр общественных настроений в стране в военное время.

Дела из архива Министерства финансов могли быть использованы советской стороной при установлении международных экономических связей, а также для изучения связей румынских банков и фирм со «своими» политиками и иностранным капиталом, а также выявления коррупционных схем в финансовой сфере.

Документы Министерства земледелия, промышленности, торговли и государственного имущества отражали развитие и особенности аграрного движения в стране, а также позволяли выявить и оценить масштабы расхищения земель и имущества.

Документы Министерства просвещения и вероисповеданий, как подчеркивали эксперты, имели значение, в частности, для разоблачения антисемитской политики правительства.

Дела Министерства внутренних дел и его органов – полиции и «охранки» предлагалось использовать для очищения рабочего движения от доносчиков, предателей и внедренных в него секретных агентов; для изучения и разоблачения действующей системы сыска и подкупа; для разработки материалов по рабочему, аграрному и революционному движению в Румынии и на Балканах.

К числу важных материалов был отнесен архив премьер-министра Иона Брэтиану за 1876–1881 гг., находившийся в Центральном архиве. Материалы, сложенные в два больших картонных ящика, были распределены по папкам и конвертам с обозначением их содержимого. В первом ящике по описи «Румынские документы,

частная переписка Братиану» числились 36 папок, 489 документов (1380 полулистов). Во втором ящике – 6 папок, 445 документов (1380 листов и 961 полулист). Документы были разнообразными по характеру: личная переписка, телеграммы (в том числе и шифрованные), доклады, письма политического содержания и прочие материалы, в большинстве своем относящиеся к 1902–1917 гг.

Переписка Братиану характеризовалась в материалах Особой комиссии как важная в плане компрометации не только самого премьер-министра, но и других политических деятелей – короля Фердинанда и возглавлявших в разное время румынское правительство Александру Авереску, Николае Йорги, Александру Вайдую-Воевода, Октавиана Гоги, Юлиу Маниу.

Помимо прочего, как отмечалось на заседании комиссии (протокол № 14), архивные материалы могли быть использованы при материальных и финансовых расчётах с Румынией. В связи с этим комиссия постановила: «Разрешить представителям НКВД и НКФ, лично известным комиссии, под их ответственность получать интересующие их материалы расчётного характера с тем, чтобы материалы по их использованию были немедленно возвращены в архив».

Инвентаризацией банковских бумаг занимался подотдел процентных бумаг при Наркомате финансов. Работа с этими бумагами оказалась весьма трудоемкой, так как приходилось оценивать содержимое каждого пакета отдельно, не обезличивая его содержание. При этом эксперты руководствовались постановлением Политбюро ЦК – «обезличивание бумажных ценностей румынского архива признать недопустимым». Кроме того было постановлено, что «архивы департамента полиции, охранного отделения и прочие документы, связанные с революционным рабочим движением, должны быть выделены особо и сдаче не подлежат». Скорее всего, возможность передачи этих документов Румынии в 1935 г., когда началось возвращение ценностей, даже не рассматривалась.

В результате инвентаризации все документы были сосредоточены в 37 фондах: 23 фонда с документами банков и кредитных учреждений, 6 фондов различных министерств, один фонд государственного архива, один фонд Румынской академии, 6 фондов

с разными бумагами. Полной описи документов румынских архивов, находившихся в СССР, составлено не было, так как это потребовало бы дополнительного времени (не менее года) и значительных усилий. (Кстати, сводной описи не существовало и при передаче архивов Румынией России в 1917 г.). Всего на 20 июля 1924 г. в фондах находились 4 365 папок с документами и делами, 1 629 книг, 8 819 планов и карт военного ведомства, 1194 связки с бумагами, 39 656 музейных предметов и иных ценностей, 118 грамот и 9 ящичков рукописей Румынской академии. На драгоценности приходилось 359 мест. Их разборка и оценка дали следующие результаты:

Наименование	Количество	Вес			Сумма руб. коп.
		Фунт,	доля,	золотник	
Платина	372	17	15	62	24 179, 86
Золото	17 645	611	95	75	278 933, 82
Серебро	35 511	8.098	71	53	171 444,42
Разных	56 170	1292	70	43	509 923,09
Бриллианты	7 120 1/8 карат				390 267,72
Музейные вещи					
№ 1					14 420
№ 2					16 340
№ 3					565
№ 4					1 140
№ 5					11 730
№ 6					760
<b>Итого:</b>					<b>1 419 703, 91</b>

Данная таблица, составленная в Особой комиссии, рождает ряд вопросов. Во-первых, почему не указан итоговый вес ценностей? По нашим подсчетам, примерный вес изделий из платины, золота, серебра и других металлов, указанных в таблице как «разные», составил 4 110,8 кг при следующих значениях: фунт=410 гр., доля=0,04 гр., золотник=4,26 гр. Во-вторых, определив вполне конкретную стоимость «музейных вещей», составители таблицы этим и ограничились, обозначив их только номерами? Какие ценности и по какой причине было решено сде-

лать «анонимными»? Ответить на эти вопросы пока не представилось возможным.

Общую стоимость румынского имущества комиссия оценила в 1 млн 700 руб. золотом.

Архивное имущество, в том числе и ящики с процентными бумагами были упакованы в 1346 ящиков и первоначально помещены в кладовые Московского Кремля, находившиеся в ведении Гохрана, а предметы искусства и музейные ценности были размещены в Оружейной палате Московского Кремля. Ответственность за сохранность картин была возложена на Главнауку. Впоследствии румынские архивы, находившиеся в ведении Центрархива, были перевезены и складированы в помещение церкви, находившейся в Юшковом переулке \*. Часть архивов была возвращена в НКВД, а часть – в Архив Октябрьской революции (Политархив) <sup>1</sup>.

15 июля 1924 г. работа Особой комиссии по разбору румынских ценностей была завершена. 20 июля 1924 г. ее председатель Шляпников сообщил об этом в Политбюро ЦК РКП(б).

Инвентаризация силами Особой комиссии длилась в течение года. Была проведена огромная работа. Несмотря на трудное для советского государства время государство выделило необходимые средства – более 25 тыс. руб. золотом. В работе комиссии в качестве экспертов принимали участие лучшие специалисты финансовых и научных учреждений, архивисты, искусствоведы, сотрудники музеев, Гохрана. Были предприняты все меры для сохранения румынских ценностей, картин, рукописей и другого имущества, оказавшегося в России в годы Первой мировой войны. Они ждали своего часа – возвращения на родину.

---

\* В Юшковом переулке (ныне Никольском) в Китай-городе располагался храм Николы Чудотворца «Красный звон» (XVI в.), получивший свое название за необыкновенно красивый перезвон колоколов.

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. Д. 4. П. 111. Л. 24.

## Глава 10

### **Национальные ценности начинают возвращаться в Румынию.**

*Установление дипломатических отношений  
между Румынией и СССР.  
1934–1935 гг.*

Международные условия, сложившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х гг., способствовали установлению дипломатических отношений между СССР и Румынией. В 1924 г. Советский Союз был де-юре признан Великобританией, Францией, Италией. Хотя Румыния отказалась участвовать в Московской конференции по сокращению вооружений (2–12 декабря 1922 г.), если Россия не признает за ней Бессарабию, 5 декабря 1922 г. глава советской делегации М.М Литвинов, имея в виду Румынию, заявил на заседании Бюро конференции: «Россия отказывается от применения военной силы при разрешении могущих возникнуть споров. Одна из соседок на юго-западе России до сих пор оккупирует её землю, отказываясь даже вступить с Российским правительством в какие-либо переговоры для мирного разрешения территориальных споров. Тем не менее, Россия не приняла никаких мер и не предполагает принять меры для разрешения этого спора военной силой»<sup>1</sup>. Вместе с тем советское правительство считало, что «отказ от применения войны не является отказом от прав на оккупированную Румынией территорию...» и отказом от возможности разрешить проблему мирным путем<sup>2</sup>.

Важным шагом в деле урегулирования советско-румынских отношений явилось подписание Румынией 9 февраля 1929 г. в Москве так называемого протокола Литвинова – соглашения о досрочном введении в действие пакта Келлога–Бриана от 27 августа 1928 г., предусматривавшего отказ от войны как ин-

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. Приложение к разделу VI. Док. № 7. С. 306.

<sup>2</sup> Там же. Док. № 11, 12. С. 309–310.



струмента национальной политики. Румыния попыталась представить Московский протокол как доказательство своей позиции, согласно которой «границы соответствующих государств следует считать установленными и обеспеченными новым протоколом». Советское правительство выступило против такого толкования соглашения румынской стороной и подтвердило свое прежнее отношение к нерешённому бессарабскому вопросу. Румыны вынуждены были признать, что «с подписанием протокола в Москве обе стороны отказываются от войны как средства разрешения вопроса о Бессарабии, но это не означает отказ от претензий разрешить проблему мирным путем»<sup>1</sup>.

Следующим шагом в поиске дипломатического решения спорного вопроса стала инициатива СССР, предпринятая в конце июня 1933 г. по ходу Мировой экономической конференции в Лондоне. Советская делегация предложила странам-соседям обсудить вопрос об определении агрессии. Результатом стало подписание 3–5 июля 1933 г. Лондонских конвенций между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Литвой, Румынией, Турцией, Ираном и Афганистаном, причем конвенция была объявлена открытой, чем впоследствии воспользовалась Финляндия. Советский Союз выразил согласие рассматривать территорию государства, подписавшего конвенцию, как территорию, на которой данное государство осуществляет свою власть<sup>2</sup>. Однако это не означало признания Бессарабии за Румынией. Бессарабский вопрос по-прежнему оставался камнем преткновения в межгосударственных отношениях. Вместе с тем, советская сторона выразила готовность пойти на уступки. 6 декабря посол СССР в Турции Я.З. Суриц в беседе с румынским посланником И. Карпом заявил, что советское правительство расположено вступить в переговоры с Румынией для нормализации отношений между обеими странами и что оно рассматривает бессарабский вопрос как не представляющий никакой срочности и, следовательно, не являющийся препятствием для подобной нормализации, имея возможность оставаться открытым<sup>3</sup>. 27 июня 1934 г. в письме

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. Док. №. 14. С. 311.

<sup>3</sup> Советско-румынские отношения. Документы и материалы: в 2-х т. / А.А. Авдеев, М.- Р. Унгурану (гл. ред.). Т. 1. 1917–1934. М., 2000. С. 314.

советскому послу в Италии В.П. Потёмкину занявший к тому времени пост наркома иностранных дел М.М. Литвинов, объясняя позицию советского правительства относительно Бессарабии, писал: «При переговорах о восстановлении дипломатических отношений [министр иностранных дел] Титулеску требовал обещания, что бессарабский вопрос никогда не будет поднят дипломатическим путём, что было бы равносильно окончательному признанию нами аннексии Бессарабии. Со своей стороны, я предлагал сделать оговорку относительно спорных вопросов, остающимися открытыми. Сошлись мы на том, чтобы не делать никаких оговорок и не давать никаких обещаний друг другу относительно Бессарабии»<sup>1</sup>. Таким образом, вопрос о Бессарабии оставался открытым и был вынесен за рамки переговоров о восстановлении дипломатических отношений.

Неурегулированность советско-румынских отношений являлась также тормозом для развития отношений СССР с другими странами, в частности, с Чехословакией и Югославией – союзницами Румынии по Малой Антанте. 7 июня 1934 г. Николае Титулеску, находившийся в Женеве на международной конференции по разоружению (1932–1934 гг.), направил в МИД Румынии письмо, в котором излагал содержание Памятной записки, полученной от Президента Чехословакии Эдварда Бенеша. Бенеш отмечал, что, «принимая во внимание международные события, которые будут происходить в течение ближайших месяцев в связи с переговорами между Францией и Россией, в свете переговоров, которые идут на Конференции по разоружению, и в связи с возможным вступлением России в Лигу Наций, принимая во внимание особенно, что региональные договоры между Францией, Россией, Германией и Польшей будут предметом переговоров и что эти переговоры жизненно касаются Чехословакии, чехословацкое правительство не может откладывать нормализацию своих отношений с Россией». Бенеш просил также «освободить его от необходимости ожидать момента, когда эта нормализация могла бы быть предпринята всеми (Имелись в виду страны – члены Малой Антанты – Т.П.)»<sup>2</sup>. Желая ускорить нормализацию

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. С. 428.

<sup>2</sup> Там же. С. 424–425.

отношений между СССР и Румынией, Президент Чехословакии предложил стать посредником в переговорах о заключении между ними мирного договора. В силу важности этого вопроса Бенеш просил Титулеску срочно передать записку румынскому монарху Каролю II и премьер-министру Георге Тэтэреску.

В тот же день, 7 июня 1934 г., Тэтэреску в ответной телеграмме Титулеску сообщил: «Правительство с согласия Его Величества короля одобряет в целом Вашу деятельность и Ваши полномочия осуществить возобновление дипломатических отношений с СССР...»<sup>1</sup>.

9 июня 1934 г. в Женеве в салоне отеля «Бург» в присутствии министров иностранных дел Чехословакии и Югославии и других дипломатов Литвинов и Титулеску по уполномочию своих правительств обменялись нотами об установлении дипломатических отношений. Несмотря на серьезные препятствия, решающую роль сыграла взаимная заинтересованность сторон. Способствовали достижению нужного результата и усилия таких незаурядных личностей и авторитетных дипломатов, как Титулеску и Литвинов. Им удалось, хотя и с большим трудом, договориться о том, что спорные вопросы о статусе Бессарабии и золотом фонде будут вынесены за рамки протокола о восстановлении дипломатических отношений. Полпредом СССР в Румынию был назначен опытный советский дипломат М.С. Островский, Румынию в СССР стал представлять Эдмонд Чиунту, бывший личный секретарь Титулеску.

Таким образом, в 1934 г., пытаясь реализовать идею «коллективной безопасности» в Европе и сближаясь на этой почве с Францией, советское правительство восстановило дипломатические отношения с союзной Франции Румынией, не требуя пока уступок по Бессарабии.

В знак доброй воли Москва намеревалось возвратить Румынии часть находившихся в СССР румынских ценностей. В первую очередь речь шла об архивах, в том числе о ценных документальных коллекциях Румынской академии. 26 декабря 1934 г. заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский писал М.С. Островскому: «Мы не приняли ещё формального решения

---

<sup>1</sup> Там же. С. 426.

о возвращении архивов, но настроение у нас в Наркомате за то, чтобы с этим делом не канителиться и архивы вернуть. ...Нас с Румынией связывают, главным образом, общие цели в вопросах внешней политики. Этими общими целями определяются взаимные дружеские отношения, и под углом зрения этих целей обе стороны, я надеюсь, будут стараться не выпячивать и не обострять разногласий по неурегулированным спорным вопросам»<sup>1</sup>. Решение о передаче Румынии архивов было принято на заседании Политбюро в начале 1935 г. (протокол № 20)<sup>2</sup>. Кроме государственных, было решено передать также частные архивы, например, архив национального классика, одного из виднейших музыкантов первой половины XX в. композитора Джордже Энеску (во время революции 1989 г. архив утрачен при пожаре в здании университетской библиотеки в Бухаресте), а также некоторые ценные предметы. 14 декабря 1934 г. советский посол М.С. Островский вручил заместителю министра иностранных дел Савелу Рэдулеску платиновые эталоны мер и весов и термометр из румынской коллекции, хранившейся в Кремле, подчеркнув тем самым добрососедские дружественные отношения. Речь о возвращении румынского золотого фонда не шла. 18 декабря 1935 г. Островский в письме Литвинову выразил сомнение в том, что Титулеску «продолжает лелеять какие-нибудь надежды о золотом фонде; во всяком случае, вида такого он не подавал ни разу. Нет ни одного политического деятеля, который бы в разговоре со мной или с третьими лицами по поводу румыно-советских отношений упомянул бы прямо или косвенно о золотом фонде, кроме разве королевы Марии, которая тоскует по своим бриллиантам и готова отдать нам всю Румынию за свои бриллианты, да гогокузистской «Порунка времий»<sup>3</sup>, которая за всё время пару раз об этом вспомнила и то не полным голосом»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. С. 431.

<sup>2</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 958. Л. 617, 664.

<sup>\*</sup> Так в тексте. Октавиан Гога – румынский политик, лидер Национально-христианской партии ультранационалистического и антисемитского толка; Александру Куза – идеолог румынского национал-консерватизма антисемитского толка; во внешней политике ориентировался на гитлеровскую Германию. Газета «*Roşuna vremii*» («Веление времени») – профашистская ультранационалистическая газета, выступавшая за союз с Германией.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 134. Д. 86. Л. 36.

Для подготовки передачи румынских архивов была создана специальная комиссия. Курировал ее работу Наркомат иностранных дел.

23 января 1935 г. на имя заместителя наркома Б.С. Стомонякова поступила служебная записка из Центрального архивного управления РСФСР о наличии румынских документов<sup>1</sup>, в том числе королевского архива. 26 февраля 1935 г. в письме врио заместителя начальника Политархива Кузнецова был предложен порядок передачи румынских архивов<sup>2</sup>. По решению НКВД архив королевской семьи также предстояло передать румынам<sup>3</sup>, о чем будет сказано ниже.

27 марта из Центрального партийного архива (ЦПА) во II-ой Западный отдел НКВД СССР сообщили, что в Архиве Октябрьской Революции обнаружены 17 ящиков с архивами Румынской академии. В ящиках находились 311 древнейших грамот, одна из которых в массивном серебряном футляре. Судьба этих раритетов была определена решением о передаче румынскому правительству всех архивных материалов, находящихся в распоряжении НКВД. «Эти грамоты, – сообщали из ЦПА, – как раз представляют для румынского правительства особый интерес, и о них неоднократно шла речь в переговорах, как в Москве, так и в Бухаресте...»<sup>4</sup>. В то же время в докладной записке II-ого Западного отдела НКВД от 28 декабря 1934 г. было обращено внимание на то, что в архивных коллекциях, хранившихся в Юшковом переулке, «некоторые фонды изъяты, так как фонды Военного министерства и Министерства внутренних дел крайне скудно представлены. Совершенно отсутствует фонд сигуранцы...». В связи с этим констатировалось, что «нельзя точно определить, охватывают ли они (указанные коллекции. – Т.П.) всё эвакуированное архивное имущество Румынии»<sup>5</sup>.

Весной 1935 г. советская сторона перешла к практической реализации принятого решения о передаче архивной части национальных ценностей Румынии.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 21

<sup>2</sup> Там же. Л. 19.

<sup>3</sup> Там же. Л. 3.

<sup>4</sup> Там же. Л. 4–5.

<sup>5</sup> Там же. Оп. 14. П. 100. Д. 76. Л. 3.

21 марта заведующий II-м Западным отделом НКВД Д.Г. Штерн принял румынского посланника Э. Чиунту для согласования процедуры сдачи и приемки архивов. Был установлен следующий порядок: место передачи архивов – храм в Юшковом переулке, где хранятся архивные коллекции; количество и номера («метки») передаваемых ящиков фиксируются в составляемых ежедневно актах; ящики с документами опечатываются таможенной печатью для их беспрепятственного пропуска через советскую границу. После завершения сдачи-приемки уполномоченные с обеих сторон подписывают протокол и прикладывают к нему акты, составленные комиссией. Приемка архивов будет осуществляться двумя румынскими чиновниками, которые с этой целью придут в Москву.

27 марта заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский в письме заместителю наркома внешней торговли М.А. Логановскому просил назначить представителя Московской таможни для участия в передаче Румынии её архивов для их пломбирования<sup>1</sup>.

Примерно в это же время, в последней декаде марта, в НКВД поступила информация об обнаруженных при сносе Николо-Греческого монастыря XIV в. в Москве \* надгробиях семьи молдавского господаря и Светлейшего князя Российской империи Дмитрия Кантемира, его жены Екатерины и дочери Марии. Там же находилась и могильная плита сына известного поэта и дипломата Антиоха Кантемира, состоявшего на императорской дипломатической службе и умершего в 1744 г. в Париже. 3 апреля 1935 г. Штерн проинформировал Чиунту о том, что советская сторона готова вместе с национальным архивом передать три надгробных плиты семейного захоронения Кантемиров. Чиунту с энтузиазмом воспринял это известие, подчеркнув, что подобный акт «будет рассматриваться в Румынии как исключительно

---

<sup>1</sup> Там же. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 4. Л. 6.

\* Снос монастыря был осуществлен в соответствии с Генеральным планом застройки столицы. На его месте предполагалось возвести здание Наркомата тяжелой промышленности СССР. Монастырский комплекс был полностью разрушен уже к началу первого квартала 1935 г.

дружественный в силу той роли, которую Дмитрий Кантемир играл в своё время в политической и культурной жизни Румынии»<sup>1</sup>. Естественно, Чиунту сразу же передал столь важную информацию в Бухарест, отметив, что вопрос о передаче надгробия Антиоха Кантемира им в беседе со Штерном не ставился, поскольку все связанное с личностью и жизнью дипломата «принадлежит историческому наследию» России.

В результате произведенных в мае 1935 г. раскопок под надгробными плитами были найдены останки, идентифицированные как принадлежавшие Дмитрию Кантемиру<sup>2</sup>. 1 июня в одном из залов Государственного исторического музея рака с останками была передана румынской стороне. Советское правительство рассматривало эту акцию как фактор укрепления дружественных отношений между двумя народами.

Архивная «эпопея» завершилась 31 мая 1935 г., когда Д.Г. Штерн и Э. Чиунту подписали протокол о передаче Румынии архивов, эвакуированных в Россию в 1916–1918 гг. В протоколе отмечалось, что «данные архивы, упакованные в 1 443 ящика и тюки, были переданы господином М. Лапиным, уполномоченным на это Главным управлением архивов СССР<sup>\*</sup>, господам М. Николау и И. Поповичи<sup>\*\*</sup>, уполномоченным на это Королевским Министерством иностранных дел Румынии, и что дата передачи была определена актом, подписанным 28 мая сего года и приложенным к настоящему протоколу»<sup>5</sup>. Кроме того, при подписании протокола Штерн передал Чиунту 18 коробок и 9 пакетов с 403 старинными румынскими рукописями<sup>6</sup>. В протоколе подчеркивалось, что коробки и пакеты передаются без

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 75. Л. 1.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Цвирукун В.И. Легенда и реалии переноса останков Дмитрия Кантемира из Москвы в Яссы // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 96–108.

<sup>\*</sup> Так в тексте. До 1938 г. в структуре государственных органов СССР имелось Центральное архивное управление РСФСР (ЦАУ РСФСР). В 1938 г. оно получило новое наименование – Центральное архивное управление СССР (ЦАУ СССР).

<sup>\*\*</sup> Так в тексте. Правильно: И. Поповичу.

<sup>5</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. 1935–1941. С. 16.

<sup>6</sup> Там же.

тщательной проверки их содержимого, и констатировалось, что «передача румынских архивов, находившихся до настоящего дня во владении правительства СССР, завершена»<sup>1</sup>.

Решение вопроса о доставке архивов и останков Дмитрия Кантемира в Румынию советская сторона оставила на усмотрение румынского правительства, предложив на выбор два варианта: сухопутным или морским путём (через Одессу)<sup>2</sup>.

Румынское правительство предпочло второй вариант. 14 июня 1935 г. пароход «Принцесса Мария» прибыл в румынский порт Констанцу.

С грандиозными торжествами, по церемониалу погребения королей, рака с останками Дмитрия Кантемира была захоронена в Яссах – столице Молдавского княжества, в Кафедральном соборе «Трёх святых». Позже, летом 1957 г., по решению советского правительства библиотеке Румынской академии были переданы микрофильмы старинных документов о жизни и деятельности Дмитрия Кантемира, изготовленные Главным архивным управлением СССР<sup>3</sup>.

Румынские специалисты начали разборку прибывших архивов. Действовали бессистемно, вскрывали те ящики, которые попадались под руку. Почти сразу возникли неприятности. В первых же ящиках оказались малозначимые и случайные вещи: румынские банкноты, напечатанные в Москве в 1917 г., банковские бухгалтерские книги, послужные списки чиновников Министерства земледелия, личные вещи вплоть до нижнего белья, и ни одного сколько-нибудь важного документа. Пресса сообщала, что журналисты, присутствовавшие при вскрытии ящиков, «пришли в оцепенение». Газеты подняли шум. Близкая к правительственным кругам бухарестская «Curentul» («Новости») поспешила сообщить, что «в ящиках нашли нижнее бельё “коготки образца 1916 г.”»<sup>4</sup>. Титулеску пришлось собрать лидеров оппозиционных партий и журналистов и объяснять им, что передача архивов имеет, прежде всего, политическое зна-

---

<sup>1</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. 1935–1941. С. 16

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 4. Л. 7, 18.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 39. П. 57. Д. 23. Л. 32.

<sup>4</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. С. 24.



чение как символ дружбы. Когда же журналисты стали настаивать на предоставлении описей ящиков, отправленных в Москву (имеется в виду имущество, находившееся вместе с архивами во втором эшелоне. – Т.П.), то посол Островский заявил, что румынской стороне «передали то, что хранилось в государственных архивах Советского Союза» и что «никаких описей на содержимое ящиков не существовало в природе вещей»<sup>1</sup>. Достоверность его заявления подтверждаются материалами комиссий ЦК РКП(б), проводивших в 1922 и 1923–1924 гг. инвентаризацию румынских ценностей. Так, например, главный техник Гознака Ермолаев, осматривая кладовые Кремля в присутствии помощника заведующего Операционным отделом Гохрана Герасименко и контролёра Белякова констатировал, что при вскрытии некоторых ящиков, находившихся в кладовых, в них оказались: 1) чистая белая бумага; 2) чистая бумага с водяными знаками; 3) клише для печатания дензнаков Румынии; 4) нумерационные рамы без номеров; 6) краски тёртые и сухие; 7) вальцевая масса. Всё это предназначалось, для печатания дензнаков Румынии в России, с которой у Румынии по этому поводу был заключен соответствующий договор.

После скандальных публикаций в румынской прессе работу по разборке ящиков стали проводить в секретном режиме<sup>2</sup>.

Документы, принадлежавшие королевской семье, оставались в Москве. Их по поручению Литвинова предстояло передать через советского посла лично королю. Но после сообщения Островского об отсутствии монарха в столице было решено передать документы министру иностранных дел Н. Титулеску во время предполагавшегося его приезда в Москву<sup>3</sup>. Однако визит Титулеску не состоялся. Эти документы были переданы в Румынию позже и вошли в фонды Государственного исторического архива в Бухаресте.

Передача румынских архивов, подававшаяся в средствах массовой информации как проявление дружественных отношений между СССР и Румынией, давала повод рассчитывать на вза-

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 75. Л. 5–6.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. С. 24.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 15. П. 109. Д. 75. Л. 3, 14.

имость. Именно по этой причине нарком обороны К.Е. Ворошилов обратился к М.М. Литвинову с предложением поставить перед румынским правительством вопрос о возвращении советской стороне оставшихся на территории Румынии и Бессарабии ещё со времён Первой мировой войны архивов 4, 9, 6 и 8-й русских армий, архивов Румчерода, «которые представляли несомненную ценность как с чисто военной, так и с политической стороны». Речь шла также о документах оставшихся в Яссах, Кишиневе, Белграде, Романе, Ботошани и других городах складов русского военного имущества. «Объём этих архивов, – писал Ворошилов, – исчисляется десятками тысяч пудов. Не исключена возможность, что часть архивов была расхищена белогвардейцами – генералами [Н.Н.] Головиным, Е.Ф. Новицким и др., которые ещё в 1918 г. имели к ним касательство, тем не менее, мы должны требовать от румын возвращения нам указанных архивов, из которых можно будет взять всё ценное и нужное нам». (Ранее уже говорилось, сколь важны были подобного рода архивы и материалы для обоснования российской/советской стороной контрпретензий к Румынии за невыплаченные России долги и оставшееся на её территории и территории Бессарабии имущество русских армий).

Реакцию Литвинова выяснить не удалось, хотя вряд ли письмо Ворошилова осталось без ответа. Не известно также, ставила ли советская сторона в то время перед румынами вопрос о возвращении указанной документации? Однако архивы, о которых сообщал Ворошилов, советская сторона не получила.

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Румынией в июне 1934 г., почти после двадцатилетнего разрыва, стало значительным импульсом для развития взаимоотношений. Была восстановлена прямая железнодорожная и телеграфная связь с Румынией, развивалось сотрудничество в области внешней политики, экономики. Большое значение придавалось развитию научных и культурных контактов. Развертывает деятельность в Румынии Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). 20 ноября 1935 г. посол М.С. Островский писал М.М. Литвинову: «Лучшим способом нашей пропаганды был бы приезд сюда живых людей, представителей спорта,

искусства и науки». Он предложил организовать в Румынии две выставки: одну – научную, другую по искусству, обе [идеологически] нейтральные <sup>1</sup>.

Однако в сотрудничестве двух стран не всё шло гладко. 14 июня 1935 г. Островский сообщал в НКВД, что сигуранца «принципиально и огулом не пропускает наших печатных изданий в страну» <sup>2</sup>. Серьезные трудности возникали на международной арене. По ходу переговоров о заключении пакта о взаимопомощи между СССР и Румынией, которые оказались сорванными по вине румынской стороны в 1936 г., Титулеску заявил, что «пакт должен предусмотреть взаимопомощь не только против Германии, но и против Венгрии» <sup>3</sup>. По информации, поступившей советскому послу из НКВД, Румыния, осведомлённая о том, что советское правительство «не намерено оказывать ей помощь против Венгрии, ни с того, ни с сего, тем не менее, выставляет эти требования, придавая своим требованиям характер шантажа. Вы, мол, заключили с Францией и Чехословакией пакты о взаимопомощи \*, эту помощь вы можете оказать им, только пройдя через нашу территорию, а потому извольте нам за это заплатить... Титулеску в то же время хочет не только сохранить союз с Польшей, но намерен даже исключить Румынию в случае нападения на нас Польши» <sup>5</sup>.

Возможно, именно во время трудных советско-румынских переговоров о заключении пакта о взаимопомощи в Москве задумались о том, чтобы подсластить румынскую «пилюлю». Советские руководители понимали, что румын вряд ли могло удовлетворить возвращение «бумажной» части ценностей, хотя и имевшей несомненное *историческое* значение. Хуже обстояло дело с ценностями *материальными*: их Москва возвращать не спешила. По имеющимся сведениям, в 1935–1936 гг. в Румынию было отправлено только 12 тонн золота. Возвращение всего золотого

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 112. Д. 16. Л. 10.

<sup>2</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. С. 18.

<sup>3</sup> Там же. С. 21.

\* Имелись в виду договоры о взаимопомощи между СССР и Францией от 2 мая 1935 г. и Чехословакией от 16 мая 1935 г.

<sup>5</sup> Советско-румынские отношения. Т. 2. С. 21.

запаса советская сторона связывала с «окончательным урегулированием бессарабского вопроса»<sup>1</sup>.

Объективно нормализация советско-румынских отношений открывала возможность обсуждения спорных вопросов, поиска их решений на компромиссной основе. Начало было положено возвращением части румынских сокровищ, оказавшихся в России в годы Первой мировой войны. Но путь, по которому в 1935 г. был сделан только первый шаг, оказался долгим и тернистым...

---

<sup>1</sup> См., например: *Чичкин А.* Румынское золото в России. Кто кому должен? – [ruspred. Ru/art/tnl/5rr.html](http://ruspred.ru/art/tnl/5rr.html); *Лунышин П.Д.* Золото королевской Румынии в России – [zolotodb/article/12334](http://zolotodb/article/12334).

## Глава 11

### Проблема репараций,

*или еще раз о том, кто кому должен?*

После передачи в 1935 г. румынских архивов вопрос о возвращении Бухаресту ценностей не поднимался вплоть до 1940 г., который стал переломным в развязке территориального спора за Бессарабию между СССР и Румынией. Решающую роль в решении этого вопроса сыграл внешний фактор – коренное изменение международной обстановки<sup>1</sup>. Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, так называемого пакта Молотова – Риббентропа, создало условия для политического решения вопроса о Бессарабии, оккупированной в 1918 г. румынскими войсками. В пункте 3-ем секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту говорилось: «Касательно Юго-Восточной Европы с советской стороны подчёркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о её полной *политической* (курсив мой. – Т.П.) незаинтересованности в этих областях»<sup>2</sup>. Характерно, что летом 1940 г. германская сторона была готова удовлетворить интересы СССР в Юго-Восточной Европе «вплоть до Константинополя и Проливов», но как отмечал И. Риббентроп, на переговорах с Москвой «последнее, однако, не обсуждалось»<sup>3</sup>. Неожиданно для Германии советское правительство выдвинуло требование к Румынии передать Советскому Союзу, кроме Бессарабии, также и Буковину. Это встретило возражение Берлина. «Претензии советского

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 289–297; *Покивайлова Т.А.* Решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине // Великая Отечественная война. 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 347–348; Восточная Европа между Сталиным и Гитлером. 1939–1941 / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 5–76; 333–362 (авторы соответствующих разделов – С.З. Случ, М.Д. Ерещенко).

<sup>2</sup> *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. Приложение к разделу VII. Док. № 1. С. 334.

<sup>3</sup> Там же. Док. № 13. С. 344–345.

правительства в отношении Буковины, – писал Риббентроп послу в СССР Ф. фон Шуленбургу 25 июня 1940 г., – нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев также чрезвычайно заботит Германию»<sup>1</sup>. Вечером того же дня, в беседе с Шуленбургом В.М. Молотов объяснил, что Буковина рассматривается советским правительством как «последняя недостающая часть единой Украины», и что по этой причине советское правительство придаёт важность разрешению этого вопроса «одновременно с бессарабским»<sup>2</sup>. 26 июня 1940 г., днём, Шуленбург посоветовал Молотову вернуть золото Румынии, чтобы облегчить решение бессарабского вопроса. В отправленной сразу же после беседы с советским наркомом телеграмме Риббентропу Шуленбург сообщал: «На моё заявление, что мирное решение вопроса могло бы быть достигнуто с большей лёгкостью, если бы советское правительство вернуло Румынии золотой запас румынского Национального банка, переданный в Москву на сохранение во время Первой мировой войны, Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию»<sup>3</sup>. Выполняя указание Риббентропа, германский посол заявил Молотову, что «отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению [вопроса о Бессарабии]»<sup>4</sup>. В ходе советско-германских переговоров стороны достигли договоренности о присоединении к СССР только северной части Буковины с городом Черновцы.

26 июня в 22 часа В.М. Молотов вызвал к себе румынского посланника Георге Давидеску и зачитал заявление советского правительства о необходимости немедленного разрешения бессарабского вопроса как одного из «полученных в наследство от прошлого нерешённых вопросов». В ультимативной форме советская сторона требовала «1. Возвратить Бессарабию Советско-

---

<sup>1</sup> *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. Док. № 14. С. 345.

<sup>2</sup> Там же. Док. № 15. С. 346–347.

<sup>3</sup> Там же. Док. № 16. С. 347–348.

<sup>4</sup> Там же. Док. № 15. С. 346.

му Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины, поскольку ее население в громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторических судеб, так и общностью языка и национального состава». В заявлении указывалось, что правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства в течение 27 июня, и выражалась надежда на возможность мирного решения спорного вопроса<sup>1</sup>.

27 июня в 4 часа 30 мин. Давидеску сообщил в Бухарест о полученном ультимативном требовании, отметив, со слов Молотова, что «советское правительство требует северную часть Буковины как возмещение (ущерба, нанесенного) румынским государством Бессарабии на протяжении 22-х лет»<sup>2</sup>.

Решительная позиция Советского Союза крайне беспокоила Берлин, имевший свои, *экономические*, интересы в Румынии (нефть). «Во избежание войны» германская сторона 27 июня посоветовала Бухаресту «уступить требованиям советского правительства»<sup>3</sup>. И 28 июня 1940 г. в 11 час. утра Давидеску сообщил Молотову, что Румыния принимает предложения Советского Союза.

Таким образом, территориальные споры между СССР и Румынией были решены. Вопрос о взаиморасчетах по долгам не поднимался. Оставался открытым и вопрос о возвращении «румынского золота». Заметим, однако, что именно в 1940 г. была предпринята очередная инвентаризация находившихся в СССР национальных сокровищ Румынии. Самое простое объяснение причин этого, которое напрашивается само собой, – желание советского руководства иметь в преддверии большой войны полную и точную информацию о золотом запасе и иных румынских ценностях. Цели же могли быть, как экономические, так и политические. Однако инвентаризацию сорвала война. В годы войны румынские ценности были отправлены в г. Куйбышев (Самару), и только в начале 50-х годов инвентаризация была завершена.

После присоединения Румынии к Германии в антисоветской войне, премьер-министр, а фактически диктатор, маршал

<sup>1</sup> Там же. Док. № 17. С. 348–349.

<sup>2</sup> Там же. Док. № 18. С. 355. Этот аргумент румынский король Кароль II назвал в своем дневнике «просто смехотворным» (Там же. Док. № 20. С. 358).

<sup>3</sup> Там же. Док. № 19. С. 357.

Ион Антонеску потребовал от СССР возвращения «румынского золота» и ценностей<sup>1</sup>. Румынская сторона развернула большую подготовительную работу по обоснованию своих претензий. 4 июля 1941 г. Министерство учебных заведений, образования, [религиозных] культов и искусства направило через отдел искусства распоряжение государственным учреждениям, музеям и монастырям о предоставлении полных перечней предметов искусства, рукописей, древних книг, печатей и т. д., вывезенных в годы Первой мировой войны в Россию. Уже в течение десяти дней запрошенные сведения начали поступать в Министерство. 4 августа 1941 г. в экономическом отделе МИД Румынии была подготовлена для правительства справка, в которой в деталях описывалась эвакуация «румынского золота» двумя эшелонами в Москву в декабре 1916 и летом 1917 г. В октябре 1941 г. еще одна подробная справка для Антонеску и Министерства иностранных дел была подготовлена Национальным банком Румынии. 1 ноября 1941 г. управляющий банком А. Оттулеску представил в правительство доклад о «румынском золоте» и ценностях, находившихся в СССР. На основании собственных подсчетов (в леях по ценам 1941 г.). Оттулеску определил стоимость отправленного в Россию груза огромной суммой – 371 855 838 404,12 лей. Он также изложил историю возвращения архивов в 1935 г. и привел их объем – 17 вагонов с 1 436 ящиками весом 127 584 кг. О встречных претензиях советского правительства, касавшихся российского имущества, оставленного в годы Первой мировой войны на территории Румынии и Бессарабии, ни в одном из документов не упоминалось. Резолюция Антонеску на докладе Оттулеску предписывала Министерству иностранных дел сообщить германскому союзнику в Берлин о создании комиссии по возмещению стоимости «румынского золота»<sup>2</sup>.

К тому времени румынская армия активно участвовала в боевых действиях вермахта на Восточном фронте. 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут, форсировав пограничный Прут, румынские части вступили на советскую территорию и совместно с немецкими

---

<sup>1</sup> *Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și Tezaurul nostru // Dosarele istoriei. 2001. № 11. P. 24.*

<sup>2</sup> *Ibid.*



войсками оккупировали ее значительную часть. И хотя в начале войны Бухарест заявлял, что его целью является возвращение Бессарабии и Северной Буковины, румынские войска действовали на Воронежском и Сталинградском фронтах, заняли Одессу и Крым, воевали на Кавказе. Во временное управление румын была передана советская территория между Днестром и Бугом, получившая название Транснистрия. Румынское правительство надеялось включить эти земли в состав Великой Румынии. На захваченной территории румынские воинские части и администрация действовали без церемоний: грабили, мародерствовали, допускали насилие и террор<sup>1</sup>. Особо недобрую память они оставили о себе в Одессе. После взрыва 22 октября 1941 г. советскими партизанами здания комендатуры в городе начался массовый террор. На следующее утро на площадях Одессы были повешены и расстреляны схваченные без разбора горожане, прежде всего евреи. Только за день были казнены около 5 тысяч человек.

Огромный размах в Транснистрии, в частности в Одессе, а также в Молдавской ССР и на других оккупированных румынами территориях получили грабежи и реквизиции имущества. 3 декабря 1941 г. правительственным постановлением Румынии была учреждена Одесская служба захвата и сбора трофеев с последующей их отправкой в Румынию<sup>2</sup>. На процессе военных преступников в Нюрнберге губернатор Транснистрии Г. Александру признал, что, выполняя полученное в октябре 1942 г. письменное распоряжение вице-преьера об отправке в Румынию 1 500 тракторов со всем навесным и прицепным оборудованием, он сумел вывезти 500 тракторов. Кроме того, губернатор организовал эвакуацию в Румынию оборудования советских предприятий, а также культурных и исторических ценностей. Из СССР было вывезено оборудование по изготовлению запчастей для сельскохозяйственных машин, оборудование судоремонтного и джутового заводов, трёх мебельных фабрик и фабрики по производству киноаппаратуры, завода по изготовлению меди-

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинёв, 1981. С. 288–320.

<sup>2</sup> Там же. С. 290.

цинских приборов и оборудования, десяти типографий и т. д.<sup>1</sup> Из Одессы в румынский город Крайову был переведен вместе с персоналом госпиталь глазных болезней. Вывозились трамваи и даже трамвайные линии, линии электропередачи, вплоть до телеграфных столбов, реквизировалось личное имущество горожан и крестьян. В городах Румынии устраивались аукционы и ярмарки, на которых это имущество распродавалось или бесплатно раздавалось румынскому населению. В конце июня 1942 г. на базе Одесской службы захвата и сбора трофеев при румынском генштабе было создано пять организаций «Z-1», которые должны были заниматься захватом советского имущества не только в Одессе, но и в Крыму, Донецком бассейне и т. д. Имелась даже «специальная группа» для Москвы<sup>2</sup>. Из Одесского археологического музея в Бухарест двумя партиями была вывезена золотая нумизматическая коллекция, которая вначале находилась в коллекции Св. Георгия Исторического архива г. Бухареста а затем передана в Национальный музей древностей<sup>3</sup> (существовал с 1864 до 1970 г.; ныне его экспонаты хранятся в Национальном музее истории в Бухаресте).

При наступлении немцев на Москву в октябре-ноябре 1941 г. румынские ценности вместе с советскими были эвакуированы на восток, в Куйбышев (Самару). Что касается собственного золотого запаса Румынии, находившегося в стране, то в декабре 1943 г. советскому руководству стало известно, что румыны озаботились его сохранностью. Это было понятно, поскольку именно в 1943 г. в Европе стали вырисовываться очертания победы. Причем, как отметил итальянский историк Дж. Боффа, «эти очертания все больше принимали форму победы советского оружия»<sup>4</sup>. Принятые на встрече «большой тройки» в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) решения, отразившие высшую

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Левит И.Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. Кишинёв, 1983. С. 6–7, 192–202.

<sup>2</sup> *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в войне против СССР. С. 291–292.

<sup>3</sup> Arhivele Naționale Istorice Centrale (A.N.I.C.). F. Ministerului Afacerilor Interne. Dos. 301.773/1944. F. 128; Dos. 302.157/1944. F. 128.

<sup>4</sup> *Боффа Дж.* История Советского Союза: в двух томах. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. М., 1994. С. 152.

точку в отношениях союзников по антигитлеровской коалиции, затрагивали перспективы послевоенного мирного урегулирования. Румынские власти правильно оценили ситуацию. 3 декабря заместитель начальника Разведуправления Главного морского штаба ВМФ полковник К.И. Оленев докладывал заместителю наркома ВМФ адмиралу И.С. Исакову, что «...румынское правительство вывозит свой золотой запас в швейцарские банки. Вывоз осуществляется в три очереди по железной дороге на специальных поездах. К концу декабря перевозка запаса должна быть закончена. С этой целью для переговоров в Швейцарию выезжал также директор румынского Национального банка»<sup>1</sup>. По данным советской разведки за 13 декабря 1943 г., из Румынии в Швейцарию проследовали эшелоны с «румынским золотом». Впоследствии стало известно, что основная часть румынского золотого запаса, находившаяся в стране, была тайно от немцев вывезена в июле 1944 г. в гористую часть Валахии и замурована в пещерах древнего монастыря XIV в. Тисмана. Всего там было спрятано 189 673,99 кг золота. Там же были размещены и остатки польского золота (3 057,45 кг), переправленного польским правительством в Румынию после нападения нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г.

В сентябре 1947 г., после того как монастырские пещеры были разблокированы, польское золото было возвращено в Варшаву<sup>2</sup>. Вполне вероятно, что румынской стороной такой исход истории польского золота в Румынии позднее мог рассматриваться как пример «честного» решения «золотой» проблемы в межгосударственных отношениях и явился дополнительным морально-психологическим обоснованием собственной позиции в требованиях возвращения «своего» золота, доверенного когда-то России, или компенсации за него.

Обозначившийся в 1943 г. перелом в ходе войны обусловил и некоторые структурные изменения в Наркомате иностранных дел СССР. 4 сентября по решению Политбюро ЦК ВКП(б) были

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0511. Оп 1. П. 1. Д. 1. Л. 86.

<sup>2</sup> Об истории польского золота в Румынии подробнее см.: *Păunescu C., Țonu M. Aurul polonez în Banca Națională a României (1939–1947) // Revista 22. Anul XXI (1963).*

образованы специальные комиссии, занимавшиеся вопросами перемирия (под руководством К.Е. Ворошилова) и мирных договоров и послевоенного устройства (председатель комиссии М.М. Литвинов). А 22 ноября 1943 г. было принято решение о создании комиссии по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками. В нее входили председатель комиссии И.М. Майский и сотрудник НКВД Г.П. Аркадьев. Кроме того, в комиссии были представлены: от Академии наук СССР Е.С. Варга, от Госплана В.В. Кузнецов, от НКВД Е.И. Бабарин, возглавлявший перед войной торгпредство СССР в Германии. В январе 1944 г. от Госплана в состав комиссии были дополнительно введены М.З. Сабуров и Н.М. Силуянов.

Именно на плечи комиссии Майского легли трудные вопросы о румынских репарациях. Документы свидетельствуют, что, приступая к подготовке конкретных предложений касательно Румынии, комиссия руководствовалась разработанным ею базовым документом «Основные линии репарационной программы СССР».

29 сентября 1944 г. Майский направил Молотову подготовленную комиссией записку «Предварительные соображения по вопросу о репарациях с Румынией»<sup>1</sup>. По мнению комиссии, репарации Румынии предполагали: а) единовременные изъятия по окончании войны и б) ежегодные платежи после окончания войны. Основная масса репараций приходилась на ежегодные платежи, так как, с одной стороны, в Румынии имелось не так много объектов, могущих подлежать изъятию, а, с другой стороны, военный потенциал Румынии не представлял собой серьезной опасности. В записке приводились подробные расчёты, исходившие из экономических ресурсов страны, а вывод обосновывал возможности Румынии выплатить репарации<sup>2</sup>. Опираясь на данные о развитии экономики в предвоенные 1938–1939 гг. с корректировкой на текущий момент, авторы записки констатировали:

а) национальное богатство Румынии в 1938 г. исчислялось приблизительно в 20 млрд долларов. В настоящий момент в свя-

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 45. Д. 131. Л. 17–19.

<sup>2</sup> Там же. Л. 18.

зи с войной и территориальными изменениями 1940 г. (потеря Бессарабии, Северной Буковины, Северной Трансильвании и Южной Добруджи) оно, вероятно, не превышало 11–12 млрд долларов;

б) национальный доход Румынии в 1938 г. достигал примерно 2 млрд долларов в год. После войны (особенно в первые годы) он едва ли будет выше 1,2 млрд долларов;

в) население Румынии в 1937 г. составляло 19,5 млн жителей. По переписи 1941 г. оно насчитывало 13 млн;

г) в 1936 г. Румыния имела: лошадей – 2,2 млн; рогатого скота – 4 млн; овец и коз – 12,2 млн; свиней – 3 млн. На текущий момент, по имеющимся данным, Румыния имела лишь половину этого поголовья;

д) в 1938 г. урожай в Румынии составлял: пшеница – 4 821 000 тонн; ячмень – 832 000 тонн; овёс – 463 000 тонн; кукуруза – 5 612 000 тонн. Всего, следовательно, свыше 11 млн тонн зерновых (данных об урожае 1944 г. не имелось);

е) ежегодная добыча нефти в предвоенные годы колебалась около 6–7 млн тонн, из которых 4–4,5 млн тонн экспортировались;

ж) морской флот Румынии в 1939 г. состоял из 35 судов с суммарным тоннажем в 115 тыс. тонн. Кроме того, имелся Дунайский флот, насчитывающий более 150 самоходных судов различного типа и более 500 барж грузоподъёмностью около 450 тыс. тонн;

з) золотой запас Румынии перед войной составлял немногим более 200 млн долларов.

Безусловно, война внесла существенные коррективы в приведенные в записке сведения, и это предстояло каким-то образом учитывать.

Комиссия подсчитала и прямые материальные потери, которые понёс Советский Союз от румынского противника: общая сумма составляла 140 млрд долларов (по курсу 5 руб. 30 коп. за доллар). На советском фронте, указывалось в записке, сражались до 25 румынских дивизий, и общий ущерб, нанесенный ими, оценивался примерно в 6,5–7 млрд долларов.

Комиссия, однако, считала нецелесообразным предъявлять Румынии требования в сумме, превышавшей 2 млрд долларов, так как и ее нелегко будет получить. При этом авторы записки

руководствовались следующими расчётами: единовременные изъятия могут составить 350 млн долларов (*в том числе 100 млн золотом*, т. е. около половины предвоенного запаса) (курсив мой. – Т.П.), 100 млн – подвижной состав железных дорог, 70–75 млн – скот, если включить в репарации 20% общего поголовья, остальное – фабрики, заводы, речные и морские суда и т. п.). Ежегодные поставки могут быть доведены до 160 млн долларов (нефтепродукты, хлебопродукты (зерно, мука, крупа. – Т.П.), скот и пр.). Если бы, по примеру другого германского сателлита – Финляндии, советская сторона исходила из 5-летнего срока выплаты репараций, то всего, по расчетам комиссии, можно было получить с Румынии «350 плюс 500 млн долларов», т. е. 850 млн долларов. Отводя на репарационные поставки 10 лет, можно было ожидать увеличения общей суммы выплат до 1 350 млн долларов. Иными словами, даже за 10-летний срок Румыния не смогла бы выплатить расчетную сумму в 2 млрд долларов (изъятия и ежегодные товарные поставки). Это, по мнению комиссии, делало «естественным» вопрос о частичном покрытии репараций за счёт румынской рабочей силы. Исходя из того, что одна румынская рабочая единица могла дать в год «чистого продукта» на сумму 500 долларов (в «Основных линиях репарационной программы СССР» указывалось, что «чистая продукция» одной немецкой рабочей единицы составляла 750 долларов), то для покрытия ещё недостающих 650 млн долларов (при 10-летнем сроке выплаты репараций) потребовалось бы в среднем использовать труд около 130 тыс. румынских рабочих ежегодно. Однако, упомянув в записке «о привлечении труда сателлитов», авторы подчеркнули, что этот вопрос «является в высшей степени политическим»<sup>1</sup>, и воздержались от каких-либо конкретных рекомендаций.

Подводя итоги проделанного анализа, члены комиссии Майского утверждали: «Сама по себе цифра репараций в 2 млрд долларов не может считаться тяжёлой». Она составляет лишь 16–17% национального богатства Румынии при условии возвращения к ней Трансильвании (против 18–19% в случае с Финляндией). Точно так же ежегодные поставки (за вычетом 350 млн долларов единовременных изъятий) составят 165 млн долларов при

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 45. Д. 131. Л. 19.

10-летнем сроке и 350 млн долларов при 5-летнем сроке, т. е. в среднем ежегодно на одного жителя Румынии [придется] около 10 долларов в первом случае и около 20 долларов во втором случае при национальном доходе примерно в 75 долларов в год на одну душу населения, или около 27% национального дохода». При этом отмечалось, что репарации, которые могут быть предъявлены Румынии, меньше, чем для Финляндии (соответственно распределённые на 5 лет они составят 29 долларов на душу населения при среднем уровне национального дохода Финляндии около 90 долларов на душу населения, или примерно 33% национального дохода). Таким образом, констатировалось в заключение, «мы с полным основанием сможем говорить, что при построении программы наших требований мы подошли к Румынии достаточно мягко и вполне учли её тяжёлое экономическое положение»<sup>1</sup>.

При решении вопроса о репарациях советская сторона принимала во внимание участие Румынии в войне против нацистской Германии на завершающем этапе Второй мировой войны. В соответствии с Соглашением о перемирии с Румынией, заключённом 12 сентября 1944 г. в Москве, репарационные поставки были снижены до 300 млн долларов при условии их выплаты в течение 6 лет<sup>2</sup>. Это составляло менее двух третей от суммы репараций, которые обосновывались комиссией Майского, и лишь одну пятую часть реального ущерба, нанесенного Советскому Союзу в результате военных действий и оккупации советских территорий. Основную сумму репараций румынам предстояло выплачивать товарами и продукцией (зерно, лесоматериалы, морские и речные суда, машинное оборудование и пр.) в течение 6 лет, исходя из расчёта: 35 долларов за унцию золота<sup>\*</sup>. Расчет производился в румынских леях.

Принципиально важным представляется вопрос об «участии» «румынского золота» в репарационных платежах, мимоходом

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> АВП РФ Ф. 07. Оп. 5. П. 47. Д. 131 Л. 14–109, 120, 156; Соглашение о перемирии с Румынией. 12 сентября 1944 г. [Текст] – [runivers.ru/doc/d2.php?SECTION\\_ID=6348&CENTER\\_ELEMENT\\_ID=147437&PORTAL\\_ID=7534](http://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6348&CENTER_ELEMENT_ID=147437&PORTAL_ID=7534).

\* Вес драгоценных металлов обычно исчисляется в тройских унциях. Одна тройская унция равна 31,1034768 гр. золота.



затронутый в вышеприведенной записке Майского Молотову от 29 сентября 1944 г. Конкретными документами на этот счет мы не располагаем, поэтому сошлемся на имеющиеся немногочисленные свидетельства. К сожалению, они не подтверждены конкретными указаниями на источники, но это, на наш взгляд, не дает основания игнорировать информацию (тем более что принадлежит она авторитетным авторам), а является серьезным посылом к верификации и поискам аутентичного материала.

В ряде публикаций, размещенных в интернете, подчеркивается, что, решая послевоенную судьбу Румынии, союзники по антигитлеровской коалиции отказались обсуждать проблему «румынского золота». Британскому премьеру У. Черчиллю приписывают в связи с этим такие слова: «Румыния, помогая Гитлеру и Муссолини, причинила СССР столько вреда, что Сталин вправе сам решать такую проблему: *возможно, он зачтет это золото в качестве румынских репараций...*»<sup>1</sup>. Не ясно, стало ли известно мнение союзников Сталину, но, как указывают известные российские исследователи А.А. Чичкин и П.Д. Луняшин со ссылкой на материалы Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, 65–80% румынских ежегодных репарационных выплат было зачтено золотым запасом<sup>2</sup>. Изучение этого вопроса и введение в научный оборот архивных источников представляется актуальным исследовательским направлением.

Безусловно, репарации негативно отразились на экономике и положении румынского общества. Так, по данным военного министра Румынии в 1945–1946 гг. К. Василиу-Рэшкану, после освобождения Румынии правительство выделило для нужд фронта 121 тонну пшеницы, 78 176 тонн овса, 34 303 тонны кукурузы, 579 голов крупного рогатого скота. Кроме того по репарациям были поставлены различные товары, нефтепродукты, организована перевозка различных грузов, проведены работы

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Лукьянов Ф.* Манящий свет золотых «Плеяд». Румыния продолжает ждать золота из России – [kurier.ru/item/1757-1819-390-manyashchij-svet-zolotykh-pleyad](http://kurier.ru/item/1757-1819-390-manyashchij-svet-zolotykh-pleyad).

<sup>2</sup> *Чичкин А.* Румынское золото в России. Кто кому должен? – [ruspred.ru/art/tnl/5rr.html](http://ruspred.ru/art/tnl/5rr.html); *Луняшин П.Д.* Золото королевской Румынии в России – [zolotodb/article/12334](http://zolotodb/article/12334).



военного характера <sup>1</sup>. Поскольку в послевоенный период финансовая ситуация в Румынии была нестабильная и инфляция стремительно нарастала, то скорректировать платежи по репарациям было достаточно сложно, что вызывало разногласия между румынской и советской стороной. Так, по торгово-экономическому соглашению от 11 сентября 1945 г., подписанному в Москве во время пребывания румынской правительственной делегации во главе с премьер-министром Петру Грозой, репарации должны были выплачиваться натурой по ценам, установленным на 1 апреля 1945 г., в то время как румынская сторона исходила при расчетах из цен июня месяца. Поскольку официальные цены на 1 апреля были в 2,5 раза ниже июньских, соответственно, возросла сумма репараций. Забегая вперед, заметим, что этот вопрос стал предметом обсуждения на самом высоком уровне – во время пребывания румынской торговой делегации в Москве зимой 1947 г. На встрече 2 января 1947 г. руководитель румынской делегации Г. Георгиу-Деж, возглавлявший в тот момент Высший экономический совет и Министерство национальной экономики, попросил советское руководство пересмотреть в сторону уменьшения сумму оставшихся репараций. Он также просил включить в сумму репараций расходы по содержанию советских войск на территории Румынии <sup>2</sup>. 10 февраля 1947 г. Сталин заявил Георгиу-Дежу, что «советское правительство согласилось вновь прийти на помощь Румынии и сделать следующие облегчения:

1) Советское правительство сокращает сумму в 300 миллиардов лей, которую должно выплатить Румынское правительство по статье 12-й Соглашения о перемирии, до 100 миллиардов лей.

2) Советское правительство принимает на себя все расходы, связанные с перевозкой по территории Советского Союза возвращаемого имущества.

3) Советское правительство предоставит по торговому договору заём Румынии в размере 10 миллионов долларов (товарами).

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 056. Оп. 6. П. 53. Д. 105. Л. 71–72.

<sup>2</sup> Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х тт. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 399–401.

Кроме того, Советское правительство предоставит Румынии требуемые ей товары ещё на 15 миллионов долларов, взамен чего получит из Румынии товары также на 15 миллионов долларов»<sup>1</sup>.

Поддерживая левые силы в Румынии, правительство СССР способствовало возрождению национальной экономики. Советские военнослужащие помогали в восстановлении нефтяной промышленности страны, налаживании производства, работы транспорта, связи. Оказывалась помощь румынскому крестьянству. При содействии советских солдат только в октябре 1944 г. было обработано 16 тыс. га земли, восстановлено около 100 мельниц, отремонтировано большое количество сельскохозяйственной техники и инвентаря. По соглашению, подписанному во время пребывания в начале января 1945 г. в Москве румынской делегации во главе с Г. Георгиу-Дежем, в Румынию была направлена группа советских специалистов для восстановления железных дорог; поставлено 200 тонн масел для транспорта; на 2 года отсрочена поставка паровозов и вагонов в счёт репараций<sup>2</sup>.

После прихода к власти в Румынии в марте 1945 г. коалиционного правительства Петру Грозы экономические связи между Румынией и Советским Союзом получили новый импульс. 8 мая 1945 г. были подписаны соглашения о товарообмене и экономическом сотрудничестве. Начались советские поставки чрезвычайно важных для восстановления румынской промышленности сырья и материалов, в том числе цветных металлов, стали, ферросплавов, хлопка. В первые послевоенные годы СССР являлся основным торговым партнёром Румынии. Так, в 1945 г. его доля в экспорте Румынии составляла 94,2%, а в импорте – 97,6%. Советский Союз вернул Румынии полученные в качестве трофеев 115 локомотивов, 15 тыс. вагонов, морские и речные суда. В свою очередь, Румыния поставляла СССР нефть, лес, стройматериалы и т. д.

25 сентября 1945 г. советская сторона передала Румынии 18 военных кораблей, полученных СССР в счет репараций. Церемония передачи состоялась в г. Галаце. Она проходила в исключительно

---

<sup>1</sup> Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 581.

<sup>2</sup> Краткая история Румынии: С древнейших времён до наших дней / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1987. С. 410.

торжественной обстановке, в присутствии короля Михая, королевы-матери Елены и членов румынского правительства во главе с Грозой. С советской стороны в церемонии участвовали Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, заместитель председателя Союзной контрольной комиссии адмирал В.И. Богденко, посол СССР в Румынии С.И. Кавтарадзе. В своем выступлении глава кабинета П. Гроза высоко оценил «широкий и дружественный жест Советского Союза», который, наряду с возвращением Румынии Северного Ардяла (Трансильвании) оказывает помощь в развитии румынской экономики <sup>1</sup>.

Советское правительство не осталось в стороне и в засушливые 1945–1946 годы: выделило 480 тыс. тонн зерна. К сожалению, сегодня за рубежом, в том числе и в Румынии, предпочитают не вспоминать о массовом послевоенном голоде в СССР <sup>2</sup> и, тем более, не задумываться о том, какой ценой осуществлял Советский Союз зарубежные поставки зерна и других продуктов.

Летом 1945 г. в Румынии на двусторонней основе были созданы «совромы» – совместные советско-румынские общества <sup>3</sup>, призванные обеспечить бесперебойную выплату репараций и оснащавшиеся в значительной степени советскими оборудованием и технической документацией. Работали «совромы» по советской модели организации и управления предприятиями, чему во многом способствовали и приехавшие из СССР специалисты. Советскую долю участия в ряде «совромов» обеспечивали бывшие германские активы в Румынии, перешедшие в собственность СССР по Соглашению о перемирии, а затем по Мирному договору с Румынией <sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> *Voicu M.* Tezaurului României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 212.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов. Происхождение и последствия. М., 1996.

<sup>3</sup> Подробнее см.: *Бану Ф.* Деятельность совромов (1945–1956) // Материалы международного научного круглого стола «Советско-румынские экономические отношения после Второй мировой войны (Бухарест, 2017)». С. 10–16 – [rou.rs.gov.ru/uploads/document/file/5157/Catalog\\_relatiile%20economice%20sovieto-romane.pdf](http://rou.rs.gov.ru/uploads/document/file/5157/Catalog_relatiile%20economice%20sovieto-romane.pdf).

<sup>4</sup> *Voicu M.* Tezaurului României de la Moscova. P. 424–425.

Современные румынские историки нередко оставляют «в тени» основное предназначение «совромов», связанное с получением советской стороной репараций, предпочитая трактовать их как «инструмент колониальной эксплуатации румынских ресурсов»<sup>1</sup>. Ясно, что при этом затушевывается и главная причина, вызвавшая к жизни само требование репараций, – статус Румынии как сателлита гитлеровской Германии и оккупационная политика румын на советской территории. Вычеркиваются из национальной памяти такие неудобные и «лишние» для современных трактовок факты, как неоднократное увеличение советским правительством сроков выплаты репараций румынской стороной (они были увеличены с 6 до 8 лет), сокращение в феврале 1947 г. общей суммы репараций (с 300 до 100 млрд лей) и, наконец, отказ СССР от получения репараций с Болгарии, Венгрии и Румынии после создания в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи<sup>2</sup>. В 1954 г. 12 из 16 «совромов» были ликвидированы. Остальные действовали до 1956 г., при этом оставшаяся сумма задолженности была сокращена на 50%<sup>3</sup>. В конце 1956 г. в результате переговоров с румынской партийно-правительственной делегацией во главе с премьер-министром Стойкой Киву (26 ноября – 3 декабря) советское правительство приняло решение пересмотреть в пользу Румынии причитающиеся ему права от выкупа Румынией советской доли участия в бывших «совромах». 9 декабря 1956 г. Киву, выступая по румынскому радио, заявил: «Советское правительство по собственной инициативе уступило в нашу пользу бесплатно всё имущество, принадлежавшее гитлеровской Германии и внесённое как советская доля участия в смешанные румыно-советские предприятия, а также отказался от всех прав на причитающуюся ему долю прибыли. В результате этого то, что ещё осталось платить румынскому государству за выкуп советской доли участия, представляет только стоимость оборудования и установок, которые Советский

<sup>1</sup> *Мачь М.* В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии // Историческая экспертиза. 2015. № 4(5). С. 12.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 65. Д. 1004. Л. 1–2; *Катасонов Валентин.* Репарации по итогам Второй мировой войны: вопрос окончательно не закрыт – [ruskline.ru/opp/2015/5/8/reparacii\\_po\\_itogam\\_vtoroj\\_mirovoj\\_vojny\\_vopros\\_okonchatelno\\_ne\\_zakryt/](http://ruskline.ru/opp/2015/5/8/reparacii_po_itogam_vtoroj_mirovoj_vojny_vopros_okonchatelno_ne_zakryt/).

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 45. П. 250. Д. 25. Л. 36.

Союз направил в Румынию в качестве вклада из своего собственного национального дохода, Кроме того, советское правительство согласилось, чтобы оплата ещё причитающихся ему после всех этих сокращений сумм производилась в течение длительного срока в леях, что значительно выгоднее для Румынской Народной Республики, чем плата валютой»<sup>1</sup>.

Советское правительство пошло навстречу Румынии и в вопросе о содержании советских войск, находившихся на территории страны. Просьбу пересмотреть установленные объемы поставок глава Совета министров П. Гроза 28 апреля 1947 г. передал советскому руководству через посла в Бухаресте С.И. Кавтарадзе. Во 2-м квартале 1947 г. поставки были существенно сокращены: мука – 3 000 тонн вместо полагающихся 5 096, картофель – 500 тонн вместо 1 500, а от поставок крупы во втором квартале советская сторона отказалась полностью<sup>2</sup>.

14 февраля Советский Союз взял на себя расходы, связанные с перевозкой румынского имущества по территории СССР, которые по Соглашению о перемирии были возложены на румынскую сторону<sup>3</sup>.

15 марта советское правительство освободило Румынию от уплаты штрафа на сумму 574 414 американских долларов, начисленного за несвоевременную поставку в 1946 г. промышленного оборудования для железнодорожного транспорта и других товаров во исполнение договора от 16 сентября 1945 г. о выполнении статьи 11 Соглашения о перемирии<sup>4</sup>.

Даже эти неполные сведения опровергают утверждения румынской стороны, в том числе и некоторых современных румынских историков, о том, что ущерб, нанесённый Румынией Советскому Союзу в годы Второй мировой войны был советской стороной многократно преувеличен и сполна возмещен за счёт истощения румынской экономики.

Что касается «румынского золота» и ценностей, хранившихся в СССР, то этот вопрос в течение 20 послевоенных лет на двусто-

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф 4459 (ТАСС). Оп. 17. Д. 17325. Л. 150.

<sup>2</sup> АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9 П. 64. Д. 968. Л. 1–3.

<sup>3</sup> Там же. П. 65. Д. 1004. Л. 2.

<sup>4</sup> Там же. Л. 4.

роннем уровне не поднимался. За это время произошли существенные перемены в социально-политической жизни Румынии. В декабре 1947 г. румынский король Михай отрёкся от престола, была провозглашена Румынская Народная Республика, коммунисты утвердились у власти. Румынская компартия взяла на вооружение советскую модель построения социализма. Следуя в советском фарватере, страна являлась активным членом Коминформа и «социалистического лагеря».

Смерть Сталина в марте 1953 г. открыла этап перестройки в странах советской сферы влияния, пересмотра по советскому примеру прежних позиций в политике, экономике, взаимоотношениях между странами-союзницами. Изменения в каждой из них имели, помимо общих, и свои отличительные черты<sup>1</sup>. Советское руководство, размышляя над совершенствованием структуры «социалистического лагеря» и отношений в рамках восточного блока, постепенно склонялось к пересмотру наследия войны. После волнений в Берлине в июне 1953 г. СССР отказался от репарационных поставок с ГДР, сократил расходы немецкой стороны на содержание частей советских войск в Германии, вернул более 30 крупных немецких предприятий, ранее перешедших в советскую собственность. В 1954 г. были распущены смешанные общества в Болгарии, Венгрии и Румынии, о чем говорилось выше. Именно изменением климата в отношениях СССР с другими восточноевропейскими странами можно объяснить тот факт, в 1955 г. румынская сторона, хотя и робко, поставила перед советским руководством вопрос о возвращении национальных сокровищ, находившихся в Москве.

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Brzeziński Z.* The Soviet bloc. Unity and conflict. Cambridge, 1971. P. 159–166.

## Глава 12

### **Возвращение в Румынию национальных сокровищ. 1955–1956 гг.**

Внутриполитическая борьба внутри советского руководства, развернувшаяся после смерти Сталина, закончилась победой Н.С. Хрущёва. Его путь к абсолютному лидерству под привлекательным лозунгом «коллективного руководства» был простым. Летом 1953 г. с партийного Олимпа был устранен Л.П. Берия, имевший сильное влияние в силовых структурах, а спустя четыре года, в июне 1957 г., и «антипартийная группа» в составе В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова. Перемены в Советском Союзе, именовавшиеся «десталинизацией», запустили механизм внутрипартийной борьбы и в странах Восточной Европы. В Румынии они затронули, в первую очередь, высший эшелон Румынской рабочей партии (РРП \*). После XX съезда КПСС члены Политбюро с довоенным стажем Мирон Константинеску и Йосиф Кишинёвский, опираясь на своих сторонников из промосковски настроенных коммунистов-ветеранов и взяв на вооружение лозунг борьбы против культа личности, предприняли попытку устранить Георге Георгиу-Дежа от руководства партией<sup>1</sup>. Сталинисту Дежу вменялась в вину «антипартийная деятельность». Трудно сказать, поступил ли соответствующий импульс из Москвы или соратники Дежа действовали по собственной инициативе. В результате острейшей борьбы в руководстве партии Георгиу–Деж не только сохранил свои позиции, но и значительно укрепил их. 3 июля 1957 г. на пленуме ЦК РРП Константинеску и Кишинёвский были выведены из состава Политбюро. Позднее бумеранг, запущенный ими в Дежа, вернулся: «фракция Кишинёвского–Константинеску» была обвинена в поддержке сталинистского режима в Румынии.

---

\* Так стала называться Коммунистическая партия Румынии после ее объединения с социал-демократической партией в феврале 1948 г.

<sup>1</sup> См. подробнее: *Betea L. Partea lor de adevărul*. București, 2008. P. 111–114.

Расчетливому, хотя и во многом импульсивному, политику Хрущёву важно было в сложившейся в «социалистическом лагере» обстановке добыть политические дивиденды, показать миру «высокие отношения» между его участниками, далекие от чисто материальных выгод. И случай – да еще какой! – представился. К 1955 г. была закончена колоссальная по объему и сложности работа по реставрации картин Дрезденской галереи. Руководил ею художник Павел Дмитриевич Корин. 30 марта 1955 г. советское правительство приняло решение вернуть Германии шедевры Дрездена. Полотна Рембрандта, Рафаэля, Рубенса, Тициана, Дюрера, Веласкеса, Джорджоне и других старых мастеров – 1240 бесценных творений, спасенных советскими солдатами в мае 1945 г. и советскими художниками – реставраторами в мирное время, ожидало возвращение на родину. А всего Германии было передано 1 млн 850 тыс. предметов искусства, 71 тыс. книжных коллекций, 3 млн архивных дел – военные трофеи Советского Союза, о возвращении которых бывшим владельцам никто в мире и не помышлял <sup>1</sup>.

«Казус Дрездена» создал прецедент, породил надежды на возможности решать вопросы о советских военных трофеях на иной, отличной от традиционной («по праву войны»), основе. Это побудило представителей румынских общественных, государственных, культурных и научных организаций напомнить своему правительству о национальных сокровищах, хранившихся в Москве.

В апреле-мае 1955 г. румынские власти приняли решение основать в Бухаресте Музей национальной истории. Проект его создания обсуждался совместно Румынской академией и отделом науки и культуры ЦК РРП. На одном из заседаний видный историк искусств, искусствовед, коллекционер академик Джордже Опреску заговорил о румынских сокровищах, эвакуированных в годы Первой мировой войны вместе с «румынским золотом» в Москву. Опреску напомнил, в частности, об археологической находке 1837 г. – кладе из Петроасы и одной из его жемчужин – золотых фибулах «Наседка с цыплятами», имевших особую историческую ценность. Выразив надежду, что эта реликвия

---

<sup>1</sup> Возвращение шедевров Дрезденской галереи – [gia.ru/20050830/412540016.html](http://gia.ru/20050830/412540016.html)



еще находится в Москве, Опреску с ностальгией заметил: «Может, когда-нибудь мы увидим их в Бухаресте?». Речь зашла также и о картинах знаменитых румынских художников – Николае Григореску и Теодора Амана. Было высказано пожелание, чтобы руководство страны обратилось к советскому правительству с просьбой о возвращении румынских сокровищ.

В июне 1955 г. в Румынской академии была создана научная комиссия по изучению монументальных исторических и художественных памятников, Большую помощь в налаживании ее работы оказывали П. Цугуй, заведующий отделом науки и культуры ЦК РРП, и министр культов академик Петре Константинеску-Яшь, старейший член компартии, один из создателей в середине 1930-х гг. Общества друзей СССР, видный политический деятель послевоенной Румынии. Он напомнил членам комиссии о передаче Румынии в 1935 г. национальных архивов и останков видного политического деятеля XVIII в. Дмитрия Кантемира<sup>1</sup>. На встрече с государственными и партийными руководителями Э. Боднэрашем и Г. Апостолом Константинеску-Яшь и заместитель председателя Государственного комитета планирования академик Василе Малинский подробно проинформировали о золотом запасе Национального банка Румынии и ценностях, эвакуированных в Россию<sup>2</sup>.

3 мая 1955 г. в Москве в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина открылась выставка картин Дрезденской галереи. В 14 залах музея было выставлено 515 выдающихся произведений мировой живописи. Поток посетителей не иссякал до 25 августа: очереди растягивались на многие километры. Чтобы попасть в музей, люди дежурили по ночам... По данным ГМИИ, «попрощаться» с шедеврами Дрездена накануне их отправки в ГДР смогли 1 млн 200 тыс. человек<sup>3</sup>.

Информация о московской выставке произвела сильнейшее впечатление в кругах румынских интеллектуалов. В ЦК РРП

<sup>1</sup> *Țugui P.* Hrușcirov, Georghiu-Dej și Tezaurul României de la Moscova – în anii 1955–1956 // *Cultura. Săptămânal*, editat de fundația culturală Română, 25 iulie 2013. P. 19.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Voicu M.* Tezaurului României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 221–222.

<sup>3</sup> «Пушкинскому» музею – 100 лет –100.arts-miseum.ru/exhibition/white5/ index.php

и Министерство иностранных дел стали поступать обращения ученых, деятелей культуры и искусства о возвращении на родину золота, а также исторических и художественных ценностей<sup>1</sup>. По версии П. Цугуя, впервые румынская сторона подняла этот вопрос во время пребывания советской делегации в Румынии по случаю празднования 11-ой годовщины освобождения Румынии от фашизма. 23 августа 1955 г. на приёме в загородной резиденции румынского правительства в Снагове Георгиу-Деж, Гроза, Боднэраш и Апостол, уловив момент, завели с Хрущёвым разговор о проблемах, более всего волновавших румынскую сторону в тот момент: о выводе советских войск из Румынии и о возвращении в страну историко-художественных ценностей. Попутно обсуждались также перспективы развития национальной энергетической системы и индустриализации<sup>2</sup>. Советский лидер находился в прекрасном настроении и, желая способствовать развитию дружественных отношений с «румынскими друзьями», с пониманием отнесся к их проблемам.

Вплоть до начала февраля 1956 г. шла работа по подготовке решения «инстанции» о передаче Румынии историко-художественных ценностей. Соответствующее предложение и проект постановления по нему, как следует из документов, поступили из КГБ СССР в МИД, поскольку КГБ курировал Гохран СССР, в ведении которого находились кладовые Московского Кремля. Из секретариата заместителя министра иностранных дел В.В. Кузнецова проект был передан на заключение заместителю заведующего V Европейским отделом МИД К.Д. Лёвычкину. 11 февраля 1956 г. Лёвычкин в докладной записке Кузнецову (копия была направлена послу в Румынии А.А. Епишеву) сформулировал позицию отдела. «В связи с решением Инстанций по внесённому Комитетом государственной безопасности предложению о возвращении румынскому правительству исторических и культурных ценностей, хранившихся в СССР со времён Первой мировой войны, считал бы целесообразным:

1. Предложение КГБ поддержать.
2. Проект постановления дополнить [следующим пунктом]:

---

<sup>1</sup> *Țugui P. Hrușcirov, Georghiu-Dej și Tezaurul României de la Moscova.* P. 21.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 20.

Поручить МИД СССР сообщить правительству РНР о решении передачи ему румынских исторических и культурных ценностей, хранившихся в СССР.

3. В проекте сообщения для печати указать, что решение о передаче румынских ценностей, полученных в 1916 г. на хранение, принято в связи с окончанием работы по их выявлению и сбору. Такая формулировка могла бы предотвратить возможность неправильного толкования того факта, что указанные ценности не были возвращены Румынской Народной Республике ранее»<sup>1</sup>.

Понятно, что намерение советской стороны избежать «неправильного толкования» вопроса о возвращении ценностей преследовало цель снять возможные упреки в адрес советского руководства в нежелании передать их румынской стороне.

В конце мая 1956 г. в Бухаресте было получено письмо за подписью Н.С. Хрущёва, адресованное Г. Георгиу-Дежу<sup>2</sup>. Этот документ, сохраняемый в Центральном национальном историческом архиве, впервые был опубликован в 2003 г. в румынском журнале «*Dosarele istoriei*» («Архивы истории»). «ЦК КПСС, в целях дальнейшего укрепления дружбы между советским и румынским народами, – говорилось в письме, – принял решение передать Правительству Румынской Народной Республики исторические ценности прикладного, декоративного и изобразительного искусства. Эти произведения, имеющие большую историческую и художественную ценность, были переданы румынским правительством во время Первой мировой войны. В годы Великой Отечественной войны все советские архивы и государственные ценности, в том числе и румынские, были эвакуированы в безопасные районы страны. К настоящему времени советские учёные и специалисты завершили работу по изучению и систематизации ранее эвакуированных фондов. Разобраны, полностью выявлены и систематизированы также и румынские исторические ценности. ...Мы придаём акту передачи Правительству РНР художественных ценностей важное политическое значение». В письме указывалось, что решение советской стороны о передаче

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 38. П. 55. Д. 22. Л. 1.

<sup>2</sup> Приблизительная дата письма установлена П. Цугуем на основании изучения материалов канцелярии ЦК РРП.

Румынии национальных ценностей будет опубликовано в начале июня <sup>1</sup>.

Вопрос о возвращении собственно золотого запаса ни одной из сторон в 1955–1956 гг. не поднимался.

Подготовка передачи ценностей требовала серьезной работы. По оценке специалистов на нее могло уйти около двух месяцев. Предстояло составить подробные передаточные описи и провести консервацию и реставрацию некоторых картин. В этой работе участвовала большая группа специалистов и сотрудников Оружейной палаты Московского Кремля и Центральной художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры СССР.

Официальный акт передачи предполагалось провести в Москве в первой половине июля 1956 г. Для приёма ценностей в Москве ожидалась румынская делегация. Отправку предстояло осуществить в конце июля – начале августа 1956 г., с таким расчётом, чтобы ценности были доставлены в страну к национальному празднику 23 августа – дню освобождения Румынии от фашистской Германии <sup>2</sup>.

12 июня 1956 г. газета «Известия» поместила сообщение ТАСС о решении Совета министров СССР передать румынскому правительству исторические ценности с целью «дальнейшего укрепления нерушимого братского сотрудничества с между советским и румынским народами» <sup>3</sup>. В связи с решением правительства коменданту Московского Кремля генерал-лейтенанту А.Я. Веденину поступило распоряжение сообщить руководству страны о наличии в кладовых Московского Кремля историко-художественных ценностей, в том числе золота, серебра и драгоценных камней (в изделиях), и подготовить их к передаче румынской стороне. 2 июля 1956 г. Веденин докладывал Хрущёву: «В государственную палату Московского Кремля Особой комиссией при ЦК РКП(б) по разбору румынских ценностей и архивов в 1923 г. было передано на хранение музейное имущество, со-

<sup>1</sup> *Țugui P.* Hrușciov, Gheorghiu-Dej și Tezaurul României de la Moscova. // *Dosarele istoriei.* 2003. № 6. P. 61.

<sup>2</sup> *Ibid.*

<sup>3</sup> *Известия.* 12 июня 1956 г.

стоящее из предметов каменного века, древних золотых монет, начиная с VI века до н. э. – в количестве 1 257 штук, серебряных – 18 611 штук, медных – 13 055 штук, золотых медалей – 13 штук, серебряных – 416 штук и медных – 1 626 штук, разных пакетов – 278 штук, личные бытовые украшения (серьги, кольца, браслеты, различные печати), церковная утварь (одежда, евангелия, потиры и другое) – [495 штук] (так значилось в протоколе о передаче ценностей. – Т.П.).

В музейных ценностях насчитывается:

золота	33 кг 587 г	рубинов	3 003 карата
серебра	690 кг 245,9 г	изумрудов	18 455 карат
бриллиантов	22,12 карат	жемчуга	881,05 карата

Кроме того, имеется 1.300 картин, большинство из которых написаны известными румынскими художниками. В настоящее время указанные предметы нумизматики, декоративного искусства и живописи выставлены для осмотра». (Заметим, что «осмотр» состоялся. 1 июля Оружейную палату Кремля, где были выставлены ценности, посетили министр культуры СССР Н.А. Михайлов и сотрудники ЦК КПСС).

Руководствуясь решением правительства, Веденин предлагал «подготовку и передачу румынских ценностей ...поручить Отделу науки ЦК КПСС, Министерству культуры СССР, совместно с Управлением коменданта Московского Кремля».

Румынская сторона тоже готовилась к важному событию. Первоначально предполагалось, что в Москву отправится партийно-правительственная делегация во главе с председателем Совета министров Стойкой Киву либо его заместителем Мирном Константинеску. Об этом шла речь на заседании Политбюро ЦК РРП 3 июля 1956 г. Однако поскольку в письме Хрущёва говорилось только об исторических и художественных ценностях, было решено направить в Москву специалистов. 9 июля 1956 г. член Политбюро ЦК РРП Мирон Константинеску собрал у себя в кабинете академиков – Президента Румынской академии Траяна Сэвулеску, директора Института дружественных связей с границей Михаила Ралю и др. Присутствовали также министр культуры К. Крэчун, члены ЦК РРП, возглавлявшие отделы

культуры и пропаганды, представители МИД. Константинеску зачитал письмо Хрущёва, после чего было обсужден и намечен состав делегации. В ее состав вошли: академик Раля (руководитель), историки, искусствоведы, музейные работники и др. Партийные и государственные функционеры были представлены лишь послом Румынии в Москве М. Далей и первым заместителем министра культуры К. Присней.

28 июля 1956 г. румынская делегация прибыла в Москву. Гостей принимал заместитель министра культуры С.В. Кафтанов. 1 августа они посетили Московский Кремль для осмотра ценностей, подготовленных к отправке в Румынию. Делегацию сопровождал комендант Кремля генерал-лейтенант А.Я. Веденин.

6 августа был подписан протокол о передаче правительству РНР исторических ценностей национального прикладного, декоративного и изобразительного искусства. Документ подписали с советской стороны министр культуры Н.А. Михайлов, с румынской – глава делегации академик М. Раля. При подписании протокола присутствовали генерал-лейтенант А.Я. Веденин, заместители министра культуры СССР С.В. Кафтанов, Г.А. Орвид, В.И. Пахомова, с румынской стороны – первый заместитель министра культуры РНР К. Присня, директор Института истории искусств Румынской академии Д. Опреску, директор Национального музея искусств М. Бунеску и др. В протоколе говорилось: «В Советском Союзе находятся 39 320 произведений румынского искусства, в том числе: 1 350 картин, гравюр и рисунков, 156 икон, 418 изделий из тканей, 495 предметов светской и церковной утвари, 33 068 монет, 2 465 медалей, 1370 предметов прикладного искусства. Общий вес золота, содержащегося в них, – более 33 килограммов, серебра – более 600 кг. Кроме того, имеется немало драгоценных камней».

Как следовало из протокола, передача ценностей осуществлялась на основании описи Государственной Оружейной палаты и оформлена списками, составленными по различным видам искусства. В списках были указаны автор, название экспоната, материал, техника, размер. Списки были составлены в двух экземплярах и подписывались представителями сдающей и принимающей сторон. Один экземпляр списков должен был храниться в СССР и один в РНР.

Подготовка приёмо-сдаточной документации проводилась в Государственной Оружейной палате советскими специалистами, уполномоченными на то Министерством культуры СССР и комендантом Московского Кремля, с одной стороны, и группой румынских специалистов по поручению руководства Румынской Народной Республики, с другой.

Работа завершилась подписанием заключительного акта, включавшего в себя перечень всех передаваемых Советским Союзом и принимаемых Румынской Народной Республикой экспонатов. Он представлял собой три тома в кожаных переплетах. Подписи под актом поставили лица, уполномоченными на то правительствами обеих сторон. Было опубликовано совместное коммюнике об окончании работы.

Безусловно, в Румынию вернулись бесценные сокровища: золотые монеты македонского царя Александра III, египетского царя Птолемея I, фракийского царя Лисимаха, монеты-чеканки римских и византийских императоров, арабских халифов, золотые предметы из археологических раскопок, датируемые последними столетиями до нашей эры и началом нашей эры. В числе возвращенных археологических находок значились национальная гордость страны – золотая «Наседка с цыплятами» и серебряный ритон из раскопок в Поройна-Маре. Среди картин были полотна известных западноевропейских мастеров и картины кисти румынских художников – последователя барбизонской школы, «великого лирика» живописи Николае Григореску, известного живописца и графика, основателя Школы изящных искусств в Бухаресте, позднее ставшей Институтом изобразительного искусства, Теодора Амана, художников-импрессионистов Штефана Лучиана, Йона Андрееску и других.

На протяжении нескольких месяцев (июнь-сентябрь 1956 г.) в румынской прессе публиковались статьи членов делегации, видных ученых, искусствоведов, писателей, журналистов, поведующие о национальных сокровищах. Академик А. Оцетя 10 августа в газете «Скынтейя» выступил со статьей «Свидетельство братской дружбы», в которой отметил, что все ценности были инвентаризированы, изучены, классифицированы и оценены советскими специалистами с большим знанием дела,



а проведенная реставрация вернула старым полотнам прежнюю прелесть<sup>1</sup>. На пресс-конференции в Бухаресте, состоявшейся 17 августа, академик М. Раля заявил, что возвращение исторических ценностей в Румынию свидетельствует о дружеских чувствах советского народа к румынскому. Румынские ценности, которые находились в Москве в течение 40 лет, были не только сохранены, но и отреставрированы, что позволило спасти многие предметы художественного и декоративного искусства. Известно, подчеркнул академик Раля, что сокровища греческого Акрополя, находки из раскопок в Египте, итальянские картины остались в музеях Европы и не были возвращены странам – владельцам. В Советском Союзе была проведена огромная работа по спасению румынских ценностей, в то время как в годы войны многие советские реликвии были утеряны<sup>2</sup>. На эту же тему были опубликованы статьи Т. Аргези<sup>3</sup>, Г. Калинеску<sup>4</sup>, К. Дайковичу<sup>5</sup>, Д. Опреску<sup>6</sup>, А. Оцети<sup>7</sup> и других. В 1958 г. в Румынии вышла коллективная монография, посвящённая румынским историческим и художественным ценностям, переданным Румынии в 1956 г. Монография включала разделы по нумизматике, археологическим артефактам, иконописи, и изобразительному искусству и пр. Вступительная статья была написана руководителем румынской делегации академиком М. Ралей<sup>8</sup>.

По просьбе румынской стороны, уже после возвращения сокровищ в Румынию, 9 августа 1956 г., А.Я. Веденин составил и передал заведующему V Европейским отделом МИД СССР И.К. Зам-

---

<sup>1</sup> Сообщение ТАСС от 10 августа 1956 – ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 17. Т. 1. Д. 17323. Л. 175.

<sup>2</sup> *Scînteia*. 1956. 17 august.

<sup>3</sup> *Arghezi T.* Am intrat într-un vast univers de miracole lămurite. Toastul rostit la Kremlin la preluare tezaurului de arte pestrată din URSS // *Lumea veche, Lumea nouă*. București, 1958. P. 267–272; *Idem.* Strălucitul tezaur // *Contemporanul*. 1956. 17 august. P. 2.

<sup>4</sup> *Călinescu G.* Cronica optimismului. Cloșca cu pui // *Contemporanul*. 1956. 22 iunie. P. 5.

<sup>5</sup> *Daicovicu C.* Valori istorice // *Contemporanul*. 1956. 22 iunie. P. 5.

<sup>6</sup> *Opreșcu G.* Comori noastre se întore acasă // *Contemporanul*. 1956. 10 august.

<sup>7</sup> *Oțetea A.* Un gest prietenie frățescă // *Scînteia*. 1956. 10 august.

<sup>8</sup> *Studii asupra Tezaurul, restituite de URSS*. București, 1958. 276 p.



чевскому список сотрудников, проводивших ответственную работу по подготовке передачи румынских ценностей. В списке значились 14 человек:

«От Оружейной палаты:

1. Захаров Николай Никитович – заместитель директора Государственной Оружейной палаты. Непосредственно охранял ценности с 1939 г., обеспечивал их эвакуацию во время войны 1941–1945 гг. Провёл большую работу по составлению описей, подготовил и обеспечил передачу ценностей.

2. Гордеев Николай Васильевич – научный сотрудник Государственной Оружейной палаты. Более 2-х лет принимал участие в сохранении ценностей, провёл большую работу по выявлению, систематизации ценностей и составлению описей.

3. Писарская Людмила Васильевна – научный сотрудник Государственной Оружейной палаты – Принимала участие в разборе, описании ценностей, создании экспозиции и кинофильма.

4. Германюк Владимир Михайлович – реставратор Государственной Оружейной палаты. Принимал личное участие в хранении изделий из драгоценных металлов.

5. Бехтер Георгий Сергеевич – реставратор Государственной Оружейной палаты. Принимал личное участие в хранении картин и икон. Активно участвовал в упаковке и отправке ценностей.

6. Бакланова Мария Григорьевна – реставратор Государственной Оружейной палаты. Проявила большую заботу о сохранении тканей, одежд, их консервации и упаковке.

7. Красавина Тамара Ивановна – контролёр Государственной Оружейной палаты. Провела большую работу по составлению картотеки предметов румынского искусства. Активно участвовала в передаче и упаковке ценностей.

8. Королёва Луиза Ивановна – контролёр Государственной Оружейной палаты. Провела большую работу по составлению картотеки предметов румынского искусства. Активно участвовала в передаче и упаковке ценностей.

9. Копчиков Сергей Андреевич – заведующий деревообрабатывающей мастерской. Обеспечил своевременное изготовление тары для упаковки ценностей.

10. Захарова Наталья Романовна,

11. Чернышёва Анна Дмитриевна – технические работники Государственной Оружейной палаты. Обеспечивали охрану, поддерживали чистоту и порядок в хранилище ценностей.

От Центральной художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры СССР

12. Александровский Михаил Алексеевич – заведующий отделом мастерской. Руководил работой и принимал личное участие в реставрации изделий из драгоценных металлов.

13. Чураков Степан Сергеевич – заведующий отделом мастерской. Руководил реставрацией картин, обеспечивал их упаковку и транспортировку.

14. Карасёва Вероника Николаевна – старший реставратор мастерской. Провела большую работу по реставрации картин»<sup>1</sup>.

Все указанные сотрудники были награждены румынским правительством.

Значительным событием в культурной и общественно-политической жизни страны стала выставка вернувшихся историко-художественных ценностей. Она была приурочена к 12-й годовщине освобождения Румынии от фашизма. 22 августа Национальный музей искусств принял первых посетителей. Выставку открыла министр культуры К. Крэчун. Почетными гостями стали руководители РРП и государства Г. Георгиу-Деж, П. Гроза, К. Стойка, Г. Апостол, Э. Боднэраш, П. Борилэ, Н. Чаушеску, Й. Кишинёвский, Ал. Могиорош, Ал. Дрэгич, К. Пэрвулеску, Ал. Бырлэдяну и другие члены Политбюро и ЦК РРП. Цвет румынской науки представляли академики Д. Опреску, М. Бенюк, И. Изер, Ал. Граур, Н. Лупу и другие. На открытии присутствовали аккредитованные в Бухаресте дипломаты, журналисты, представители общественности<sup>2</sup>.

В центральном зале устроители выставки разместили нумизматическую экспозицию. Были представлены монеты готско-дакского периода, византийские, римские, греческие монеты и монеты более позднего периода, в том числе и румынские. Здесь же находилась выставка медалей. В центре соседнего зала были выставлены золотая «Наседка с цыплятами» из клада Петроасы

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 38. П. 55. Д. 22. Л. 61–64.

<sup>2</sup> *Voicu M. Tezaurului României de la Moscova. P. 230.*

и серебряный с золотыми вставками ритон из клада в Поройна-Маре. Поблизости располагались коллекции изделий из золота и серебра с драгоценными камнями эпохи Средневековья (более тысячи предметов) – броши и другие ювелирные изделия, иконы и рукописи в дорогих оправках, средневековые вышивки времён молдавских господарей Штефана Великого, Александру Лэпушняну и др.<sup>1</sup> В первый же день выставку посетили более 3,5 тыс. человек, а всего на ней побывали более 278 тыс. человек. Выставка продолжалась с 22 августа 1956 г. до праздника Рождества, 25 декабря. Произведения живописи были выставлены в картинной галерее Национального музея искусств<sup>2</sup>.

Возвращение национальных реликвий стало значительным событием в общественной и культурной жизни страны. 6 августа Председатель Совета министров Стойка Киву в письме главе советского правительства Н.А. Булганину выразил благодарность за дружественный акт Советского Союза. В письме отмечалось: «...Передача художественных ценностей служит полному восстановлению румынской художественной сокровищницы, ставшей в годы народной власти подлинным достоянием народа. Несомненно, что они являются важным вкладом в дело подъёма художественного творчества, в развитие художественных исследований и художественного и патриотического воспитания всего румынского народа и придадут новый блеск художественным и историческим коллекциям в РНР – вкладом нашей страны в мировую цивилизацию и культуру.

Уверяю Вас, уважаемый товарищ Председатель, что наше правительство и наш народ никогда не забудет этого жеста искренней дружбы советского правительства, являющегося новым вкладом в дело укрепления братских отношений между Румынской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик»<sup>3</sup>.

Советская сторона неоднократно подчёркивала, что Румынии были переданы все художественные ценности, сохранявшееся в СССР. Со временем румынская сторона стала выражать

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 231.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Ibid. P. 232–234.

<sup>3</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 38. П. 55. Д. 22. Л. 68.

сомнения по этому поводу. Однако сколько-нибудь веских аргументов на этот счёт или претензий по поводу конкретных произведений художественного и изобразительного искусства она предъявить не может. Хотелось бы напомнить, что в тяжёлые для советского государства 20-е – 30-е гг. XX в., когда распродавались художественные ценности крупнейших российских музеев, изымались старинные иконы, бесценные рукописи и книги, золотая и серебряная утварь церквей, советская власть смогла сохранить историко-художественное достояние и ценности Румынии и передать их в 1956 г. румынскому народу.

## Глава 13

### Проблема «румынского золота» на переговорах в Москве.

1965 г., сентябрь

Вопрос о возвращении золота был поднят румынским руководством почти десять лет спустя после передачи историко-художественных ценностей. В сентябре 1965 г. состоялся визит в Москву румынской партийно-правительственной делегации во главе с Николае Чаушеску. Это была первая поездка румынского лидера в Москву в качестве Генерального секретаря Румынской коммунистической партии \* после смерти в марте 1965 г. Г. Георгиу-Дежа. Несколькоими месяцами ранее Бухарест посетила советская партийная делегация, возглавляемая Л.И. Брежневым, которая присутствовала на IX съезде РКП. За прошедшее десятилетие многое изменилось во взаимоотношениях между СССР и Румынией. Первые признаки напряжённости между странами стали проявляться после вывода из Румынии в 1958 г. советских войск, что позволило Бухаресту в какой-то степени ослабить давление Москвы. В справке МИД СССР от 6 ноября 1964 г. отмечалось, что с конца 1962 г. стал наблюдаться «некоторый отход Румынии от общей линии социалистических стран»<sup>1</sup>. Негативные последствия имели визиты Н.С. Хрущёва в Румынию в 1962 и особенно в 1963 гг. Советский лидер нередко вел себя бестактно, донимал советами и наставлениями, что раздражало и обижало румын. В Бухаресте искусно использовали противоречия в международном коммунистическом движении, прежде всего разногласия между СССР и Китаем. В условиях конфронтации между Западом

---

\* IX съезд (19–24 июля 1965 г.) принял новое название партии – Румынская коммунистическая партия (РКП) и постановил вести отсчёт её съездов от года создания партии (1921 г.).

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 54. П. 289. Д. 16. Л. 17. Подробнее см.: *Buga V. Pe muchie de cujit. Relații româno-sovietice. 1965–1989. București, 2013. P. 180–208; Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е ... Экономика, политика, культура / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 177–206.*

и Востоком румынское руководство заняло особую, отличную от СССР, позицию по ряду международных вопросов. Разногласия проявились также в деятельности Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Румыния выступила против советского понимания интеграционных процессов в рамках социалистического содружества. Учитывая довольно сильное советское влияние в румынской армии и спецслужбах, румынское руководство провело кадровые перестановки в силовых структурах и их чистку от «агентов советского влияния». До минимума было сокращено число советских советников, находившихся в Румынии. В пропаганде стала подчёркиваться, главным образом, роль внутренних факторов в социалистическом строительстве. Политика дистанцирования и курс на самостоятельность нашли концептуальное выражение в Декларации о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятой на апрельском пленуме ЦК РРП 1964 г. Российский учёный А.В. Васильев считает, что именно в 1964–1965 гг. во внешней политике Румынии окончательно сформировался «особый курс»<sup>1</sup>, зачатки которого Чаушеску унаследовал от своего предшественника Георгиу-Дежа. Гипертрофирование национального фактора привело, в конечном итоге, к концепции «национального коммунизма».

С приходом к власти Чаушеску никакого прорыва в отношениях Румынии и СССР не произошло, на что надеялись советские лидеры. Однако в руководстве возлагали надежды на предстоящую в сентябре 1965 г. встречу на высшем уровне в Москве. Эти надежды подпитывали также обнадеживающие донесения из советского посольства в Бухаресте. Так, в одном из них говорилось, что после смерти Георгиу-Дежа румынская сторона не раз заявляла о желании развивать и углублять дружественные связи с СССР.

Советская сторона готовилась к визиту. Незадолго до прибытия высоких гостей в ЦК КПСС был рассмотрен вопрос об организации пребывания делегации в СССР. Хозяева следовали лучшим торжественно-помпезным традициям советских времён.

---

<sup>1</sup> *Васильев А.В.* «Особый курс» Н Чаушеску – внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. М., 2001. С. 72–97.

В принятом постановлении говорилось: «На подступах к Москве в случае благоприятной погоды самолет встретить (и проводить) эскортом военных самолётов. На аэродроме при встрече (проводах) произвести артиллерийский салют (21 залп). На аэродроме выстраивается почётный караул, предусматривается присутствие глав дипломатического корпуса. Исполняются гимны СРР и СССР. Поездки делегации в Ленинград и Волгоград. Приветствие делегации от аэродрома до резиденции.

3 сентября.

Соответственно: обед в Грановитой палате (Большой Кремлёвский Дворец).

4 сентября:

Начало переговоров после посещения румынской делегацией Мавзолея В.И. Ленина и возложения венков.

5 сентября. Отдых на загородной даче.

6 сентября.

Посещение Волгограда.

7 сентября.

Отлёт из г. Волгограда в г. Ленинград.

9 сентября.

Отлёт (или отъезд на спец[иальном] поезде). Возможны переговоры.

10 сентября.

Резервное время. Переговоры провести 10 сентября с. г. в Кремлёвском Дворце; митинг советско-румынской дружбы с выступлением Л.И. Брежнева.

Подписание документов. Приём на 600 человек»<sup>1</sup>.

3 сентября 1965 г. представительная румынская партийно-правительственная делегация во главе с Н. Чаушеску прибыла в Москву. В её состав входили премьер-министр И.Г. Маурер, министр иностранных дел К. Мэнеску, члены Политбюро ЦК РКП Г. Апостол, А. Бырлэдяну, П. Никулеску-Мизил, М. Мэнеску, посол РНР в СССР Н. Гуинэ и др.

Советскую делегацию на переговорах возглавил Л.И. Брежнев. Ее состав: А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, А.Н. Шелепин, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко, Л.Ф. Ильичёв, посол СССР в Румынии

<sup>1</sup> АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 55. П. 292. Д. 16. Л. 10–18.

И.К. Жегалин и др. Советская сторона намеревалась обсудить вопросы двусторонних отношений, а также согласовать действия СССР и Румынии на международной арене<sup>1</sup>. Но, как оказалось, у гостей были другие планы.

В 2003 г. румынские историки М. Антон и И. Кипер опубликовали стенограмму переговоров<sup>2</sup>. Поскольку советский альтернативный записей находится на особом режиме хранения и не доступен исследователям, автор считает целесообразным подробно воспроизвести румынскую версию.

Итак, неожиданно для хозяев, на первом же заседании 4 сентября, при обсуждении повестки дня румынская делегация подняла вопрос о возвращении в страну «румынского золота», эвакуированного в Россию в 1916 г. Забойщиком стал заместитель председателя Совета министров РНР А. Бырлэдяну. Впоследствии он вспоминал, что этот вопрос был заранее, еще в Бухаресте, включён в список проблем для обсуждения в Москве, и тогда же роль запевалы была поручена ему. Готовясь к выступлению, Бырлэдяну проштудировал единственную имевшуюся к тому времени публикацию – обстоятельную книгу М. Гр. Ромашкану «Сокровища Румынии в Москве», изданную в 1934 г. и находившуюся в спецхране<sup>3</sup>.

Советскую делегацию выступление Бырлэдяну застигло врасплох, произвело эффект разорвавшейся бомбы<sup>4</sup>. По воспоминаниям Бырлэдяну, Брежнев воскликнул: «Золото? Какое золото? Мы ничего не знаем об этом золоте!»<sup>5</sup>. В ответ Бырлэдяну заявил, что, поскольку история находящегося в Москве «румынского золота» достаточно хорошо известна, он лишь кратко изложит суть проблемы. Обрисовав сложившуюся в Румынии в 1916 г. обстановку, Бырлэдяну рассказал о решении румынского правитель-

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Покивайлова Т.А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. С. 194–196.

<sup>2</sup> *Anton M., Chiper I.* Înstaurarea regimului Ceaușescu. Contiunitatea și reptură relații româno-sovietice. București, 2003. P. 128–221.

<sup>3</sup> *Betea L. Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iiiescu.* Convorbiri. București, 1998. P. 164–165.

<sup>4</sup> *Покивайлова Т.А., Стыкалин А.С.* Из истории советско-румынских отношений в эпоху социализма // Славянский альманах 2016. Вып. 3–4. М., 2016. С. 189.

<sup>5</sup> *Betea L. Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iiiescu.* P. 166.



ства эвакуировать золото Национального банка, драгоценности королевы Марии, архивы и другие национальные ценности в Москву. Особый акцент он сделал на указание В.И. Ленина Главнокомандующему Южным революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией В.А. Антонову-Овсеенко от 18 февраля 1918 г. о том, что «*большие ЦЕННОСТИ румынского правительства* (выделено мной. – Т.П.) нужно сохранить с особой тщательностью и при благоприятной ситуации передать их в руки румынского народа после победы над румынской контрреволюцией»<sup>1</sup>. «Сегодня, – продолжал Бырлэдяну, – в рамках новых отношений между социалистическими странами, между двумя народами, которые идут по пути строительства социализма и коммунизма, мы ставим перед вами проблему о передаче золотого запаса его истинному собственнику – румынскому народу. Мы считаем, что возвращение золотого запаса для нашей страны будет иметь, помимо значительного экономического значения, и особое политическое значение. Это будет означать осуществление завета Ленина, продемонстрирует принципиальные основы, на которых строится дружба и братское сотрудничество между нашими народами»<sup>2</sup>. Впоследствии Бырлэдяну в беседе с румынской исследовательницей Л. Бетя заметил, что на переговорах члены делегации «использовали указание В.И. Ленина как секретное оружие».

Советскому Союзу впервые были предъявлены претензии на возвращение 93-х тонн золота без учета стоимости ценностей, которые уже вернулись в Румынию. Речь не шла ни о соотношении золотого рубля к франку и золотому лею в момент передачи румынского золота в Россию в 1916–1917 гг. (в то время

<sup>1</sup> Anton M., Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu. P. 133. Бырлэдяну цитирует неточно: в действительности, в телеграмме Ленина Антонову-Овсеенко от 17 февраля 1918 г. говорилось: «*Богатые СКЛАДЫ румынского правительства* надо охранить сугубо строго, чтобы передать в сохранности румынскому народу после свержения румынской контрреволюции» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Том 50. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919. М., 1970. Док. № 83. С. 44. Телеграмма была впервые опубликована в: Ленинский сборник XXXVI. М., Политиздат, 1959). Очевидно, что речь шла о складах румынского имущества в Херсоне, Николаеве, Одессе и др. городах на юге России (См. главу 5).

<sup>2</sup> Anton M., Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu. P. 133–134.

один золотой рубль стоил 2,6 золотого франка, а стоимость лея была приравнена к французской валюте), ни о форс-мажорной ситуации в России накануне Октябрьской революции и в первые годы после неё. При упоминании Бырлэдяну Бессарабии как румынской провинции, возмущился А.Н. Косыгин: «Мы не знаем этого слова. Есть Молдавская социалистическая республика, есть молдавский народ, который мы уважаем и любим». «Пусть будет так, – ответил Бырлэдяну, – но Ленин употреблял это название»<sup>1</sup>. На этом 4 сентября дискуссия была прервана: Брежнев заявил, что будут подняты все документы для разъяснения этого вопроса.

9 сентября 1965 г., после возвращения румынской делегации из Волгограда и Ленинграда обсуждение вопроса о «румынском золоте» было продолжено.

Сразу же выяснилось, что реакция советского руководства была негативной. Брежнев выразил недоумение, что через полвека был поднят вопрос, касающийся взаимоотношений между царской Россией и королевской Румынией. «Спустя 50 лет, – заявил Брежнев, – началась дискуссия между двумя социалистическими странами, которые в своё время отказались от признания подобных договоров, установили братские дружественные отношения, вместе пережили Вторую мировую войну, нашли в себе силы отказаться от всех неприятностей, связанных с войной, с потерями советского народа в этой войне и несчастьями, постигшими румынский народ. Потребовались десятилетия, чтобы избавиться от боли и страданий, которые надолго поселились в душах людей»<sup>2</sup>.

Далее Брежнев остановился на некоторых моментах истории «румынского золота». Он заявил, что – общее количество груза, отправленного в Россию, в целом соответствует тем данным, которые привёл Бырлэдяну. «Однако чёткого контроля за отправленными ценностями не было, так как эвакуация проходила в условиях войны, и транспортировка ценностей (как и их оценка, добавлю от себя. – Т.П.) осуществлялась на доверии. Когда же позднее часть ящиков была вскрыта, то обнаружилась

---

<sup>1</sup> Betea L. Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. P. 167.

<sup>2</sup> Anton M., Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu. P. 172.

среди прочего обувь королевской семьи. Существует перечень того, что было в ящиках: колые, туфли, одежда. Указывалось, что часть золота была в монетах». (На эти слова последовала реплика А. Бырлэдяну: «Почти все [золото] было в монетах»<sup>1</sup>). Обратившись к истории, Брежнев заметил, что после прихода к власти Временного правительства информация о «румынском золоте» теряется. Затем была Гражданская война, и часть его была для сохранности отправлена в Пермь, Омск, Казань, Саратов. Часть золота во время Гражданской войны была захвачена белогвардейцами, которые, возможно, передали его иностранным государствам за поставки обмундирования и оружия, и осела в зарубежных банках. Остальная часть хранилась в кладовых Кремля». Брежнев отметил, что залогом сохранности румынских ценностей в Кремле являлось наличие у советской стороны лишь одного ключа от дверей кремлёвских кладовых, в то время как второй ключ находился у румынских представителей, что исключало односторонние действия. Брежнев выдвинул контраргументы советской стороны, позволявшие считать вопрос о «румынском золоте» закрытым. Он заявил, что, согласно документам, в годы Первой мировой войны королевская Румыния задолжала России за поставки оружия и прочего военного снаряжения около 300 млн долларов, что соответствует 274 тоннам золота<sup>2</sup>. Поэтому, подчеркнул Брежнев, если мы поднимаем одну проблему, нужно поднимать и другую, т. е. говорить о взаимных претензиях. Тогда нужно говорить, и о потерях, которые понёс советский народ в годы Второй мировой войны, когда Румыния выступила против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии. Он отметил, что можно предъявить счёт и за действия румынской армии на оккупированной советской территории в годы Второй мировой войны. Разрушения и грабеж сопровождали ее путь вместе с немцами до Сталинграда. «Ущерб, нанесённый в годы войны только в Одессе и Крыму, составил сумму в сто раз большую, чем те, о которых говорится сегодня. Поэтому речь идёт сегодня не столько о финансовых вопросах, ... сколько о по-

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 172–173.

<sup>2</sup> Ibid. P. 173.

литических», – констатировал советский лидер<sup>1</sup>. «Репарации в 300 млн долларов, которые заплатила Румыния в годы Второй мировой войны, – добавил Брежнев, – были символическими. Разве восстановление Крыма и Одессы стоило 300 млн долларов? Я уже не говорю о человеческих потерях – потерях и русских, и немцев, и румын – и о многих других событиях времен войны. Кроме того, были огромные людские потери за линией фронта, где погибли десятки и сотни тысяч людей ... И проблема, которую подняли 50 лет спустя, говоря о временах, когда наши страны враждовали друг с другом, не будет способствовать нашей дружбе и нашему сотрудничеству». «Мы считаем, что эта проблема должна быть закрыта, и не нужно к ней возвращаться», – заявил Брежнев<sup>2</sup>.

После эмоционального выступления советского руководителя в дело вступила румынская «тяжёлая артиллерия» – И.Г. Маурер и Н. Чаушеску. «Мы исходим из того, – отметил Маурер, – что, поднимая вопрос о золоте, хотим решить его так, чтобы не оставалось никаких неясностей в наших отношениях. Мы долго изучали эту проблему, прежде чем пришли к выводу, что её нужно поднять и не только как юридическую, но и как политическую»<sup>3</sup>. Мы предлагаем вам простое решение: верните нам золото. Это решение со всей очевидностью вытекает из договорённостей между румынским королевским и царским правительствами и очевидных обязательств советской стороны, которая решением Совета Народных Комиссаров взяла на себя обязательства сохранить золотой фонд и передать его в руки румынского народа. Я считаю, что и вы, и мы должны согласиться, что власть в данный момент в нашей стране принадлежит народу, и, таким образом, золото в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 13(26) января 1918 г. должно быть передано румынскому народу»<sup>4</sup>. Сославшись на выступление Брежнева, Маурер признал, что проблема не может быть решена сегодня же, но с политической точки зрения, учитывая братские, дружествен-

---

<sup>1</sup> Anton M., *Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu*. P. 173–174.

<sup>2</sup> Ibid. P. 174.

<sup>3</sup> Ibid. P. 187.

<sup>4</sup> Ibid.

ные связи между двумя странами, нужно «показать пример, как можно решать деликатные проблемы, существующие в данный момент между социалистическими странами, – доброжелательно, последовательно, тактично, на основе права и взятых на себя сторонами обязательств»<sup>5</sup>.

Если Маурер и Бырлэдяну в поддержку своих доводов пытались использовать непререкаемый авторитет Ленина и решения советского правительства, то Чаушеску привел другие аргументы. Подчеркивая важность поддержания дружественных, братских отношений между социалистическими странами, он отметил, что «подобное (основанное на таких принципах.– Т.П.) решение спорного вопроса между социалистическими странами должно стать примером отношений между народами»<sup>6</sup>. «Конечно, речь не идёт лишь о количестве золота в монетах или слитках, или о предметах, не имеющих никакой стоимости, а прежде всего, о политических проблемах, о том, каким образом социалистические страны должны решать проблемы, существующие между ними...», – отметил румынский руководитель. Еще раз процитировав постановление СНК, Чаушеску напомнил о «публичных обязательствах советской власти» и о необходимости учитывать общественное мнение: «Люди нас спросят, как решена проблема? На это мы не сможем ответить прежде, чем обратимся к вам с просьбой соблюдать договорённости, достигнутые в 1918 г. Другого ответа у нас не может быть». Чаушеску не согласился с позицией Брежнева, касавшейся ущерба, нанесенного СССР румынской армией во время военных действий и оккупации части советской территории. Он заявил, что эти события не следует связывать с решением вопроса о возвращении румынского золотого фонда. Он напомнил историю с «польским золотом», которое транзитом эвакуировалось через Румынию после оккупации Польши нацистской Германией в 1939 г. и частично осталось на территории Румынии, а после окончания Второй мировой войны было возвращено Польше.

Хотя в ответ на выступление Чаушеску Брежнев и предложил не торопить события, полностью разобраться в возникшей про-

---

<sup>5</sup> Ibid. P. 188.

<sup>6</sup> Ibid.

блеме, понять её суть и расставить приоритеты (идет ли речь о 93-х тоннах золота или о проблеме политического характера, как это утверждает румынская сторона), советский руководитель четко сформулировал позицию по основному вопросу: хранившиеся в Кремле ценности были в полном объёме переданы румынскому правительству [в 1956 г.]. «Что же касается решения, цитируемого здесь (постановление СНК от 13(26) января 1918 г. – *Т.П.*), то с тех пор было много и военных, и политических событий, золото было разграблено белогвардейцами, за действия которых в политическом плане советская власть не несёт никакой ответственности». Кроме того, подчеркнул Брежнев, «проблеме нельзя рассматривать односторонне. Одна проблема всегда влечёт за собой другие вопросы». При этом он подчеркнул важность экономического сотрудничества между двумя странами, которые выступают на первый план во взаимоотношениях между СССР и Румынией.

Вновь обратившись к событиям Второй мировой войны и напомним о выступлении Румынии на стороне фашистской Германии и огромном ущербе, нанесенном СССР, Брежнев заявил: «Поэтому мы пришли к выводу, что, исходя из интересов продолжения нашего братского сотрудничества, эту проблему нужно похоронить»<sup>1</sup>.

Выступивший следом за Брежневым А.Н. Косыгин подчеркнул, что судьба румынских ценностей после 1918 г. неизвестна, а «все, что сохранилось, мы вернули Румынии и получили письмо с благодарностью за то, что ценности были сохранены и возвращены назад»<sup>2</sup>. (Имелась в виду передача румынскому правительству архивов и историко-художественных ценностей в 1935 и 1956 гг., а также благодарственное письмо Председателя Совета Министров Киву Стойки главе советского правительства Н.А. Булганину от 6 августа 1956 г., о чём сказано выше. – *Т.П.*) А.Н. Косыгин также поставил вопрос о контрпретензиях советской стороны. «Если мы поднимем вопрос о перерасчётах, то они будут не в пользу Румынии, так как тогда встанет вопрос и о долгах Румынии царской России». От имени советского правительст-

<sup>1</sup> *Anton M., Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu. P. 190.*

<sup>2</sup> *Ibid.*

ва Косыгин выразил несогласие с конкретной цифрой (93 тонны золота), заявленной румынской делегацией, то есть фактически признал ее некорректной и требующей пересчета.

Парируя заявление Чаушеску о настроениях румынского общества и, в частности, о необходимости дать ответ «народу», решен или нет вопрос о золоте, Косыгин заметил: «А что скажет наш народ, если мы заявим, что решили эту проблему. Он спросит, а на какой основе вы решили эту проблему? У нас нет этого золота. Значит, мы должны отдать другие ценности. А это поднимет целый ворох проблем, связанных с этим золотом: кто и каким образом потерял его во время войны». «Известно лишь, – продолжил Косыгин, – что многие наши ценности были переправлены на Запад. Они оцениваются в сотни миллиардов долларов. Данные установлены чрезвычайной комиссией \*. Они опубликованы и касаются Одессы, Крыма и т. д.». В заключение Косыгин заявил, что, по его мнению, «ни Румынии, ни Советскому Союзу не стоит поднимать эти вопросы, так как существуют силы, которые используют имеющиеся разногласия в своих интересах». Поэтому, отметил Косыгин, эта проблема ни с экономической, ни с политической точек зрения «не принесет пользы», и следует считать ее закрытой. «Это не тот вопрос, на основе которого нужно укреплять дружбу между нами», – подчеркнул он <sup>2</sup>.

Брежнев, обратившись к недавним событиям – празднованию 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, подчеркнул вклад коммунистов всех стран в борьбу против фашизма, заслуги румынской компартии, Георгиу-Дежа и его соратников. Поддержав Косыгина, он заявил, что именно осознание важности общей истории, общего «направления движения в будущее» способствует укреплению дружбы между СССР и Румынией. «Именно на это нужно обращать основное внимание в политическом плане.

\* Имеется в виду Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Создана по постановлению Верховного Совета СССР в ноябре 1942 г. и упразднена во второй половине 1945 г. Материалы ЧГК о нанесенном Советскому Союзу ущербе см., например: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000193/st177.shtml>.

<sup>2</sup> Anton M., *Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu*. P. 190.

...Вот почему, – заключил Брежнев, – исходя из 50-летней давности проблемы и новых социалистических отношений между нами, учитывая условия транспортировки румынского золота и фактическое разграбление его белогвардейцами, проблему золота нужно закрыть». Как и Косыгин, Брежнев был убежден, что «никакой пользы ни для вас, ни для нас от того, что мы поднимем эту проблему, не будет»<sup>1</sup>.

От имени румынской делегации Маурер заявил, что не видит смысла продолжать дискуссию. Это, по его мнению, было бы пустой тратой времени, поскольку убедить советскую сторону не удастся. Румынская сторона, констатировал Маурер, считает проблему открытой, требующей дополнительных обсуждений: «Со временем вы поймёте, так же, как и мы, что нужно найти её решение. Вот то, что, как мне кажется, нужно сделать»<sup>2</sup>. «Тогда проблема взаимных претензий, – бросил в ответ реплику Косыгин, – заведёт нас чёрт знает куда»<sup>3</sup>.

Несмотря на очевидную развязку обсуждения, выявившего принципиальное расхождение позиций, Чаушеску счел необходимым «навести на резкость» затронутую Косыгиным проблему взаиморасчетов. Румынская сторона, заявил он, не поднимает проблему взаиморасчётов между тогдашними царским и румынским королевским правительствами, как предлагает Косыгин, так как эти расчёты повлекли бы много чего за собой. «Мы предлагаем простую вещь: между двумя правительствами должно быть заключено соглашение, подписанное министрами иностранных дел, о том, что эти ценности были переданы на хранение, а не как залог в счёт долгов. По всем международным и национальным нормам вопрос стоит так: если кто-то кому-то что-то передаёт на хранение, то тот обязан вернуть это»<sup>4</sup>. Чаушеску выразил несогласие с контрпретензиями советской стороны, касавшимися румынских долгов времен Первой мировой войны, как не относящимися к делу. Что же касается ущерба, нанесённого участием Румынии в антисоветской войне, то, по мнению Чаушес-

---

<sup>1</sup> Anton M., *Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu*. P. 191.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> Ibid. P. 192.



ку, следовало бы ставить вопрос не только о политике диктатора И. Антонеску и прежнего королевского правительства, но и о политике царской России. А это могло бы завести слишком далеко. Все эти вопросы, как и героическая борьба румынского народа и компартии против фашизма, важные сами по себе, не имели, как считал Чаушеску, отношения к поднятой румынской стороной проблеме возвращения национального золотого запаса. Он отметил, что в данный момент взаимопонимания достичь не удалось, но нужно будет найти решение, и это «послужит укреплению дружбы между партиями и нашими народами»<sup>1</sup>.

Обмен репликами между Чаушеску и Косыгиным обстановку не разрядил: каждая из сторон осталась при своем мнении<sup>2</sup>.

Таким образом, на переговорах в Москве взаимопонимания, а тем более соглашения с вытекающими из него обязательствами относительно возвращения «румынского золота» достичь не удалось. Более того, заявленные позиции были прямо противоположными, что ставило под вопрос возможность поиска компромиссов в будущем. Советское руководство считало вопрос закрытым и не желало его больше обсуждать. Румынское правительство, напротив, полагало, что вопрос остаётся нерешённым и настаивало на его дальнейшем обсуждении.

11 сентября 1965 г., сразу же после возвращения румынской делегации из Москвы, на заседании Исполкома ЦК РКП были подведены итоги визита и прошедших переговоров между румынской и советской партийно-правительственными делегациями. Докладывал руководитель делегации Н. Чаушеску. Положительно оценив результаты переговоров по вопросам, прежде всего, экономического сотрудничества, он подробно остановился на обсуждении положения с «румынским золотом», отметив, что вопрос о его возвращении поднял Бырлэдяну. Последний краткой репликой пояснил, что речь шла о 93 тоннах золота, или, как тут же уточнил Чаушеску, о 150 млн долларов<sup>3</sup>.

В целом на заседании Чаушеску подробно передал содержание переговоров, представил позиции и аргументацию сторон.

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 192–193.

<sup>2</sup> Ibid. P. 193.

<sup>3</sup> Ibid. P. 215.

Он отметил замешательство советских руководителей, для которых постановка вопроса о золоте явилась неожиданной и вызвала, в конечном счете, негативную реакцию. Проблема «румынского золота», по мнению советской стороны, как его передал Чаушеску, не может быть решена за давностью лет, так как речь идет об отношениях между царским и королевским правительствами. Все не попавшее в руки белогвардейцев и сохранившееся золото было передано румынам. Чаушеску также сообщил о встречных претензиях советской стороны к Румынии на сумму в 270 млн долларов за «оружие, проданное Румынии царским правительством ещё до 1916 г.», и те разрушения и жертвы, которые были связаны с участием румынской армии в войне на стороне гитлеровской Германии<sup>1</sup>. Репарации Румынии за ущерб, нанесённый ею Советскому Союзу в годы антисоветской войны (300 млн долларов), являлись символической суммой. Поэтому советская сторона считает, заявил Чаушеску, что лучше эту проблему не поднимать<sup>2</sup>.

Информируя об аргументах румынской стороны, Чаушеску сообщил о самом важном из них – постановлении Совета Народных Комиссаров от 13 (26) января 1918 г., в котором декларировалось, что золотой фонд Румынии «является неприкосновенным для румынской олигархии и будет передан в руки румынского народа». Ведь речь шла не о соглашениях между царским и королевским правительствами Румынии, пояснил Чаушеску, а об обязательствах, которые взяла на себя советская власть. «Я сказал, – подчеркнул Чаушеску, – что мы не разделяем их точку зрения и не согласны с ними, что золото было дано под залог долгов, и не связываем это с долгами, но если мы поднимем эту проблему, то многое сможем сказать о царизме, но мы не смешиваем эти проблемы и не связываем их с другими проблемами»<sup>3</sup>. Чаушеску напомнил, в связи с этим, историю «польского золота», которое находилось на территории Румынии в годы Второй миро-

<sup>1</sup> Чаушеску неточен: Брежнев, о чем сказано в стенограмме, назвал приблизительно сумму румынского долга за годы Первой мировой войны – 300 млн долларов и их эквивалент – 274 тонны золота. Репарации (300 млн долларов), естественно, в эту сумму входить не могли.

<sup>2</sup> *Anton M., Chiper I. Înstaurarea regimului Ceaușescu. P. 218.*

<sup>3</sup> *Idid. P. 221.*

вой войны и было возвращено Польше. «Я ответил тов. Л. Брежневу, который поднял другие проблемы связанные с войной 1944 г., – продолжал Н. Чаушеску, – что мы не хотим обсуждать эти проблемы и мы не согласны с тем, какое значение, в конце концов, имеет обсуждение того, что сделали тогда фашисты, ведь не мы были тогда у власти <sup>1</sup>. Характерно, что попытку советского правительства поставить вопрос о «поведении» Румынии в годы Второй мировой войны Чаушеску расценил на заседании Исполкома как «запугивание». Он также сообщил, что заявил советскому руководству о невозможности в создавшейся обстановке продолжать дискуссию и сохранить хорошие отношения. Однако Чаушеску заверил членов Исполкома, что румынское руководство будет отстаивать свою точку зрения, так как убеждено, что золото должно быть возвращено Румынии <sup>2</sup>. В заключение он попросил участников заседания воздержаться от публичного обсуждения услышанного, особенно проблем, связанных с золотом <sup>3</sup>, поскольку в данный момент румынское руководство не хотело бы предавать огласке свои расхождения с советским руководством. Вопрос о золоте, заверил Чаушеску, «остаётся у нас в повестке дня, и мы поднимем его в подходящий момент с тем, чтобы проблема была решена» <sup>4</sup>.

Итак, в сентябре 1965 г., впервые за годы народной власти, румынское руководство поставило перед советским правительством вопрос о возвращении национального золотого запаса, назвав конкретные цифры. Переговоры в Москве завершились для румын безрезультатно, если не считать, что отрицательный результат – это тоже результат, позволяющий скорректировать позицию, уточнить детали, наметить направления дальнейших действий.

Советское правительство в сентябре 1965 г. сформулировало позицию, которой наша страна придерживается и поныне: отвергает претензии румынской стороны и, в свою очередь, выдвигает контрпретензии, связанные с возмещением Румынией

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 222.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Ibid. P. 223.

<sup>4</sup> Ibid.

долгов России, образовавшихся за годы Первой мировой войны, и того огромного ущерба, который был нанесён Румынией – союзницей нацистской Германии на захваченных территориях Советского Союза. Советское правительство считало, так же, как считает сегодня правительство Российской Федерации, что вопрос о возвращении «румынского золота» закрыт и не подлежит дальнейшему обсуждению. Румынская сторона настаивает, что вопрос по-прежнему открыт и, понимая бесперспективность расчетов на получение золотого запаса в благородном металле, требует выплаты денежного эквивалента.

## Глава 14

### Дискуссии продолжаются

Н. Чаушеску не оставлял мысль о возвращении «румынского золота» в страну. При каждом удобном случае румынский руководитель напоминал об этом. Так, например, произошло на встрече с Л.И. Брежневым в Бухаресте в мае 1966 г. и в Москве 14–15 декабря 1967 г. Однако попытки Чаушеску реанимировать спорный вопрос, вернуться к его обсуждению не удалось. А во время визита в Монголию в июне 1971 г., говоря об историческом прошлом румынского государства, находившегося длительное время под турецким, царским и австро-венгерским гнѐтом, Чаушеску напомнил и о «румынском золоте», эвакуированном в Москву<sup>1</sup>. Намеревался ли тем самым румынский лидер обозначить переход к другому формату постановки вопроса – привлечь к нему внимание международного фактора? Если так, то действовал он очень аккуратно: начал с «социалистического лагеря» и притом со страны, не занимавшей в нем ведущие позиции, но не имевшей в то время никаких спорных проблем с Москвой и точно следовавшей в ее фарватере.

Длительное время в Румынии воздерживались от публикаций о золотом запасе страны. Впервые молчание было прервано в 1986 г. румынским историком И. Калафетяну, подготовившим и издавшим «хронологический словарь» по проблемам внешней политики Румынии<sup>2</sup>. В статье «Золото» он кратко изложил историю национального золотого запаса, эвакуированного в Москву в 1916–1917 гг.

Начиная с середины 1960-х гг. вопрос о «румынском золоте» на партийно-государственном уровне открыто не поднимался. И только 13 ноября 1989 г. Чаушеску на заседании Исполкома ЦК РКП напомнил о московской встрече: «На переговорах в Москве с Брежневым в 1965 г. я обсуждал также вопрос о нашем золоте и драгоценностях, которые находятся в Советском Союзе.

---

<sup>1</sup> *Buga V. Pe muchie de cuțit: relațiile româno-sovietice. 1965–1989. București, 2013. P. 378–382.*

<sup>2</sup> *Calafeteanu I. Politica externă a României. Dicționar cronologic. București, 1986.*

Я указал, что существует декрет Ленина (постановление СНК от 13(26) января 1918 г. – *Т.П.*), в котором говорится, что золото принадлежит румынскому народу и будет возвращено ему, когда в Румынии будет установлена рабоче-крестьянская власть. Я спросил [советских товарищей], разве в Румынии ещё нет рабоче-крестьянской власти? Советская сторона, включая Брежнева, ответила, что золото было потеряно». По словам Чаушеску, он якобы в достаточно резкой форме заявил: «Меня не интересует, было ли золото потеряно и или что-то ещё с ним случилось, поскольку в данный момент нам говорят, что его захватили белые». Чаушеску еще раз вернулся к постановлению Совнаркома от 13(26) января 1918 г., перепутав при этом дату (сказал, что «декрет Ленина» был подписан в 1921 г., «когда с белыми было покончено»). Чаушеску сообщил о своем намерении вновь поставить спорный вопрос перед советским руководством: «Я хотел обсудить его с Горбачёвым, но сейчас для этого нет условий, и мы обсудим эту проблему позже», – пояснил Чаушеску <sup>1</sup>.

Время, однако, работало против румынского лидера. В конце декабря 1989 г. в Румынии произошла революция, которая смела его режим. К власти пришел Фронт Национального Спасения \* во главе с Ионом Илиеску. В новой обстановке возникли надежды на улучшение двусторонних отношений. Приоритетным для Советского Союза стало заключение нового договора о сотрудничестве с Румынией. Начавшиеся в январе 1991 г. переговоры завершились подписанием 5 апреля в Москве Договора о сотрудничестве добрососедстве и дружбе между двумя странами. На документе стояли подписи И. Илиеску и М.С. Горбачёва. Накануне поездки Илиеску в Москву сотрудники Военного архива подгото-

<sup>1</sup> *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 265.*

\* Фронт национального спасения (ФНС) поначалу представлял собой систему временных органов власти, но 6 февраля 1990 г. был преобразован в политическую партию. В конце марта 1992 г. произошёл ее раскол на две партии: Демократический Фронт Национального Спасения во главе с И. Илиеску, и (после объединения в мае 1993 г. с Демократической партией) Демократическую партию Фронта Национального Спасения, руководимую Петром Романом. На их основе образовались две политические партии современной Румынии – левоцентристская Социал-демократическая партия и правоцентристская Либерально-демократическая партия.

вили для него справку «Румынское золото, вывезенное в Россию (1916–1917 гг.)»<sup>1</sup>. Поэтому румынский президент был хорошо подготовлен к обсуждению этого вопроса.

Оставшись наедине с Горбачёвым, Илиеску поднял вопросы о золотом фонде и Бессарабии. Кратко изложив историю «румынского золота» и возвращения его части, в основном из археологических раскопок, Илиеску предложил рассмотреть вопросы на практическом уровне: «Может быть, нужно создать совместную комиссию?». «Это нечто новое для меня, – ответил Горбачёв. – Прошу представить материал на эту тему, а затем мы поговорим и подумаем». «Решение этой проблемы, – продолжил Илиеску, – безусловно, стало бы позитивным моментом в наших отношениях». «Если возможно будет что-нибудь сделать, мы сделаем», – заверил Горбачёв<sup>2</sup>.

В тот же день, 5 апреля 1991 г., на встрече с М.С. Горбачёвым в Москве журналисты задали вопрос о возвращении золота. Советский руководитель явно не собирался пускаться в объяснения и предпочел уйти от «неудобного» вопроса, заявив, что не знаком с проблемой (!), и пообещав её «изучить»<sup>3</sup>.

В то время как Москва ратифицировала договор, оппозиция в румынском парламенте заблокировала ратификацию. Причиной стали не только вопросы о Бессарабии и «румынском золоте», но и статья 4 договора, которая предусматривала, что стороны не участвуют ни в каких союзах, направленных друг против друга и не будут предоставлять свою территорию другим государствам с целью использования её для агрессии, направленной против других стран. Понятно, что эта статья могла в случае ратификации договора помешать дрейфу Бухареста в сторону НАТО. Таким образом, история и современность тесно переплелись, обозначив перспективу затяжного противостояния обеих сторон по широкому кругу вопросов текущей политики и науки. Договор 1991 г. так и не вступил в силу.

В последующие годы, пройдя низшую точку своего развития во время югославского кризиса 1999 г., когда румынское правительство разрешило пролет над своей территорией американских

<sup>1</sup> *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. P. 275.*

<sup>2</sup> *Ibid. P. 276–277.*

<sup>3</sup> *Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova. București, 2014. P. 41–42.*

бомбардировщиков и отказало в пролете российских гражданских воздушных судов с гуманитарной помощью, румынско-российские отношения оставались прохладными. Вплоть до 2003 г. проблема «румынского золота», наряду с бессарабским вопросом, не сходила со страниц печатных изданий, широко обсуждалась другими средствами массовой информации. Историк И. Скурту подчеркивает, что она использовалась различными румынскими политическими организациями и партиями для привлечения избирателей на свою сторону на парламентских выборах. Румынская пресса (газеты «Ziua» («День»), «Evenimentul Zilei» («Событие дня»), «Curentul» («Новости»), «Adăverul» («Правда») и др.) активно включилась в борьбу за электорат, успешно играя на патриотических и националистических настроениях населения<sup>1</sup>. Только с началом в 2000 г. второго президентства И. Илиеску постепенно обозначилась тенденция к восстановлению конструктивного подхода к отношениям двух стран<sup>2</sup>.

В 2003 г. при обсуждении договора о сотрудничестве Илиеску предложил включить в документ проблему «румынского золота» и оценку пакта Молотова–Риббентропа. Обращение к советско-германскому договору 1939 г. о ненападении с позиции его неприятия и осуждения было исключительно важным для румынской стороны, поскольку на его основе произошла передача Советскому Союзу Бессарабии. Напомним, что к тому времени на 2-ом съезде народных депутатов СССР 26 декабря 1989 г. на основе выводов специально созданной Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. во главе с членом Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлевым, была принята декларация, осуждавшая пакт Молотова-Риббентропа и его последствия. На переговорах с румынами наличие этого документа объективно ставило российскую сторону в крайне трудное положение. Тем не менее, участникам удалось найти компромисс: спорные исторические интерпретации были вынесены за рамки договора. Президен-

<sup>1</sup> *Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova*. București, 2014. P. 175–177, 240–244, 280, 354–357.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Кириллов В.Б., Путинцев И.С.* Отношения России и Румынии после 1989 года в контексте внешнеполитических приоритетов двух стран // Вестник МГИМО – Университета. 2012. № 2(23). С. 17–18.



ты условились, что этими вопросами займутся историки обеих стран. В связи с этим Министерства иностранных дел Румынии и России приняли декларацию о создании совместной Общественной комиссии по изучению вопросов двусторонних отношений между Россией и Румынией, включая вопрос о «румынском золоте». По поручению Президента РФ В.В. Путина от 20 июля 2003 г. в декабре 2003 г. была создана российская часть двусторонней комиссии. Возглавил ее директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян. Руководителем румынской части комиссии был назначен директор Института истории имени Н. Йорги Румынской академии, советник Президента Румынии Иоан Скурту. В 2012 г. его сменил ректор Клужского университета академик Иоан-Аурел Поп, а в 2019 г. член-корреспондент Румынской академии Иоан Болован. Научными секретарями стали к.и.н. В.В. Ищенко и представительница МИД Румынии В. Гаврилеску. В 2012 г. её заменила А. Орошан.

В состав российской части комиссии вошли крупные специалисты, занимавшиеся проблемами истории Румынии, – д.и.н. В.Н. Виноградов, д.и.н. Л.Е. Семёнова, д.и.н. А.А. Язькова, д.и.н. И.И. Орлик. Активную работу проводила и автор настоящей монографии. К работе привлекались авторитетные специалисты в различных областях знаний. Так, в июньском заседании комиссии в 2005 г. участвовал широко известный своими трудами по истории российского золота В.Г. Сироткин.

В отличие от немногочисленной российской части комиссии, в которой были представлены только историки, в румынскую входили сотрудники МИД Румынии, Национального банка, Министерства культуры и вероисповеданий, Национального музея образовательных искусств. Историческую науку представляли известные ученые Иоан Кипер, Йон Калафетяну, Виорика Мойсук. Узкий состав Комиссии насчитывал 13 человек, а всего, вместе с экспертами и советниками из различных ведомств, – 22 человека<sup>1</sup>. 18 мая 2004 г. в Москве на встрече руководителей комиссии И. Скурту и В. Гаврилеску, с румынской стороны, и А.О. Чубарьяна и В.В. Ищенко, с российской, был согласован регламент работы и подписан протокол о намерениях.

---

<sup>1</sup> Ibid. P. 95, 97.

Хотя название комиссии определяло широкий круг изучаемых ею проблем, ей предстояло, прежде всего, заниматься проблемой «румынского золота». Конкретно речь шла о выявлении и изучении новых документов и фактов и их верификации с учетом исторического контекста. Крайне важным было отмеченное в протоколе обязательство Министерств иностранных дел обеих стран предоставлять исследователям имевшиеся архивные материалы. Было установлено, что заседания комиссии будут происходить поочередно в России и Румынии.

Следует отметить, что параллельно с работой комиссии по «румынскому золоту» с 1969 г. по 2012 г. по планам двустороннего сотрудничества между РАН и Румынской академией активно работала комиссия историков России и Румынии, на заседаниях которой обсуждались актуальные вопросы российско-румынских и советско-румынских отношений. С 2013 г., после реорганизации Российской академии наук и создания Федерального агентства научных организаций (ФАНО), а затем передачи институтов РАН в подчинение Министерства науки и высшего образования, работа комиссии практически прекратилась. «Реорганизация» обернулась разрывом многолетних наработанных связей между Академиями, полным прекращением финансирования научных мероприятий, совместных проектов и командировок российских историков. Негативные последствия непродуманной политики остро ощущаются и сегодня, наносят невосполнимый ущерб изучению истории Румынии и подготовке кадров румынистов в нашей стране.

Первое, пленарное, заседание комиссии по «румынскому золоту» состоялось в Бухаресте 20–21 октября 2004 г. Основной темой заседания являлся всесторонний анализ международной и внутривосточной обстановки, в которой осуществлялись вывоз и размещение «румынского золота» в Москве. Доклад на эту тему был представлен румынскими историками В. Мойсук, А. Ошкой и И. Скурту. Румынской стороной был подготовлен также доклад на тему: «Румыно-российские переговоры в контексте международной ситуации». Авторы – И. Калафетяну, К. Ионеску, Н. Тампа, В. Мойсук, Кр. Пэунеску, К. Морару проанализировали попытки румынской стороны решить вопрос о судьбе «румынского золота» и иных ценностей на широком хронологическом отрезке –

1918–1970 гг. и проследили влияние изменений международной обстановки на инициативы Бухареста в этом вопросе. В. Гаврилеску рассмотрела обязательства России вернуть «румынское золото» с точки зрения международного права, подчеркнув, что оно было вывезено из страны под гарантии Российского правительства. Российская сторона также сослалась на международное право, заметив, что по его нормам Румыния обязана была выплатить России долги за имущество Русской армии, оставленное на ее территории. В связи с этим, подчеркнули российские ученые, требует рассмотрения вопрос о корректности подсчетов румынской стороной подлежащего возврату национального золотого запаса (93 тонны золота).

Российская делегация была сформирована из участников конференции, которая ранее проходила в г. Констанца в рамках работы Двусторонней комиссии историков Румынии и России. Российские историки В.Н. Виноградов, А.О. Чубарьян, Л.Е. Семёнова, Т.А. Покивайлова активно участвовали в дискуссиях. Попыткам румынских историков исключить из обсуждения такие важные вопросы, как события в Бессарабии и на Румынском фронте в 1917–1918 гг., долги Румынии России, образовавшиеся в годы Первой мировой войны, ущерб, нанесённый Румынией Советскому Союзу в годы Второй мировой войны, проблема репараций и пр., российская делегация противопоставила свое видение предмета научной дискуссии. Было предложено обсуждать проблемы «румынского золота» в широком проблемно-историческом контексте. В ходе дискуссии румынская сторона обратила внимание на различия в понятиях «румынское золото» в румынской и российской историографии. В румынской интерпретации оно включало все ценности, вывезенные в Москву двумя эшелонами в 1916 и 1917 гг., а в российской делалось различие между собственно золотом и другими ценностями, в том числе изделиями из драгоценных металлов, драгоценными камнями, историко-художественными произведениями, принадлежавшими музеям, монастырям и отдельным гражданам. Румынская делегация передала российской стороне копии протоколов, подписанных представителями российского и румынского правительств, о транспортировке в Москву

в 1916 г. золота Национального банка Румынии и драгоценностей королевы Марии.

Вскоре после бухарестской встречи, в декабре 2004 г., на президентских выборах в Румынии победу одержал Траян Бэеску, взявший курс на сближение с НАТО и США. Тем не менее, несмотря на антироссийскую риторику, новый президент не отказывался и от возможности налаживания сотрудничества с Россией, особенно по экономическим вопросам. В этих условиях комиссия продолжила свою работу в согласованном режиме, собираясь ежегодно.

Второе заседание состоялось в Москве 21–22 июня 2005 г. Развернувшаяся дискуссия подтвердила, что стороны по-разному подходят к рассмотрению вопроса о «румынском золоте». Российские члены комиссии предложили обсуждать международные и двусторонние, российско-советские, отношения в комплексе. Это позволяло увязать вопрос о золоте с территориальными вопросами, прежде всего о Бессарабии, оккупированной румынскими войсками в начале 1918 г., а также с договором, заключенным между советскими представителями и премьер-министром Румынии А. Авереску в Одессе в марте 1918 г. (Напомним, что тогда стороны договорились о выводе в двухмесячный срок румынских войск с территории Бессарабии, о чём румынские историки предпочитают не вспоминать). Румынские участники, подтверждая сформулированную еще в 1965 г. официальную позицию своего руководства, рассматривали проблему золота как самостоятельную, не связывая ее с другими внешнеполитическими и внутренними проблемами. Ссылаясь на согласованную повестку дня заседания, И. Скурту заявил, что «вначале нужно обсудить проблему золота, а уж потом перейти к другим». В ходе дискуссии претензиям румынской стороны, требующей возвращения золота, В.Н. Виноградов, А.А. Язькова, Л.Е. Семёнова, Т.А. Покивайлова противопоставили контрпретензии советского правительства, связанные с огромным ущербом, который был нанесен России в ходе двух мировых войн, и долгами за военные поставки и российское имущество, захваченное на территории Румынии и Бессарабии. В ответ румынские историки заявили, что вопрос репараций по итогам Второй мировой войны был

решён в Соглашении о перемирии с Румынией, подписанной союзными державами 12 сентября 1944 г.<sup>1</sup>

Продолжая обсуждение, представитель Национального банка Кр. Пэунеску вернулся к вопросу о различиях в понятии «румынское золото» в румынской и российской историографии<sup>2</sup>. И. Калафетяну рассказал о ходе российско-румынских переговоров в контексте международных отношений в годы Первой мировой войны.

Во второй день заседания Комиссии, 21 июня, дискуссия была продолжена. В.Н. Виноградов вновь подчеркнул, что при обсуждении вопроса о «румынском золоте» следует говорить и о российском имуществе, оставленном в Молдавии в 1917–1918 гг., оккупации румынскими войсками Бессарабии, интервенции Румынии в 1919 г. в Венгрии. Стоимость имущества, присвоенного Румынией, утверждал Виноградов, превосходила стоимость всего «румынского золота». Договор о территориальной принадлежности бессарабского края Румынии, который был подписан державами Антанты в Париже в ноябре 1920 г., не имел силы, так как его не подписали США и не ратифицировала Япония. В ответ И. Скурту заметил, что проблемы, поднятые В.Н. Виноградовым, не являются главными в повестке дня заседания, тем более что в настоящий момент Молдавия не входит в состав Российской Федерации и Кишинев не уполномочил российскую делегацию говорить от его имени. Он отметил, что Российская Федерация является преемницей Советского Союза, а тот, в свою очередь, – Российской империи. В связи с заявлением Скурту В.Г. Сироткин подчеркнул, что в своё время В.И. Ленин заявил, что Советская Россия отказывается платить долги царской России и, соответственно Временного правительства, и нет ни одного акта, принятого правительством Российской Федерации о признании долгов царской России. А.А. Язькова напомнила, что вопрос о «румынском золоте» поднимался на Парижской конференции 1919–1920 гг., но решение не было принято.

На заседании были заслушаны доклады Т.А. Покивайловой и Л.Е. Семёновой, которые сообщили о новых документах, вы-

<sup>1</sup> *Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova. București, 2014. P. 110*

<sup>2</sup> *Ibid. P. 111.*

явленных в российских архивах. Т.А. Покивайлова представила материалы Комиссии ЦК РКП(б), проводившей в 1923–1924 гг. первые инвентаризации румынских ценностей, а Л.Е. Семёнова указала на художественно-историческое значение некоторых предметов Средневековья из коллекции румынских ценностей, находившихся в Кремле.

В целом заседание проходило при сильном эмоциональном «накале»: дискуссия была такой острой, что итоговый протокол заседания первоначально не был подписан<sup>1</sup>. Его подписали обе стороны только через пару недель.

14–15 февраля 2005 г. президент Бэеску находился в Москве с рабочим визитом. На вопрос румынского корреспондента о его отношении к проблеме «румынского золота» Бэеску заявил: «Я не являюсь румынским политиканом, чтобы останавливаться на прошлом в отношениях с Москвой»<sup>2</sup>. В мае 2005 г., находясь в Москве в связи с празднованием 60-летия победы над фашизмом, Бээску в беседе с корреспондентом «РИА-Новости» Сергеем Рябикиным подчеркнул готовность румынской стороны к совместному обсуждению и изучению политических и экономических вопросов, «пока не достигнем понимания того, что более важным является изучение будущего, нежели прошлого»<sup>3</sup>. На этом фоне диссонансом прозвучала отставка 24 мая 2005 г. посла Румынии в РФ космонавта, Героя Румынии и Советского Союза Думитру Прунариу, стремившегося к улучшению отношений с Россией. В том же 2005 г. Бэеску предложил молдавскому правительству объединиться с Румынией и вместе войти в ЕС<sup>4</sup>. Обозначившиеся тревожные тенденции внешнеполитического курса, касавшиеся планов собирания «румынских» территорий, Бэеску довел до логического завершения в год 70-летия нападения гитлеровской Германии на СССР. 22 июня 2011 г. в эфире румынского телеканала В1TV он сделал сенсационное заявление о том, что призыв И. Антонеску «Румынские солдаты, приказы-

<sup>1</sup> *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. Inventarul unei istorii de o sută de ani. București, 2016. P. 313; Scurtu I. Tezaurul României de la Moscova. P. 169–170.*

<sup>2</sup> Цит. по: *Voicu M. Tezaurul României de la Moscova. P. 304.*

<sup>3</sup> Интервью президента Траяна Бэеску – [ria.ru/20050508/39950298.html](http://ria.ru/20050508/39950298.html).

<sup>4</sup> Человек недели Траян Бэеску – [euromag.ru/articles/chelovek-nedeli-trajan-beseku](http://euromag.ru/articles/chelovek-nedeli-trajan-beseku).

ваю вам перейти Прут!» «должен быть увековечен в истории» и что на месте Антонеску он «в тот исторический момент» тоже отдал бы приказ воевать, так как у румын был союзник в лице Германии и «нам надо было вернуть [свою] территорию»<sup>1</sup>.

Понятно, что политическая конъюнктура не могла не влиять на работу комиссии по «румынскому золоту». Однако третье заседание 4–6 апреля 2006 г. в Москве проходило спокойно. Скорее всего, по той причине, что позиции сторон не изменились, а новых документов представлено не было. Румынская делегация предложила доклады Кр. Пэунеску (о ценностях Национального банка, эвакуированных в Москву), В. Гаврилеску (о международных обязательствах и ответственности принимающего государства вернуть золото его собственнику) и М. Сфырли (о возвращении ценностей в 1956 г.). В обсуждении участвовали В.Н. Виноградов, Т.А. Покивайлова и другие члены российской части комиссии.

После заседания в Москве наступил значительный перерыв в работе комиссии. В 2018 г. в беседе с корреспондентом Николаем Морозовым И. Скурту, затронув вопрос о комиссии, пояснил: «Поначалу работа шла успешно, но потом румыно-российские отношения испортились. Я написал об этой комиссии книгу, в которой утверждаю, что главная вина за провал ее работы лежит на президенте Траяне Бэеску. Он считал, что Румыния — “маленький светлячок”, который должен следовать за “большим светлячком”, то есть за Америкой, а с русскими можно вообще не считаться. Тогда российская сторона стала применять тактику проволочек... На этом фоне я подал в отставку, не было смысла ждать, когда соберется комиссия, которая никак не собиралась»<sup>2</sup>.

После отставки Скурту румынскую часть комиссии возглавил известный ученый-медиевист, ректор Клужского университета Иоан-Аурел Поп.

Исследовательская работа продолжалась в обеих странах. И когда в марте 2016 г. комиссия собралась, наконец, на свое чет-

---

<sup>1</sup> Траян Бэеску, Гитлер и Антонеску – [rosinform.ru/file/784066](http://rosinform.ru/file/784066) – trayan – besesku – gitler-i-antonesku

<sup>2</sup> «С историками не консультируются». Почему Румыния не оставляет попыток снова стать «Великой»? С профессором Иоаном Скурту беседует Николай Морозов – [kommersant.ru/doc/3547136](http://kommersant.ru/doc/3547136)



вертое заседание в г. Синае, было решено провести своего рода «инвентаризацию» – обсудить состояние источниковой базы и историографическую ситуацию.

К тому времени в Румынии был издан ряд документальных публикаций и монографических исследований. В центре внимания членов комиссии оказалась работа историка М. Штефана и специалиста Национального банка Румынии Кр. Пэунеску<sup>1</sup>. Подробное (более 100 страниц) предисловие и хроника событий, связанных с историей золотого запаса Румынии в 1916–1919 гг., предваряли подборку документов Национального банка, позволяющих определить стоимость эвакуированного золота (315 154 980 золотых лей), румынских вкладов в банках Петрограда, Одессы, Москвы (2 493 525 руб.), а также стоимость оборудования типографии, печатавшей в России румынские денежные знаки (225 000 руб.)<sup>2</sup>. При этом, авторы не учитывали расходы российской стороны на содержание аппарата банковских служащих и румынской охраны, типографские расходы, стоимость инвентаризаций румынских ценностей и работы по их сохранению и реставрации. Не признаются также долги Румынии России за оставленное на территории Бессарабии российское военное имущество. Мотивировкой такого подхода для румынских исследователей служит современный статус Молдовы как самостоятельного государства, что, безусловно, нарушает историческую правду, так как в годы Первой мировой войны Бессарабия являлась частью Российской империи, а в 1918 г. была аннексирована румынами.

Российскую историографию по проблеме «румынского золота» и новые документы, в том числе и уже введенные в научный оборот, из центральных федеральных архивов – РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ проанализировала Т.А. Покивайлова.

Очередное заседание в Москве, намеченное на 2018 г., было отложено из-за неожиданно возникшего в марте «дела Скрипалей», сопровождавшегося высылкой российских дипломатов из ряда европейских стран, в том числе из Румынии.

Работа комиссии продолжилась в ноябре 2019 г. В повестке заседания значилось обсуждение двух тем: 1. Взаимоотноше-

<sup>1</sup> *Păunescu Cr., Ștefan M. Tezaurul Băncii Naționale a României la Moscova. Documente. Ediția a II-a revăzută și auegită. București, 2011.*

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 127.



ния руководителей внешнеполитических ведомств Румынии и Советского Союза. Н. Титулеску и М.М. Литвинова в контексте мировых проблем 1930-х гг.; 2. Возвращение в Румынию национальных сокровищ.

По первой проблеме с российской стороны выступили сотрудник Института международных отношений Казанского федерального университета проф. Я.Я. Гришин и старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела проф. М.И. Мельтюхов, а с румынской – начальник архивного отдела МИД Д. Личиу.

Я.Я. Гришин проанализировал деятельность Титулеску на международной арене и его вклад в развитие советско-румынских отношений и восстановление дипломатических отношений в 1934 г. М.И. Мельтюхов подробно охарактеризовал международную обстановку конца 1920-х – середины 1930-х гг., особо подчеркнув, что рост престижа СССР способствовал улучшению советско-румынских отношений. Эти сюжеты были затронуты и в докладе Д. Личиу. Контакты и переговоры М.М. Литвинова и Н. Титулеску на международных форумах, констатировал ученый, стали важным фактором, содействовавшим восстановлению в 1934 г. дипломатических отношений между обеими странами.

По второй теме выступили старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Т.А. Покивайлова и сотрудница Национального музея искусств в Бухаресте Э. Черня. Покивайлова, основываясь на выявленных ею документах российских архивов, рассказала о передаче Румынии в 1935 г. румынских архивов и о возвращении в Румынию историко-художественных ценностей в 1956 г., после XX съезда КПСС. Э. Черня, продолжая тему о передаче сокровищ в Румынию в 1956 г., подчеркнула, что румынской общественностью это «должно восприниматься с искренней благодарностью российским властям и экспертам». Вместе с тем она отметила, что были возвращены не все историко-художественные сокровища, а лишь их часть, но что румынским искусствоведам трудно это подтвердить, поскольку они располагают документами инвентаризаций только 1950-х гг. и не имеют более ранних. Черня особо подчеркнула огромную ценность шедевров живописи и историко-художественных произведений, которые стали доступны румынской общественности и специалистам –

историкам и искусствоведам. Результаты работы коллектива румынских искусствоведов по изучению возвращенных шедевров представлены в иллюстрированном издании «Medieval and Early Modern Romanian Art» («Искусство Средневековья и раннего Нового времени»), увидевшем свет в 2008 г.<sup>1</sup>

Подводя итоги работы совместной комиссии за 15 лет существования, следует признать, что в ее активе – значительный объем выявленных, изученных и введенных в научный оборот новых документов, попытки предложить их научную интерпретацию. Заметно пополнилась и историография проблемы «румынского золота».

Однако преодолеть разногласия, существующие между российскими и румынскими историками, не удастся. Если российские историки настаивают на комплексном изучении двусторонних отношений и признании румынами правомерности контрпретензий, то румынская сторона ограничивается, в основном, проблемой возвращения «румынского золота».

Хотя румынская часть комиссии, безусловно, испытывает на себе воздействие «политического фактора» – позиции руководства страны, все же, на мой взгляд, у румынских и российских коллег существует понимание, что в сложившихся условиях научные встречи и обсуждение необходимы. Комиссия является сегодня единственной площадкой, где предпринимаются попытки услышать друг друга и могут найти проявление профессионализм и стремление к объективному анализу исторических фактов. Надежда, пусть слабая, на выработку некоей конструктивной позиции остается, хотя, по признанию авторитетного историка И. Скурту, «с историками не консультируются», и в политике разрешение некоторых актуальных вопросов не имеет, по существу, никаких шансов<sup>2</sup>. И все же, дискуссии продолжаются...

---

<sup>1</sup> Medieval and Early Modern Romanian Art. The National Museum of Romania. București, 2008.

<sup>2</sup> «С историками не консультируются». Почему Румыния не оставляет попыток снова стать «Великой»? С профессором Иоаном Скурту беседует Николай Морозов – [kommersant.ru/doc/3547136](http://kommersant.ru/doc/3547136).

## **Заключение.**

### **Проблемы остаются...**

Более 100 лет назад, в годы Первой мировой войны, когда над Румынией нависла угроза захвата противником – входившими в Четверной Союз Германией, Австро-Венгрией, Болгарией – всей территории страны, правительство и Национальный банк Румынии, опасаясь за судьбу национальных сокровищ, приняли решение отправить их в Россию под гарантии царского правительства. Эвакуации подлежали золотой запас страны, драгоценности королевы Марии, а также национальные историко-культурные и художественные ценности, имущество монастырей и частных лиц, архивы, ценные банковские бумаги и пр.

Золотой запас Румынии хранился в Национальном банке Румынии. При его учреждении в 1880 г. доля государства составляла лишь 30%, а 70% капитала принадлежала частным вкладчикам. В 1900 г. после продажи государством своей доли банку последний стал функционировать как привилегированный частный банк. Вплоть до 1925 г. государство не имело в нем своей доли капитала. Золото, депонированное в его хранилище, румынскому государству не принадлежало. Но разрешение на вывоз золотого запаса и других ценностей давало государство.

Для отправки ценного груза были сформированы два эшелона. Первый «золотой эшелон» из 17 вагонов был отправлен 14(27) декабря 1916 г. из Ясс и прибыл в Москву 21 декабря 1916 (3 января 1917 г.). В нем, согласно телеграмме российского посланника в Румынии генерала А.А. Мосолова от 16(29) декабря 1916 г., сохраняемой в фондах Национальных архивов США, находились «1 738 ящиков золота весом около четырех пудов каждый и два ящика драгоценностей». Румынская сторона оценила «золотой груз» в 314 580 456 золотых лей, а 2 ящика (сундучка) с драгоценностями королевы Марии в 7 000 000 золотых лей. Современные румынские исследователи, основываясь на телеграмме Мосолова, считают, что чистый вес золота мог равняться 90–93 тоннам. Стоимость, по американским данным, могла колебаться между 64 и 69 млн долларов, что также соответствовало примерно

92,3 тонн золота. Этой цифрой оперирует в наши дни румынская сторона, требуя возврата 93 тонн золота, или его денежного эквивалента в размере около 2 млрд евро, что составляет 2% валового внутреннего продукта (ВВП) Румынии.

Первые инвентаризации румынских ценностей в 1920-е гг., казалось, подтвердили указанные цифры. Согласно данным Совета Труда и Оборона, стоимость прибывшего в Москву «золотого груза» определялась в 117,9 млн золотых рублей (эквивалент 91,28 т золота). Однако «привязка» (начиная с 1914 г.) обменного курса лея к американскому доллару (1 доллар = 167,2 лей) дает другую «статистику»: исходя из общей стоимости всех румынских сокровищ, включая золото, равной 7821,58 млн лей, получается, что все отправленные в Россию ценности румынской стороной были оценены в 46 836 млн долларов, что равноценно 70,4 т золота. Эти данные коррелируют со сведениями Всемирного совета по золоту (World Gold Council – WGC), согласно которым в 1915 г. золотой запас Румынии, хранившийся в Национальном банке, составлял 64,1 тонны, а в последующем длительное время не мог достичь прежнего объема (только в 1925 г. удалось довести его до 72,98 тонн). Таким образом, существенное расхождение статистики актуализирует задачу точного определения веса румынского золотого запаса.

По прибытии эшелона в Москву не было проведено тщательной проверки «золотого груза», взвешивались лишь отдельные ящики, а затем вес суммировался. А между тем спешка при погрузке, неясные обстоятельства транспортировки через территории, охваченные войной, в условиях развала фронтов, дезорганизации власти, грабежей и насилия ставят под сомнение полную сохранность груза по пути в Россию.

«Румынское золото» было размещено в кладовых Московского Кремля, ключи от которых хранились у российского и румынского представителей. Попасть внутрь кладовых можно было лишь при наличии обоих ключей.

Второй эшелон из 24 вагонов, в которых размещались 1622 ящика, был отправлен в Россию 28 июля (10 августа) 1917 г. в резко изменившейся политической обстановке: царский режим пал, у власти находилось Временное правительство, с которым у Бухареста сложились хорошие отношения и которое, как

и царское, гарантировало сохранность груза. Это обстоятельство объясняет активность российской стороны в розысках пропавшей части груза, когда возникло подозрение, что она якобы была утрачена еще на территории современной Молдавии. По поручению главы Временного правительства А.Ф. Керенского поисками занимался, правда, безуспешно, руководитель Боевой организации эсеров Борис Савинков. Ему удалось установить, что часть ценностей исчезла еще до моста через Днестр. Позднее, по воспоминаниям ветеранов ВЧК-ОГПУ-НКВД, проблемой розыска груза из секретного эшелона интересовались «силовики» – лично председатель ВЧК Дзержинский, позднее нарком НКВД Ягода, доложивший о них Сталину, и Берия. Когда в 1940 г. советские войска вошли в Западную Бессарабию, Сталин вспомнил о румынском эшелоне и определил это направление работы как очень важное. Однако напасть на след чекисты так и не смогли.

Сюжет об утраченной части груза, как, впрочем, и некоторые другие, не имеет под собой на сегодняшний день документальных подтверждений, и мы упоминаем о нем, главным образом, в качестве иллюстрации связанных с румынскими сокровищами почти детективных историй, а иногда и откровенных вымыслов.

Стоимость прибывшей в Москву партии груза по устному заявлению представителя Национального банка Румынии составляла 6,5 млрд золотых лей, что по паритету равнялось 2 495 000 000 золотых рублей в ценах того времени. 188 ящиков с ценностями Национального банка Румынии были отправлены в кладовые Московского Кремля, остальные ящики были размещены в московской Ссудной казне.

При Временном правительстве произошло определенное «движение» ценного груза. До октября 1917 г. румынской стороне был передан 101 ящик с ценностями, и румынский золотой запас уменьшился на 444 тыс. золотых рублей.

После разрыва дипломатических отношений с Румынией в январе 1918 г. в связи с оккупацией румынскими войсками Бессарабии, советское правительство заявило, что снимает с себя всякую ответственность за судьбу «румынского золота», находившегося в России, и объявило «хранящийся в Москве золотой фонд неприкосновенным для румынской олигархии». В постановлении СНК РСФСР от 13(26) января 1918 г. подчеркивалось,

что правительство берёт на себя ответственность за сохранность золота и передаст его «в руки румынского народа». Однако на заседании СНК 18(31) января 1918 г. в условиях готовившегося наступления Красной Армии было принято решение о признании румынско-бессарабского правительства и советизации Бессарабии. Именно новому, «народному» правительству Бессарабии и готовилось российское социалистическое правительство передать «в полное распоряжение... весь наличный золотой фонд и всё имущество бывшего королевского правительства, находящееся в пределах Российской Республики Советов». Но целый ряд обстоятельств помешал осуществлению этого решения. Продвижение Красной Армии по Украине в направлении Бессарабии заставило Бухарест при посредничестве представителей Антанты вступить в переговоры с советской властью. В результате переговоров 5–9 марта 1918 г. между Советской Россией и Румынией было подписано соглашение, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. Но это соглашение было сорвано румынской стороной, которая, заключив сепаратный мир с Германией и ее союзниками, пропустила австро-германские войска на Украину, в результате чего возникла угроза Советской России. Используя сложную обстановку в Бессарабии и опираясь на решения «Сфатул Церий» (Совета страны), румынское правительство смогло реализовать свой план аннексии Бессарабии.

Захват края имел весьма серьёзные экономические последствия для Советской России еще и потому, что Румыния наложила руку на громадные запасы российского военного имущества, сосредоточенного на складах с вооружением и продовольствием, на железнодорожное имущество, имущество Российского Красного Креста и т. д. Долг Румынии России только за неоплаченные поставки оружия, военное имущество русской армии, оставленное на территории Румынии и Бессарабии, составлял 300 млн золотых рублей, что в пересчёте равнялось 270 тоннам золота.

В связи с этим правительства Советской России и Украины заявили 25 мая 1919 г., что «снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, привезённых во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому Национальному банку

и другим румынским банкам». Советское правительство также объявило, что оно «должно себя гарантировать в отношении возвращения нам этого долга». С этой целью вывоз эвакуированных в Россию ценностей запрещался и мог быть осуществлен только по специальному распоряжению. По оценкам комиссий, созданных в Советской России в 1918 г. для определения ущерба, нанесённого действиями румынской армии и румынских властей, сумма ущерба, превосходила все российские долги Румынии, включая золотой запас и ценности, находившиеся в Москве. Проблема взаиморасчетов и по сей день остается актуальной, она лежит в основе контрпретензий российской стороны, не признаваемых румынами.

В 1918 г. в условиях наступления немцев на Петроград советское правительство приняло решение эвакуировать золотой запас из Петрограда в хранилище Нижнего Новгорода, а из Москвы в Казань. Вместе с российским золотом в Казани оказалось и «румынское золото». Возможно, часть его осела в других городах. В Казани российское золото было захвачено чехословацкими legionерами и правительством Комитета Учредительного Собрания (КомУч). В связи с наступлением Красной Армии золото из Казани под охраной чехословаков в 29 вагонах было переправлено по Транссибирской магистрали в Омск, где попало в руки Колчака. Основная сумма «колчаковского золота» (235 500 000 руб. золотом) ушла на закупку оружия, обмундирования и переведена в иностранные банки под выдачу кредитов, которые не были возвращены. Большевикам удалось вывезти из Казани всего 100 ящиков с золотом на сумму 6 млн руб. Не исключено, что по дороге золото расхищалось. В Омске 26 мая 1919 г. был произведён осмотр металлического фонда (золота и других драгоценных металлов). Среди прочего было выявлено иностранных золотых монет на сумму 38 065 332 руб. 57 коп. Возможно, что среди этих монет находились и румынские золотые монеты. Возвращавшиеся на родину в феврале 1920 г. чехословаки в обмен на гарантии беспрепятственной эвакуации корпуса вернули советской власти 409 млн руб. золотом, но какую-то часть драгоценного металла увезли с собой. Считается, хотя и не бесспорно, что она стала основой золотой наличности Легиобанка. Ответить, имелась ли в ней румынская «доля», невозможно.



Доживавший свои дни в Нью-Йорке Керенский вспоминал, что большая часть золотого запаса впоследствии вернулась в Москву, «а то, что было потеряно по дороге, осчастливило многих».

Начиная с 1918 г. вопрос о «румынском золоте» и ценностях, находившихся в Москве, стал предметом переговоров между советским и румынским правительствами. В условиях Гражданской войны, иностранной интервенции и обострения отношений с Польшей, которые в конце апреля 1920 г. переросли в полномасштабную войну, вопрос об улучшении отношений с Румынией стал для Советской России актуальным. Сменяющиеся неудачи и успехи Красной Армии на польском фронте закончились её поражением в августе 1920 г. Конфронтация с Польшей, сохранявшаяся угроза наступления Врангеля с юга подталкивали советское правительство к заключению мира с Румынией, которую Антанта рассматривала как часть антибольшевистского единого фронта. Соглашаясь на переговоры с Москвой, румынская сторона ультимативно выдвигала требование признания за Румынией Бессарабии и возвращения золотого запаса и других ценностей. Советское правительство выдвигало контрпретензии. Оно не соглашалось на признание Бессарабии частью Румынии, настаивало на взаиморасчетах, полагая, что долг Румынии за оставленное и захваченное Румынией имущество на территории Румынии и Бессарабии превосходит российские долги, образовавшиеся в годы Первой мировой войны, включая «румынское золото» и ценности. Только в 1934 г. дипломатические отношения между СССР и Румынией были восстановлены. Успешному исходу переговоров способствовал достигнутый компромисс по спорным вопросам – о Бессарабии и «румынском золоте». Было условлено, что они будут вынесены за рамки переговоров и не будут подниматься.

В 1922 и 1923–1924 гг. были проведены две инвентаризации румынских ценностей, находившихся в кладовых Московского Кремля. В ходе инвентаризации обнаружилось, что помимо историко-художественных ценностей, изделий из драгоценных металлов, редких книг и икон, старинных предметов и археологических раритетов, сохранялось много бытовых, не имевших ценности предметов, вплоть до ящиков с одеждой, алюминиевой посудой, вином и даже двух ящиков с порохом. К инвентариза-



ции были привлечены лучшие специалисты, музейные и архивные работники, сотрудники Наркомата финансов, Гохрана и т. д. Были затрачены значительные суммы денег для проведения работ, сделано всё, чтобы ценные предметы из румынских коллекций были сохранены, а в случае надобности отреставрированы.

В 1935 г. в знак доброй воли в Румынию были возвращены архивные документы и материалы, а в 1956 г. – историко-художественные ценности из числа переданных России в 1917 г. (39 320 экспонатов из музеев и монастырей Румынии, 33 кг золота и 690 кг серебра в изделиях).

Однако оставался нерешённым вопрос о возвращении собственно золота. К 1 января 1922 г. золотой запас Румынии сократился до 105 102 337 золотых руб. а по другим данным – до 87 074 503 золотых руб. Таким образом, часть «румынского золота» вплоть до окончания Гражданской войны сохранялась в кладовых Московского Кремля. Однако в справке валютного управления Наркомата финансов, направленной в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию в конце 1924 г., о «румынском золоте» говорилось как о ранее обезличенном, т. е. к тому времени оно как самостоятельная единица перестало существовать. В то же время сообщалось, что в Гохране находятся 282 места «румынских ценностей» (золото, платина, серебро, драгоценные камни, одежда, посуда металлическая, фаянсовая и стеклянная и т. д.) на сумму 1 185 575 руб. 22 коп. Причисление к «ценностям» одежды, металлической, фаянсовой и стеклянной посуды кажется странным и уж, во всяком случае, не имеющим никакого отношения к «румынскому золоту». Напомню в связи с этим, что, согласно документам Наркомата финансов, к «золотому запасу» или «золотому фонду» могли быть отнесены золото, серебро, платина и изделия из них, драгоценные камни, иностранная валюта.

В годы Второй мировой войны Румыния выступила на стороне гитлеровской Германии и выставила на фронт против СССР вторую по численности после немецкой армию, которая дошла до Сталинграда и Кавказа. Румынские войска захватили Молдавскую ССР, Северную Буковину, оккупировали Крым и Одессу. На подвластной территории шло разграбление советского имущества, гражданское население терроризировалось. 23 августа 1944 г. в условиях наступления Красной Армии на Карпато-Дунайском

направлении в Румынии произошел государственный переворот, страна перешла на сторону антигитлеровской коалиции. Учитывая вклад Румынии в разгром нацистской Германии на заключительном этапе войны, советское правительство пошло на значительные уступки в выплате репараций (300 млн долларов вместо 2 млрд по подсчётам Комиссии Майского), которые впоследствии были дополнительно сокращены еще почти на четверть. Вопрос об «участии» «румынского золота» в уплате репараций (по данным со ссылкой на материалы Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, с согласия союзников от 65 до 80% ежегодных репарационных выплат зачитывались золотым запасом, что составило 15–17 тонн) нуждается в дополнительном изучении.

Необходимо отметить, что вопрос о возвращении румынских ценностей испытывал на себе подвижки в ту или иную сторону в отношениях между СССР и Румынией. В 1935 г., вскоре после восстановления дипломатических отношений, Румынии были переданы архивные коллекции и ценные документы. После того, как Румыния примкнула к «оси», маршал И. Антонеску выступил с требованием возврата золотого фонда Румынии с целью оправдать грабежи на советской территории. В 1956 г., после XX съезда КПСС, демонстрируя стремление улучшить отношения с Румынией, советская сторона вернула историко-художественные ценности. В 1965 г. после прихода к власти Н. Чаушеску, отхода Бухареста от согласованной линии в рамках советского блока румынское руководство вновь поставило вопрос о возвращении национального золотого запаса и озвучило его цифру – 93 тонны, или 150 млн долларов. Советское правительство категорически отвергло это требование, заявив, что долги Румынии, накопившиеся за годы Первой и Второй мировой войны намного превосходят весь золотой запас, отправленный в Россию в 1916 г. и заявило, что считает эту проблему закрытой. Однако румынское правительство продолжало поднимать эту проблему, и она не потеряла актуальности до сих пор. Уже после свержения режима Чаушеску в декабре 1989 г., во время переговоров о подписании нового договора о сотрудничестве между Россией и Румынией вновь прозвучал вопрос о возвращении в Румынию румынского золотого запаса. И всё же при подписании договора в 2003 г. Президенты России и Румынии В.В. Путин и И. Илиеску договорились вынести спорные вопросы, в том числе

и о «румынском золоте», за рамки договора и передать его историкам двух стран для изучения. С этой целью была создана совместная общественная комиссия во главе с академиком А.О. Чубарьяном и видным румынским историком, советником президента И. Скурту, которая приступила к работе в 2004 г.

Пытаясь показать в монографии состояние научной разработки спорной проблемы, представить позиции и аргументацию сторон, хочу особо подчеркнуть, что работа российских историков осложнена действующим режимом хранения необходимых для объективного научного исследования документов. Значительная часть архивных коллекций остается засекреченной, что оставляет в подвешенном состоянии многие вопросы. К числу уже названных добавлю вопрос о передаче национального золотого запаса. Требование румынской стороны (а ныне к ним примыкают и молдавские «унионисты») о возврате 93,4 тонн золота «в виде монет и слитков» (речь идет в основном о монетах, поскольку на долю слитков приходилось лишь 2,4 тонны) свидетельствует об уверенности Бухареста, что до настоящего времени «румынское золото» практически в полном объеме остается в России. А между тем сами румыны в разное время считали иначе. Факт передачи румынской стороне в 1935–1936 гг. *12 тонн* из золотого запаса двумя партиями (соответственно 5 и 7 тонн) признавал румынский диктатор И. Антонеску. Есть основание предполагать, что этот жест советской стороны был связан с восстановлением дипотношений между двумя странами в 1934 г. и впоследствии с намерением Москвы склонить румын к заключению пакта о взаимопомощи. Российские авторы А. Чичкин, Ф. Лукьянов, П. Луняшин в своих статьях в интернете указывают, что в 1948–1949 гг., после утверждения в стране монополии коммунистов на власть, Сталин распорядился перевести в авуары нового правительства *около 30 тонн* «румынского золота». В 1956 г. по указанию Хрущёва Бухарест получил *4 тонны* золота заимообразно, в связи с трудной экономической ситуацией и засухой в стране (в период между 1960 и 1964 гг. Бухарест вернул этот заем советской стороне), а в 1964 г. Брежнев сообщил Георгиу-Дежу о передаче *8 тонн золота*. Гипотетически этот шаг Москвы можно объяснить намерением советских руководителей способствовать «правильной» ориентации «румынских друзей» в начальный период формирования их «особой позиции».

Расчет положить конец резкой критике румынским руководством советской перестройки Москва попыталась реализовать в 1986 г., передав Румынии, по данным Счетной палаты Российской Федерации, еще *10 тонн* из золотого запаса.

Таким образом, простое арифметическое действие – сложение свидетельствует о том, что около *60 тонн* «румынского золота» было возвращено на родину (без учета зачтенных золотом репарационных выплат – *15-17 тонн*). Наконец, между 2003–2005 гг. российская сторона передала в Бухарест 12 золотых монет общим весом *77 граммов*, вероятно, из государственных хранилищ или музеев. Это как будто не очень значительный факт являет собой яркий пример разнообразия интерпретаций отдельных явлений и событий. Некоторые исследователи, например, усматривают в передаче монет символическое подтверждение того, что «румынского золота» в природе не существует и что оно было использовано для индустриализации советского государства. При этом вспоминают о документах Минфина СССР за 1924 г., в которых указывается, что к тому времени «румынское золото» было обезличено и его остатки переплавлены. Но как тогда оценить такой, например, факт, как появление на Нью-Йоркском рынке золотых слитков из Советской России с клеймом «румынского монетного двора», о чем сообщила в марте 1928 г. лондонская газета «Daily Chronicle»? Бытует и противоположное мнение, согласно которому к концу индустриализации золотой запас Румынии все еще находился в советских хранилищах. Передача же 12 золотых монет вполне может расцениваться как наличие «румынского золота» в Москве и даже как намек на возможность обсуждать перспективу его возвращения хозяевам. При отсутствии аутентичных источников палитра подходов и интерпретаций во многом зависит от фантазии авторов. Документальное обоснование и тщательная проверка статистики и фактов не теряют своей актуальности, но это уже задача на будущее.

Признания румынской стороной возврата Россией некоторой части «румынского золота» сегодня единичны и непопулярны, прогнозы на будущее пессимистичны. В декабре 2012 г. на одном из старейших румынских новостных сайтов Hotnews.ro появилась следующая констатация: «Если межвоенной, а затем социалистической Румынии удалось вернуть кое-что из золотого запаса и различные культурные объекты, то сегодня президент Владимир

Путин, похоже, не намерен вернуть нам ни единого золотника». Заслуживает внимания и объяснение, даваемое авторами материала своим соотечественникам: «Если поставить себя на место русских, разве вам захотелось бы возвращать богатство какому-то маленькому народу, который, по вашему мнению, неоднократно вставлял вам палки в колеса и будет делать это и дальше? Нет!»<sup>1</sup>. Сегодня многие румыны считают себя обиженными восточной соседкой. Они считают, что Россия, не имея на то никаких оснований, присвоила «румынское золото». Тезис о том, что с «Румынией несправедливо обошлись», определяет патриотический мейнстрим современной румынской историографии.

Вместе с тем в ходе работы общественной комиссии по изучению спорных вопросов двусторонних отношений пришло ясное понимание, что решение вопроса о возвращении «румынского золота» зависит не столько от научных дискуссий, сколько от политической воли правящих элит.

---

<sup>1</sup> [Обзор СМИ Румынии] – [regnum.ru/news/polit/1600281.html](http://regnum.ru/news/polit/1600281.html).

# Именной указатель

## А

Авдеев А.А 12, 99, 103, 134, 143, 169

Авдеев В.А 20,

Авереску А. 70, 72, 85, 105, 107, 108, 109, 113, 160, 165, 236

Акимов 90

Александр II (Романов) *российский император* 27

Александр III, *македонский царь* 207

Александра Фёдоровна, *российская императрица, супруга Николая II* 27

Александровский М.А. 210

Алексеев М.В. 29, 30

Алексиану Г. 185

Альский А.О. 127

Аман Т. 201, 207

Андрееску Йон 207

Андропов Ю.В. 215

Антон М. 19, 216

Антонеску В. 30, 31, 61, 62

Антонеску И. 183, 184, 225, 238, 239, 250, 251

Антонов-Овсенко В.А. 217

Апостол Г. 202, 210, 215

Аргези Т. 208

Арджетояну К. 72

Аркадьев Г.П. 188

Ататюрк К. 130

## Б

Бабарин Е.И. 188

Бакланова М.Г. 209

Бану Ф. 195

Барк П.Л. 29

Барту Ж.-Л. 135

Безобразов Харитон-Истома 154

Беляев М.А. 29

Беляков 177

Бенеш Э. 170, 171

Бенюк М. 210, 254

Берия Л.П. 199, 245

Бетя Л. 18, 217

Бехтер Г.С. 209

Бистряну И. 126, 127

Благонравов Г.В. 56

Бланк М. 26, 31

Богденко В.И. 194

Боголепов Д.П. 66

Боднэраш Э. 202, 210

Бойль Дж. 38–40

Болован И. 233

Бонч-Бруевич В.Д. 66

Борилэ П. 210

Боторан К. 15

Боффа Дж. 186

Братиану *см.* Брэтиану Ион (И.К.)

Брашеван М. 64, 70

Брежнев Л.И. 215, 216, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 251

Бриан А. 168

Брынковяну К., *господарь Валахии* 155

Брэтиану Ион (И.К.) 164, 165

Брэтиану Ионел (И.И.К.) 31, 39, 62, 135, 137, 139, 140

Буга В. 19

Будницкий О.В. 14, 124

Бужор М.Г. 64

Булганин Н.А. 211, 222

- Бунеску М. 206  
Бырлэдяну А. (Ал.) 18, 210, 215-219, 221, 225  
Бэринг, *братья (Barings Bank)* 27  
Бэеску Тр. 236, 238, 239
- В**  
Вайда-Воевод А. 80  
Варга Е.С. 188  
Варгулевич В.Я. 152  
Василий, *воевода Иоанна Грозного* 154  
Василиу-Рэшкану К. 192  
Васильев А.В. 214  
Васильева О.Ю. 13, 122  
Веденин А.Я. 204–206, 208  
Вейган 83  
Вейс 147  
Веласкес 200  
Вишне夫斯基 Л.Ф. 151, 156, 157  
Вишне夫斯基 Ф.Ф. 152, 155  
Виноградов В.Н. 11, 13, 24, 25, 31, 44, 49, 53–57, 63, 69, 70, 72, 73, 77, 96, 100, 117, 135, 168, 181, 194, 233, 235, 236, 237, 239  
Войку М. 19, 33, 34, 125, 162, 163  
Воронский А.К. 64, 70  
Ворошилов К.Е. 178  
Врангель П.Н. 77, 83, 90, 103, 248  
Вэратик В. 97
- Г**  
Гаврилеску В. 233, 235, 239  
Св. Георгий 186  
Георгиу-Деж Г. 193, 194, 199, 202, 203, 210, 213, 214, 216, 223, 251  
Герасименко 177  
Герен П.Г. 58  
Германюк В.М. 209  
Гершатер Д.М. 144, 147  
Гитлер А. 181, 192, 239  
Гога О. 165, 172  
Гогенцоллерн-Зигмаринген, *княжеский дом* 162  
Гогенцоллерн-Зигмаринген Карл-Антон 162  
Гогенцоллерн-Зигмаринген Леопольд 162  
Гогенцоллерн-Зигмаринген Фредерик 162  
Годунов Борис, *царь и Великий князь всея Руси* 154  
Головин Н.Н. 178  
Горбачёв М.С. 230, 231  
Гордеев Н.В. 209  
Граур Ал. 210  
Гренар Ж.-Ф. 62  
Григореску Н. 151, 157, 201, 207  
Гришин Я.Я. 241  
Гроза П. 194, 197, 202, 210  
Громадский 149  
Громыко А.А. 74, 215  
Гуинэ Н. 215  
Гэине А. 31
- Д**  
Давидеску Г. 182, 183  
Дайковичу К. 208  
Даля М. 206  
Деметреску М. 31  
Деникин А.И. 25, 77, 85, 97, 98, 110  
Джорджоне 200  
Дзержинский Ф.Э. 245  
Диак К. 122  
Диаманди К. 20, 34, 38, 55, 56, 57, 136, 137, 138, 159, 162  
Добрович Г.М. 97  
Драбкин Я.С. 122  
Дрэгич Ал. 210  
Дука И. 137  
Духонин Н.Н. 45  
Дюрер 200

**Е**

- Екатерина, жена Дмитрия Кантемира 174  
 Екатерина, жена Антиоха К. Кантемира 155  
 Елена, жена Матей I Басараба 154  
 Елена Греческая и Датская, королева-мать Румынии, супруга Кароля II, мать короля Михая 194  
 Епишев А.А. 202  
 Ерещенко М.Д. 11, 25, 31, 44, 49, 53, 55, 56, 57, 63, 69, 70, 72, 73, 77, 96, 100, 117, 135, 168, 181  
 Ермолаев 177  
 Ефимкин А.П. 118, 123, 128

**Ж**

- Жегалин И.К. 216  
 Железняков А.Г. 64, 67

**З**

- Зайончковский А.М.  
 Залик А. 147, 159  
 Замчевский И.К. 209  
 Засядко Д.И. 28  
 Захаров Н.Н. 209  
 Захарова Н.Р. 209  
 Зенеску 52  
 Зима В.Ф. 195  
 Зингис Х.Г. 144

**И**

- Иванов Д.Д. 151  
 Иголкин А.А. 121  
 Изворану 52  
 Изер И. 210  
 Илиеску И. 13, 230, 231, 232, 250  
 Ильичёв Л.Ф. 215  
 Иоанн Голый, логофет 154  
 Иоанн Грозный (Рюрикович), царь всея Руси 154

- Ионеску К. 58, 60, 234  
 Ионеску Т. 82, 86, 94, 96, 113, 115  
 Иоффе А.А. 38, 134  
 Исаков И.С. 187  
 Исэреску М. 16  
 Ищенко В.В. 13, 233

**Й**

- Йорга Н. 19, 165, 233

**К**

- Кавтарадзе С.И. 194, 197  
 Каганович Л.М. 199  
 Калафетяну И. 15, 229, 233, 234, 237  
 Калинеску Г. 208  
 Каменев С.С. 77, 83  
 Кантемир Антиох, российский поэт, дипломат, сын Дмитрия Кантемира (1708-1744) 174, 175  
 Кантемир Антиох К., молдавский господарь, (1671–1726) брат Дмитрия Кантемира 155  
 Кантемир Дмитрий, молдавский господарь, Светлейший князь Российской империи (1673–1723) 174–176, 201  
 Капитанович Т. 31, 37, 58, 61  
 Каппель В.О. 123  
 Карасёва В.Н. 210  
 Карахан Л.М. 90, 101, 103–106, 108–111, 113, 115, 116  
 Кароль I (Гогенцоллерн-Зигмаринген), король Румынии (1839–1914) 32  
 Кароль II (Гогенцоллерн-Зигмаринген), король Румынии (1893–1953) 171, 183  
 Карп И. 169  
 Катасонов В. 196  
 Кафтанов С.В. 206



- Каширин В.Б. 29  
Келлог Фр. 168  
Керенский А.Ф. 104, 105, 245, 248  
Кипер И. 19, 216, 233  
Кириллов В.Б. 232  
Кирсанов В. 27  
Кишинёвский Й. 199, 210  
Кладт А.П. 124  
Клемансо Ж. 61, 62  
Кнышевский П.Н. 14, 122  
Колчак А.В. 9, 124, 125, 247  
Кондратьев В.А. 124  
Константинеску М. 199, 205, 206  
Константинеску-Яшь П. 201  
Константинину Ф. 70, 71, 97  
Копчиков С.А. 209  
Корин П.Д. 200  
Королёва Л.И. 209  
Костыркин Н. 14  
Косыгин А.Н. 215, 218, 222–225  
Которос Т. 63  
Красавина Т.И. 209  
Красин Л.Б. 85, 130, 133, 134, 138  
Крестинский Н.Н. 131, 139, 143, 171, 174  
Крыленко Н.В. 56  
Крэчун К. 205, 210  
Куза А. 172  
Кузнецов В.В. 173, 188, 202  
Куль Ф.И. (*Полярный*) 64  
Кун Б. 163  
Куни 91
- Л**  
Лабонн Э. 58  
Лансинг Р. 76  
Лапедату А. 134  
Лапин М. 175  
Латышев А.Г. 14, 127  
Левит И.Э. 75, 185, 186
- Ленин В.И. 14, 20–22, 55–57, 66, 67, 99, 102, 118, 121, 123, 127, 129, 131, 134, 215, 217, 218, 221, 237  
Лёвычкин К.Д. 202  
Лисимах, *фракийский царь* 207  
Литвинов М.М. 92, 93, 99, 100, 112, 113, 134, 136–138, 141, 143, 158, 168, 170–172, 177, 178, 187, 241  
Личиу Д. 241  
Ллойд Джордж Д. 136  
Логановский М.А. 174  
Локкарт Р.Б. 62  
Ломов Г.И. 118  
Ломоносов Ю.В. 121  
Лукьянов Ф. 14, 192, 251  
Лунышин П.Д. 14, 15, 49, 180, 192, 251  
Лупу Н. 210  
Лучиан Шт. 207  
Лэпушняну А. 211
- М**  
Майский И.М. 188, 190, 191, 250  
Максаков 147  
Маленков Г.М. 199  
Малинский В. 201  
Маниу Ю. 165  
Маргиломан А. 54  
Мария, *дочь Дмитрия Кантемира* 174  
Мария, *принцесса, дочь Фердинанда I и Марии Румынской* 176  
Мария Румынская, *королева Румынии, супруга Фердинанда I* 8, 19, 27, 31, 33, 34, 39, 94, 96, 162, 163, 172, 217, 236, 243  
Марковчин В.В. 20  
Мархлевский Ю. 84, 85  
Матвеев Г.Ф. 76, 80, 81

Матей I Басараб, *господарь*

*Валахии* 154

Махно Н. 107

Маурер И.Г. 18, 215, 220, 221, 224

Мачь М. 195

Мелек 52

Мельтюхов М.И. 12, 25, 26, 98, 99,  
138, 181, 241

Менжинский В.Р. 67

Михай I (Гогенцоллерн-  
Зигмаринген), *король Румынии* 197

Михайлов Н.А. 205, 206

Михалевский Ф.И. 27

Михутина И.В. 65, 76, 84

Могирош А. 210

Мойсук В. 15, 16, 39, 233, 234

Молотов В.М. 114, 181, 182, 183,  
188, 191, 199, 232

Монкевиц Н.А. 46, 48, 88

Морару К. 234

Морозов Н. 239, 242

Мосолов А.А. 25, 30, 31, 35, 243

Мосякин А.Г. 121

Муравьёв М. 70, 123.

Муралов Н.И. 37, 38

Муссолини Б. 192

Мэнеску К. 18, 215

Мэнеску М. 215

## Н

Наринский М.М. 81

Некрасов, *контролёр* 147, 152

Никвист 121

Никодим 154

Никола Чудотворец 167

Св. Николай 150

Николай II (Романов), *российский*  
*император* 27

Никулеску-Мизил П. 215

Ниронов С.Я. 147

Новицкий Е.Ф. 178

Нуланс Ж. 57, 59

## О

Одобеску А. 156

Оленев К.И. 187

Опреску Д. 200, 201, 206, 208, 210

Орвид Г.А. 206

Орлик И.И. 13, 233

Орошан А. 233

Осокина Е.А. 8, 118, 119, 123, 127,  
128, 130, 131, 132

Островский М.С. 171, 177–179

Оськин М.В. 28, 41, 42–45

Оттулеску А. 184

Оцетя А. 207

Ошка А. 234

## П

Павлов Д.И. 144

Панцырь И. 63

Параскева, *жена господаря*

*Молдавии Михая Раковицэ* 155

Параскивеску К. 101

Пахомова В.И. 206

Пашуканис Е.Б. 101

Петлюра С. 101

Петров Ф.Н., *председатель*  
*Главнауки* 147

Пилсудский Ю. 76, 84

Пименов Д. 53

Писарская Л.В. 209

Подвойский Н.И. 56

Подгорный Н.В. 215

Покивайлова Т.А. 11, 12, 13, 25, 31,  
44, 49, 53, 55, 56, 57, 63, 69, 70, 72, 73,  
77, 96, 100, 117, 135, 168, 181, 213,  
216, 235–241

Поклевский-Козелл С.А. 35

Поливанов А.А. 42

Поп И.-А. 233, 239

- Попович И. 67, 68, 175  
Потёмкин В.П. 170  
Прахницкий В. 63  
Присня К. 206  
Прунариу Д. 238  
Птолемей I, *египетский царь* 207  
Путин В.В. 13, 233, 250, 253  
Путинцев И.С. 232  
Пушкин А.С. 201  
Пэрвулеску К. 210  
Пэтрэшкану Д. 16  
Пэунеску К. 18, 234, 237, 239, 240
- Р**  
Раковицэ Михай, *господарь Молдавии* 155  
Раковский Х.Г. 21, 64, 67, 70, 71, 74, 79, 81, 84, 86, 87, 96, 101, 105, 131, 132, 134, 148, 158–160, 162  
Раля М. 206, 208  
Рафаэль 200  
Рембрандт 200  
Риббентроп И. фон 181, 182, 232  
Роман П. 230  
Романовы, *царская династия* 27  
Ромашкану М.Г. 16, 32, 33, 34, 35, 216  
Рошаль С.Г. 55  
Рубенс 200  
Рудьев В. 63  
Рэдулеску С. 172  
Рэшкану В. 192, 255  
Рябикин С. 238
- С**  
Сабанин А.В. 90  
Сабуров М.З. 188  
Савинков Б.В. 245  
Салинья А. 31  
Сандомирский Г.Б. 101, 111, 112, 147, 158, 160  
Сапоговская Л.В. 14, 119, 127, 128, 130, 132  
Сарре М. 69  
Селиванова И.С. 9  
Семёнов, *банковский работник* 147  
Семёнов М.Г., *атаман Забайкальского казачьего войска* 125  
Семёнова Л.Е. 11, 13, 25, 31, 44, 49, 53, 55, 56, 57, 63, 69, 70, 72, 73, 77, 96, 100, 117, 135, 168, 181, 233, 235, 236–238  
Сент-Олер О.Ф.-Ш. де 69  
Серапионова Е.П. 13, 14, 42, 123, 126  
Силуянов Н.М. 188  
Сироткин В.Г. 14, 27, 118, 119, 120, 123, 124, 127, 128, 132, 133, 233, 237  
Скрипали (Сергей, Юлия) 240  
Скурту И. 19, 232, 233, 234, 236, 237, 239, 242, 251  
Случ С.З. 181  
Сокольников Г.Я. 22, 122, 126, 129–131, 146  
Спиро В.Б. 64, 66  
Сталин И.В. 84, 85, 143, 151, 159, 181, 186, 192, 193, 197, 199, 245, 251  
Стойка К. 196, 205, 210, 211, 222  
Стомоняков Б.С. 173  
Стыкалин А.С. 28, 43, 216  
Суриц Я.З. 169  
Сфырля М. 239  
Сэвулеску Тр. 205
- Т**  
Тампа Н. 234  
Титулеску Н. 35, 61, 170, 171, 172, 176, 177, 179, 241  
Тициан 200  
Тодическу М. 88

Толбухин Ф.И. 194  
Троцкий Л.Д. 20, 64, 77, 81–85,  
102, 114, 119, 121  
Труш М.И. 57  
Гуманов Н.Г. 147  
Тухачевский М.Н. 83  
Тэтэреску Г. 171

**У**

Ульянов В. См. Ленин В.И.

**Ф**

Фердинанд I (Гогенцоллерн-  
Зигмаринген), *король Румынии* 24,  
55, 165  
Филалити Г. 101, 103, 105–113  
Френсис Д.Р. 56, 57  
Фриче В.М. 59, 60, 61, 62

**Х**

Хилл Дж. 20, 27, 28, 38–40  
Хольм 121  
Хотимский 147  
Хрущёв Н.С. 186, 199, 200,  
202–206, 213, 251  
Хуллегат М. 60

**Ц**

Цвиркун В.И. 175  
Цугуй П. 201

**Ч**

Чаушеску Н. 17, 19, 210, 213–216,  
220, 221, 223–227, 229, 230, 250  
Ченцов 147  
Чернышёва А.Д. 210  
Черня Э. 241  
Черчилль У. 192  
Чиж А. 25

Чикаров Г.В. 152  
Чиотори Д.Н. 78, 80, 85, 101  
Чириков Г.О. 153  
Чичерин Г.В. 21, 38, 65, 66, 71, 79–  
87, 91, 96, 99, 100, 104, 106, 111–114,  
133–135, 137, 138, 141, 142, 151, 158,  
159  
Чичкин А.А. 14, 180, 192, 251  
Чиунту Э. 171, 174, 175  
Чубарьян А.О. 13, 233, 235, 257  
Чумаченко П. 63  
Чураков С.С. 210  
Чуцкаев С.Е. 143

**Ш**

Шелепин А.Н. 215  
Шеншев В.И. 67, 68, 89, 91  
Шляпников А.Г. 134, 147–149, 151,  
158, 159, 160, 164, 167  
Штерн Д.Г. 174, 175  
Штефан Великий, *господарь  
Молдавии* 211  
Штефан М. 18, 240  
Шуваев Д.С. 43  
Шуленбург Ф. фон 182

**Щ**

Щербан I Кантакузин, *господарь  
Валахии* 155  
Щербачёв Д.Г. 24, 45–48, 55, 63

**Э**

Энеску Дж. 35, 172

**Ю**

Юдовский В.Г. 68, 70

**Я**

Ягода Г.Г. 245  
Язькова А.А. 13, 233, 236, 237  
Яковлев А.Н. 232

**A**

Anton M. 17, 19, 216, 218

Apostol Gh. 18

Argetoianu C. 72

Arghezi T. 208

**B**

Betea L. 17, 18, 199, 216, 218

Bistreanu I. 17, 57, 127

Botoran C. 15

Brucan S. 18

Brzeziński Z. 198

Buga V. 17, 19, 213, 229

Buzatu Gh. 184

**C**

Calafeteanu I. 15, 229

Călinescu G. 208

Chiper I. 17, 19, 216, 217, 218, 223

**D**

Daicoviciu C. 208

**L**

Lapedatu Al. 38

**M**

Moisuc V. 15, 17, 39, 40

Monkewitz N. 49

**O**

Oprescu G. 208

Oțetea A. 208

**P**Păunescu Cr. 17, 18, 28, 30, 35, 61,  
187, 240**R**

Romașcanu Mihail Gr. 16, 26

**S**

Schipor I. 28

Scurtu I. 17, 19, 28, 30, 31, 64, 231–  
233, 237, 238**Ș**

Ștefan M. 17, 28, 30, 35

**Ț**

Țonu M. 187

Țugui P. 17, 201, 202, 204

**V**

Văratie V 97

Voicu M. 17, 19, 28, 30, 33, 34, 38,  
124–126, 134, 163, 195, 201, 210, 230,  
231, 238

## SUMMARY

The history of Romanian gold exported to Russia during the First World War is full of mysteries, secrets, myths. Despite the fact that the problem of Romanian gold is one of the key issues in relations between the two countries, for various reasons it still has not received its final decision and up to now there is no monograph on this matter in Russian science.

During the First World War, Romania was under the threat of occupation by the countries of the Fourth Union: Germany, Austria-Hungary, Bulgaria and Turkey. The government and the National Bank of Romania, fearing that the national gold fund could be captured by the enemy, decided to evacuate the gold, Queen Mary's jewels and other property (e.g., national historical, cultural and artistic values, property of monasteries and individuals, archives, bank papers) to Russia under the guarantees of the Tsar (and subsequently the Provisional government).

This cargo was sent to Russia by two trains. The first train left on December 14<sup>th</sup> (27) from the Iasi station and arrived in Moscow on December 21 (January 3, 1917). 1.738 boxes with gold coins and gold ingots in the amount of 314.580.456 gold lei and 2 chests with Queen Mary's jewels worth another 7 Million gold lei were dispatched.

Gold was placed in the storerooms of the Moscow Kremlin. Each room had doors with different locks. It was only possible to get into the storerooms with both keys, one of which was kept by the Russian representative and the other by the Romanian representative.

Despite the deterioration of the political situation in Russia after the 1917 February Revolution and the ongoing collapse of the Romanian front, the Romanian government decided to send a second train to Moscow. The valuation of property, which arrived in Moscow, was made without any inventory, based on a verbal statement by a representative of the National Bank of Romania in the amount of 6.5 billion gold lei, which was equal to 2,495,000,000 gold rubles at the time. Up until October 1917, 101 boxes of valuables were transferred to the Romanian side and the Romanian gold reserve decreased by 444,000 gold rubles.

The February and October revolutions in 1917, followed by the establishment of the Soviet regime in Russia, have affected the fate of Romanian gold in Moscow. After the breakup of diplomatic relations with Romania in January 1918 owing to the seizure of Bessarabia by Romanian troops, the Soviet government stated that it was no longer responsible for the Romanian gold stored in Russia.

According to the estimates of the Soviet state commissions created in 1918 to investigate damages caused by the Romanian army and the Roma-

nian authorities, the total damages exceeded all the debts of Romania, including the gold reserve and valuables stored in Moscow.

During the civil war, in 1918, the Soviet government decided to evacuate the gold reserve from St. Petersburg to Nizhny Novgorod and from Moscow to Kazan, respectively. Together with the Russian gold, Romanian gold was also sent to Kazan. It is possible that some of the gold was kept in other cities.

Gold stored in Kazan was subsequently sent to Samara, then to Ufa, then to Irkutsk, and finally to Omsk, where it fell into the hands of the White Guard Kolchak government. It is possible that some of the gold was stolen while en route as well.

Since 1918, the issue of Romanian gold and valuables stored in Moscow has become the subject of bilateral negotiations between the Soviet and Romanian governments. These negotiations continued until 1934, when diplomatic relations were restored. During discussions on the eve of the restoration of diplomatic relations between the USSR and Romania, an agreement was reached, according to which the problems of Bessarabia and Romanian gold would be deemed out of scope of negotiations, and hence would not be raised.

In 1922–24, two inventories of Romanian valuables held in the Moscow Kremlin were conducted. The inventory revealed that, in addition to historical and artistic values, precious metals, rare books and icons, and antiquities, there were many household and random items, including boxes with clothes, dishes, wine, and even two boxes with gunpowder. Significant amount of money was spent on the inventories to preserve Romanian collections.

In 1935, following the restoration of Soviet-Romanian relations, archival documents and materials were returned to Romania, and in 1956, historical and artistic valuables transferred to Russia in 1917 were also returned (39,320 exhibits from museums and monasteries in Romania, 33 kg. of gold in pieces and 690 kg. of silver).

However, the problem of returning the gold itself remained unresolved. In 1917, the gold fund of Romania held in Russia was estimated at approximately 117 million gold rubles. On January 1, 1921, its value was reduced to 105,102,337 rubles, and a year later reduced down to 87,074,503 gold rubles. Part of the Romanian gold was retained in the Moscow Kremlin as negotiations were underway with Romania on the peace treaty, and the return of the gold fund to Romania could become an important factor in the bilateral relations between the two countries.

However, when the Currency Department of the People's Commissariat of Finance sent a memo to the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspectorate at the end of 1924, it referred to Romanian gold as something subsumed in the holdings and that no longer existed as an independent unit. At the same time, the memo referenced 282 pieces of Romanian

valuables in the *Gokhran* (gold, platinum, silver, precious stones, clothing, metal, faience and glass dishes, etc.), estimated at 1,185,575 rubles.

During the Second World War, Romania sided with Hitler's Germany and sent the second largest army (after the German army) against the USSR. Romanian forces reached Stalingrad and the Caucasus. Romania captured the Moldavian SSR, Northern Bukovina, the Crimean Peninsula, and Odessa. Romanian occupation authorities pursued the policy of looting Soviet property and terrorized the local population. On August 23, 1944, a coup d'état took place in Romania and the new government decided to switch sides and become allied with the anti-Hitler coalition. It should be noted that both the improvement and deterioration of relations between the USSR and Romania also influenced the issue of the Romanian gold.

In 1965, after Nicolae Ceaușescu came to power in Romania, growing nationalism and Romania's refusal to toe the Soviet line, have resulted in the Romanian leadership again raising the question of the return of the gold. The Soviet government categorically rejected this demand, arguing that Romania's debts to Russia accumulated during the First and Second World Wars far exceeded the value of the gold reserve sent to Russia, and stated that it considered this problem closed. However, the Romanian government continued to raise this issue, and it has not lost its relevance to date.

Following the overthrow of the Ceausescu regime in Romania, the question of returning the Romanian gold reserve to Romania again surfaced during the negotiations on the signing of a new agreement on cooperation between Russia and Romania. However, when signing the treaty in 2003, Russian President Putin and Romanian President I. Iliescu agreed to consider issues such as Romanian gold to be out of scope of the treaty and tasked historians of the two countries to study the issue further. A joint public commission was created, which on the Russian side was headed by A.O. Chubaryan.

If Romania continues to make claims for the return of the Romanian gold, one can expect Russian counter-claims with respect to losses of the Russian property in Romania and Bessarabia during the First World War and damages to the Soviet people during the Second World War.



## КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

### в Санкт-Петербурге:

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»**  
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)  
8 (812) 273 50 53 [www.podpisnie.ru](http://www.podpisnie.ru)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»**  
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)  
8 (911) 977 40 47 [www.vse-svobodny.com](http://www.vse-svobodny.com)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»**  
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)  
8 (812) 640 44 06 [www.lavkapisateley.spb.ru](http://www.lavkapisateley.spb.ru)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»**  
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)  
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 [www.slovo.net.ru](http://www.slovo.net.ru)  
.....

.....  
**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**  
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)  
8 (812) 643 77 43 [www.vk.com/dpcspbe](http://www.vk.com/dpcspbe)  
.....

### в Москве:

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»**  
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)  
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 [www.moscowbooks.ru](http://www.moscowbooks.ru)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»**  
Москва, Малый Пнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)  
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 [www.falanster.ru](http://www.falanster.ru)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»**  
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)  
8 (495) 951 19 02 [www.primuzee.ru](http://www.primuzee.ru)  
.....

.....  
**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»**  
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)  
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 [www.bookshop.hse.ru](http://www.bookshop.hse.ru)  
.....

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** «БИБЛИО-ГЛОБУС»  
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)  
[www.biblio-globus.ru](http://www.biblio-globus.ru)

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** «У КЕНТАВРА»  
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)  
8 (495) 250-65-46 [www.rsuh.ru/kentavr](http://www.rsuh.ru/kentavr)

.....  
**в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:**

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** «ЭПОСЕРВИС»  
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4  
+375 17 338 95 23 [www.tregross.com](http://www.tregross.com)

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** «КНИЖНЫЙ БУМ»  
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)  
+38 067 273-50-10 [www.academbook.com.ua](http://www.academbook.com.ua)

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** при «Centrum Nauczania Języka  
Rosyjskiego w Warszawie»  
Ptasia 4, 00-138 Warszawa  
+48 22 826 17 36 [www.jezykrosyjski.com.pl](http://www.jezykrosyjski.com.pl)

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН** «Intelektuāla grāmata»  
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)  
+371 67315727 [www.merion.lv](http://www.merion.lv)

.....  
**Электронные книги:**

**ДИРЕКТ-МЕДИА** [www.directmedia.ru](http://www.directmedia.ru)  
**ЛИТРЕС** [www.litres.ru](http://www.litres.ru)

.....  
**Интернет-магазины:**

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»** [www.moscowbooks.ru](http://www.moscowbooks.ru)  
**OZON** [www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)  
**NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS** [www.nkbooksellers.com](http://www.nkbooksellers.com)  
**ESTERUM** [www.esterum.com](http://www.esterum.com)  
**БУКВОЕД** [www.bookvoed.ru](http://www.bookvoed.ru)  
**ЧИТАЙ ГОРОД** [www.chitai-gorod.ru](http://www.chitai-gorod.ru)  
**MY-SHOP.RU** [www.my-shop.ru](http://www.my-shop.ru)  
**КНИЖНЫЙ БУМ** [www.academbook.com.ua](http://www.academbook.com.ua)

# Покивайлова Татьяна Андреевна

Судьба «румынского золота» в России 1916–2020

Очерки истории

Главный редактор издательства

*Игорь Александрович Савкин*



Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*

Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,

e-mail: fempro@uandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна

192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:

e-mail: aletheia92@mail.ru

[www.aletheia.spb.ru](http://www.aletheia.spb.ru)

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести  
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Фаланстер», М. Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, [kentavr@kpole.ru](mailto:kentavr@kpole.ru)

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

*в Киеве:*

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, [gron1111@mail.ru](mailto:gron1111@mail.ru)

*в Минске:*

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, [www.tregross.com](http://www.tregross.com)

*в Варшаве:*

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, [szkola@jezykrosyjski.com.pl](mailto:szkola@jezykrosyjski.com.pl)

*в Риге:*

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, [info@merion.lv](mailto:info@merion.lv)

**Интернет-магазин: [www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)**

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 16,8. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №